Б. Н. КОМИССАРОВ

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ЛАНГСДОРФ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге, написанной на основе широкого круга архивных материалов, рассказывается об академике Г.И. Лангсдорфе - человеке необычной судьбы, больших и разносторонних знаний. Доктор медицины Геттингенского университета, лиссабонский врач, натуралист на кораблях И.Ф. Крузенштерна, член российского посольства в Японию, возглавлявшегося Н.П. Резановым, автор проекта административно- хозяйственных преобразований на Камчатке, российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро, организатор и руководитель первой русской экспедиции в Бразилию - таковы этапы жизненного пути ученого, освещенные в книге.Издание рассчитано на историков науки, этнографов, лингвистов, ботаников, зоологов, географов, а также на всех, интересующихся странами Латинской Америки и деятельностью русских путешественников.

•

Б.Н. КОМИССАРОВ
ГРИГОРИИ ИВАНОВИЧ
ЛАНГСДОРФ
1774 — 1852
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Ленинградское отделение Ленинград 1975

В книге, написанной на основе широкого круга архивных материалов, рассказывается об академике Г. И. Лангсдорфе — человеке необычной судьбы, больших и разносторонних знаний. Доктор медицины Геттингенского университета, лиссабонский врач, натуралист на кораблях И. Ф. Крузенштерна, член российского посольства в Японию, возглавлявшегося Н. П. Резановым, автор проекта административно- хозяйственных преобразований на Камчатке, российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро, организатор и руководитель первой русской экспедиции в Бразилию — таковы этапы жизненного пути ученого, освещенные в книге.

Издание рассчитано на историков науки, этнографов, лингвцстов, ботаников, зоологов, географов, а также на всех, интересующихся странами Латинской Америки и деятельностью русских путешественников.

Ответственный редактор Р. В. Кинжалов
К
20901-211

054 (02)-75
66-75 НПЛ
© Издательство «Наука», 1975

ОТ АВТОРА

В 1974 г. Академия наук СССР отметила 200-летие со дня рождения выдающегося русского ученого и путешественника академика Григория Ивановича Лангсдорфа. Человек удивительной судьбы, больших и разносторонних знаний, незаурядных личных качеств, Г. И. Лангсдорф внес значительный вклад в географию, ботанику, зоологию, этнографию, лингвистику и многие другие отрасли знаний. Его имя осталось и в истории дипломатии — Г. И. Лангсдорф сыграл крупную роль в развитии русско-бразильских отношений.

Уроженец юго-западной Германии, Г. И. Лангсдорф с начала XIX в. был неразрывно связан с Россией и русской наукой. Ученый в 1803—1805 гг. был участником кругосветного плавания Й. Ф. Крузенштерна и членом посольства Н. П. Резанова в Японию, в 1805—1808 гг. путешествовал по Русской Америке, Калифорнии, Камчатке, Сибири, а с 1812 г. стал российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро.

Академик Г. И. Лангсдорф может по праву считаться родоначальником русской научной американистики. В 1821—1829 гг. он возглавлял русскую научную экспедицию в Бразилию. Ученый предпринял комплексное исследование Бразильского нагорья, составил совместно с Л. Риделем гербарий почти в сто тысяч экземпляров, собрал богатые коллекции этнографических предметов, а также документов по истории Бразилии, записал языки многих индейских племен, оставил обширные неопубликованные дневники — настоящую энциклопедию сведений об этой крупнейшей южноамериканской стране. В одном из своих дневников Лангсдорф писал, что годами собирал материалы о Бразилии, обращая особое внимание на изучение «географических и политических условий..., нравов, обычаев, языков».1 Литературное и архивное наследие ученого ныне интенсивно изучается и готовится к публикации.

Имя Г. И. Лангсдорфа пользуется большим уважением не только в нашей стране, но и за рубежом, особенно в Бразилии. В этом году бразильская научная общественность отмечает 150-летие экспедиции Г. И. Лангсдорфа в глубинные районы страны.

Между тем история жизни и научного творчества академика Лангсдорфа почти неизвестна. В значительной мере это связано с тем, что кипучая деятельность ученого неожиданно прервалась: путешествуя весной 1828 г. по Амазонии, он заболел тропической

лихорадкой, приведшей к тяжелому психическому недугу. Архив экспедиции, доставленный в Петербург, около ста лет считался утраченным и был обнаружен лишь в 1930 г. Другие материалы о Г. И. Лангсдорфе оказались рассеянными по многим отечественным и зарубежным архивам.

Первую серьезную попытку написать биографию Г. И. Лангсдорфа предпринял русский этнограф Г. Г. Ма- низер (1889—1917). Он закончил свою книгу в 1917 г., но вскоре умер, и она увидела свет только в 1948 г. (после того как рукопись подготовила к печати Н. Г. Шпринцин) под названием «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828)». Г. Г. Мани- зер написал важную и интересную работу, но он не располагал многими основными источниками по избранной теме, в том числе — архивом экспедиции в Бразилию.

Создание фундаментальной научной биографии Г. И. Лангсдорфа — дело будущего. Предлагаемый читателю очерк является лишь первым шагом в этом направлении. В работе над материалами Г. И. Лангсдорфа неоценимую помощь автору оказала старейшая сотрудница Архива Академии наук СССР Мария Владимировна Крутикова (1888—1974). Глубокую благодарность за помощь автор приносит, доценту кафедры романской филологии Ленинградского университета Е.Г. Голубевой. Работая над книгой, автор встречал неизменную поддержку со стороны академика М. П. Алексеева и президента Географического общества СССР академика С. В. Калесника, которым выражает сердечную признательность.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ. НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Григорий Иванович Лангсдорф происходил из небогатого немецкого дворянского рода, самые ранние упоминания о котором относятся к 1232 г.1 Его прапрадед Мельхиор Кристоф Лангсдорф был бургомистром, прадед Иоганн Николаус — ректором латинской школы, дед Георг Мельхиор — адвокатом, а затем казначеем. Отец ученого Готлиб Эмилиус Лангсдорф (1747—1827), окончив в 1766 г. Геттингенский университет, тоже стал адвокатом, но спустя несколько лет получил место управителя небольшого городка Вёллыптейн в курфюршестве Майнц. Здесь у Готлиба и его жены Анны Катарины (до замужества—Кох) родилась дочь Франциска, а 6 (18) апреля* 1774 г. — сын Георг Генрих, который и стал впоследствии известен в России как Григорий Иванович Лангсдорф.

В 1779 г. Анна Катарина умерла. Вскоре у Франциски и Георга появилась мачеха, а затем и сводный брат Вильгельм Генрих. В 1784 г. семья переселилась в город Лар, куда Готлиб

Эмилиус был приглашен на должность советника.

Оставшись пяти лет без матери, Геррг недолго жил с отцом и мачехой. Среднюю школу он окончил в Бух- вейлере, а гимназию —в Идштейне. 4(16) октября 1793 г. Георг Генрих Лангсдорф поступил в Геттингенский университет.

Во второй половине XVIII в. этот университет, открывшийся в 1737 г., переживал период расцвета, став одним из главных центров немецкой научной мысли эпохи

* Все даты в книге даны по старому стилю. Для событий, происходивших за пределами России, даются, как правило, две даты — по старому и (в скобках) по новому стилю.

Просвещения. Среди наиболее видных и влиятельных профессоров Геттингена был директор университетской библиотеки Христиан Гейне, блестящий знаток мифологии, археологии и древней истории, издатель Тибулла, Вергилия, Пиндара, Эпиктета, Гомера. Востоковед Иоганн Ми- хаэлис приобрел известность своими исследованиями Библии, анализируя которую пользовался описаниями путешествий в Палестину и страны Востока. Далеко за пределами Геттингена знали историков Августа Шлёцера и Арнольда Геерена, физика, астронома и публициста Георга Лихтенберга, лингвиста Иоганна Эйхгорна и других университетских ученых.

Среди блестящих геттингенских профессоров особым почетом было окружено имя Иоганна Фридриха Блумен- баха. Еще зимой 1772—1773 гг. двадцатилетним юношей он приехал в Геттинген из Иены, где слушал лекции Иоганна Вальха — профессора красноречия и эстетики, а также видного минералога. В Геттингене учителем Блу- менбаха стал Христиан Бютнер. Его увлекательные лекции по естественной истории были основаны на хорошо подобранных коллекциях, а также трудах многочисленных путешественников. Лекции эти включали и сведения по антропологии и этнографии, особенно заинтересовавшие молодого Блуменбаха. Когда естественноисторический кабинет Бютнера, по предложению Гейне, был приобретен университетом, Блуменбах стал его хранителем, а впоследствии, преобразовав это собрание в музей, долгие годы директорствовал в нем.

Блуменбах был крупным анатомом, физиологом, разносторонне образованным естествоиспытателем (его руководство по естественной истории выдержало 12 изданий). Однако всемирную известность он заслужил главным образом как антрополог и основатель научной краниологии. Коллекция черепов, собранная Блуменбахом, была крупнейшей из

существовавших в то время. Материалы по антропологии Блуменбах, как и Бютнер, в значительной мере черпал из описаний путешествий, но по масштабам исследований этих источников и мастерству их анализа ученик превзошел своего наставника. Он не только с величайшей скрупулезностью, в строгой хронологической последовательности изучил все описания путешествий, хранившиеся в богатейшей университетской библиотеке, но и предложил методы их научной критики. При анализе

описаний Блуменбах тщательно изучал личность путешественника, сопоставлял труды исследователей, работавших в каком-либо районе одновременно, предостерегал от необдуманного сравнения описаний, появившихся в разные годы.

Популярность Блуменбаха и его научные связи сделали Геттингенский университет местом паломничества натуралистов из разных стран. Сам Блуменбах покидал Геттинген нечасто, но почти каждая его поездка приводила к новым интересным знакомствам. В 1791 г. в Лондоне он сблизился с одним из спутников Джеймса Кука Д. Бэнксом, основавшим известную ассоциацию по исследованию Африки, в 1796 г. посетил в Веймаре Гете, который упомянул об этом в одном из своих писем к Шиллеру, а когда в 1806 г. ученый был в Париже, с ним пожелал познакомиться Наполеон.

Научный авторитет Блуменбаха, отдавшего профессорской деятельности шестьдесят лет, был громадным. В 1828 г. А. Гумбольдт, слушавший в свое время лекции ученого, назвал его наряду с Гете «патриархом отечественной славы».2 Яркие, впечатляющие лекции Блуменбаха учили исследовать природу и человека в их неразрывном единстве и взаимодействии, пробуждали мысль, страсть к путешествиям, жажду открытий. Блуменбах стал главой целой школы естествоиспытателей и народоведов, каждый представитель которой в той или иной мере воплотил в своей деятельности научный стиль и методы геттингенского профессора. Он требовал от своих воспитанников не только тщательного изучения природы, языка, культуры, нравов и обычаев исследуемой ими страны, на и умения смотреть на окружающее глазами ее населения, жить его заботами, понимать его каждодневные трудности. Представителями школы Блумпнбаха были исследователи Африки Ф. Хорнеманн, У. Зетцен, Г. Рентген, М.-Г. Лихтенштейн, И. Буркхардт, много путешествовавший по Северной и Южной Америке Максимилиан цу Вид-Нейвид, Ф. Линк, изучавший Пиренейский полуостров, А. Грисбах, А. фон Гакстгаузен, известный своими трудами о России,

и многие другие. Лангсдорфу суждено было занять среди них особое место.

В университете девятнадцатилетний Лангсдорф посвятил себя медицине и естественным наукам. С особым интересом он занимался фармакологией, сравнительной ана-

томней, ботаникой. Лекции Блуменбаха, как писал впоследствии ученый, предопределили его интересы. Способности нового геттингенского студента были, скоро замечены, и он постепенно превратился из ученика в коллегу своих университетских преподавателей. Среди товарищей Георга Генриха выделялся Вильгельм Эшвеге, впоследствии крупный минералог, знаток геологии Бразилии. В 1797 г. Лангсдорф стал доктором медицины, защитив диссертацию о повивальном искусстве.3

По рекомендации геттингенских профессоров и благодаря содействию своего дяди по матери — тайного советника Коха, служившего в Эрфурте, Лангсдорф вскоре после защиты диссертации стал лейб-медиком одной немецкой владетельной особы — принца Христиана Августа фон Вальдек.

Принцу было тогда за пятьдесят. Профессиональный военный, он с юных лет служил в различных армиях. В 60—80-х годах Христиан Август участвовал в войнах с Турцией. В сентябре 1792 г. в бою с французскими революционными войсками близ Тионвиля 16-фунтовое ядро оторвало ему левую руку. Тем не менее уже в октябре следующего года принц командовал корпусом при форсировании Рейна, затем служил в Голландии, австрийских землях, Богемии и, наконец, получил предложение принять верховное командование португальской армией. Как раз в это время ему рекомендовали Лангедорфа. Перспектива отправиться в незнакомую страну пришлась по душе молодому доктору медицины, еще ни разу не выезжавшему за пределы Германии и мечтавшему о путешествиях. Так в 1797 г. Лангсдорф оказался в Лиссабоне.

Немецкого принца приняли в Португалии с большими почестями, но придворные круги, ревниво относившиеся к высокопоставленному чужестранцу, вскоре стали упорно мешать ему в осуществлении военных реформ. Для ознакомления с состоянием португальской армии Христиан Август со своей свитой, в состав которой входил и Лангсдорф, весной 1798 г. совершил длительную поездку по стране. Бравый генерал был, по отзывам Лангедорфа, «другом наук» п, по-видимому, поощрял стремление своего лейб-медика наблюдать окружающую природу и собирать естественнонаучные коллекции. Служба у принца

продолжалась, однако, недолго: в сентябре 1798 г. Христиан Август фон Вальдек умер в расположенном непо¬

10

далеку от Лиссабона городе Синтре от «грудной водяной болезни», явившейся следствием ранения.

По совету португальского министра Луиша Пинту де Соузы Коутинью Лангсдорф решил остаться в Лиссабоне как практикующий врач и довольно скоро приобрел множество пациентов из немецких, английских и португальских домов. Это было неудивительным, так как он одним из первых начал вводить в Лиссабоне оспопрививание, только что открытое англичанином Э. Дженнером и ставшее европейской сенсацией.

В 1800 г., не прерывая частной практики, Лангсдорф стал врачом находившегося в Лиссабоне немецкого госпиталя. К тому времени он уже хорошо овладел португальским языком и при поддержке упомянутого министра написал на этом языке и затем издал книгу о правилах организации образцовых больниц.4 Европейские больницы того времени нередко содержались в очень плохом санитарном состоянии, население их избегало, и потребность в такого рода сочинениях была велика. Небольшая, около семидесяти страниц крупной печати, работа эта содержит сведения о родильных домах, военных и военно-морских госпиталях, психиатрических лечебницах, ббльницах для лечения оспы и венерических болезней. Основное внимание Лангсдорф уделил больницам общего типа. Особые главы он посвятил конструктивным особенностям зданий таких больниц, гигиене больничных помещений, способам очистки воздуха, диетическому питанию, ведению больничного хозяйства и т. д. К книге были приложены даже образцы бланков для записей, касающихся историй болезни пациентов, наблюдений погоды и других. Одновременно Лангсдорф выпустил на немецком языке книгу, связанную по теме с его докторской диссертацией.5

Медицинская практика отнимала у Лангсдорфа очень много времени. Из дневника русского морского офицера Е. Е. Левенштерна, которому ученый впоследствии рассказывал о своей жизни в те годы, мы узнаем, например, что однажды он «нанялся к сумасшедшему португальцу, путешествовал с ним в Англию, а оттуда обратно в Лиссабон».6 Между тем в свободные часы Лангсдорф интенсивно занимался научными исследованиями и сбором коллекций. Он поддерживал связи с коллегами из Геттингена, избравшими его в 1798 г. действительным чле¬

11

ном своего Физического общества, видными деятелями

которого были Гумбольдт, Зетцен, Линк. В Лиссабоне Лангсдорф встречался с немецким энтомологом и ботаником И.-Ц. Гофмансегом, изучавшим природу Португалии, а также вступил в переписку со многими известными французскими естествоиспытателями. Среди его корреспондентов были Э. Жоффруа Сент-Илер, А. Дюме- риль, П. Латрейль, Г. Оливье, Р.-Ж. Айюи и другие. Особый интерес Лангсдорфа вызвала в то время ихтиология. «В бытность мою в Лиссабоне, — писал он позднее,— часто ходил я в рыбный ряд, где множество рыб и различные их виды столько привлекли мое внимание, что принял я твердое намерение приобрести некоторые познания в сей части естественной истории, в которой до сего времени был я несведущ, и собрать различные породы рыб».7 Занятия ихтиологией неизбежно поставили перед Лангсдорфом вопрос о наиболее эффективных способах консервации рыб. Эта почти не разработанная тогда проблема, от решения которой полностью зависело дальнейшее развитие ихтиологии, очень увлекла ученого.

Весной 1801 г. Португалия, издавна тесно связанная с Англией, подверглась нападению со стороны Испании, которая со времени Базельского мира 1795 г. была в союзе с Францией. Несмотря на помощь англичан, португальская армия была разбита в несколько дней. В июне в Ба- дахосе, а в сентябре в Мадриде были подписаны крайне невыгодные для Португалии мирные соглашения с Испанией и Францией. Однако находившийся близ Лиссабона шеститысячный английский корпус стал готовиться к походу в Испанию. В него-то в качестве хирурга и вступил Лангсдорф, которого стала тяготить частная практика. Служба в армии принесла ему и материальную независимость и возможность уделять больше времени науке. В Испании Лангсдорф пробыл до весны 1802 г. и, как сообщает известный натуралист и путешественник Ф. Рат- цель, приобрел там «русских друзей».8 О подписании 15(27) марта Амьенского мирного договора, положившего конец военным действиям между Англией, с одной стороны, и Францией с ее союзницами Испанией и Батав- ской республикой — с другой, Лангсдорф узнал уже в Лиссабоне.

В. Вальдбрюль, изучавший жизненный путь Лангсдорфа, упомянул, что «в Лиссабоне он познакомился

с русскими путешественниками и через них завязал переписку со многими учеными».9 Подробности этих встреч, оказавшихся весьма существенными для дальнейшей деятельности Лангсдорфа, выяснить пока не удалось. Можно

лишь предположить, что первым русским ученым, которому он писал из португальской столицы, был физик академик Л. Ю. Крафт. 22 февраля (6 марта) 1802 г. Лангсдорф сообщил ему о своих ихтиологических наблюдениях, способах изготовления чучел рыб, а также послал несколько таких экспонатов.10 Через десять дней ученый вновь отправил Крафту «маленькое сообщение о рыбах и насекомых».11 В ноябре 1802 г. материалы, присланные Лангсдорфом, получили положительный отзыв видного русского географа и естествоиспытателя академика Н. Я. Озерецковского, а 7(19) января 1803 г. было принято предложение Л. Ю. Крафта об избрании «доктора медицины из Лиссабона» членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.12

К тому времени английский корпус в Португалии бщл расформирован, и Лангсдорф отплыл в Англию, предварительно отослав в Гамбург и Геттинген большие естественнонаучные коллекции, собранные на Пиренейском полуострове. После короткого пребывания в Лондоне он отправился во Францию. В письме Крафту от 23 февраля (7 марта) 1803 г. из Парижа Лангсдорф благодарил за избрание, рассказывал о знакомстве с французским энтомологом Гильомом Оливье, а также сообщал о посылке коллекций для организации обмена с Петербургской Академией наук и статьи, касающейся изготовления чучел рыб.13 Эта обстоятельная работа, опубликованная в переводе на русский язык в 1805 г., подводила итоги исследований Лангсдорфа, посвященных консервации ихтиологических препаратов.14 О набивании рыб Лангсдорфу сообщил Гофмансег, но ученый усовершенствовал его метод. В статье он подробно разъясняет, почему для исследования рыб недостаточно иметь только их рисунки, показывает преимущества способа набивания рыб по сравнению с их спиртованием, дает много практических советов, касающихся техники изготовления чучел, сообщая, например, новый рецепт приготовления мышьяковистого мыла для обработки шкур различных животных. Исследование Лангсдорфа было весьма актуальным для естествознания того времени. Так, за год до выхода его

статьи в трех книжках «Технологического журнала» публиковалась работа французского аббата Д.-Ж. Манесса о набивке чучел, переведенная академиком А. Ф. Севастьяновым.15

Вернувшись на родину, Лангсдорф снова поселился отдельно от своих родных, в Геттингене. Его отец продолжал жить в Ларе, а в конце лета 1803 г. перебрался в Гейдельберг — ему предложили место заседателя земского суда в расположенном неподалеку

Дильсберге.

С помощью своего университетского учителя Лангсдорф начал обрабатывать собранные коллекции и готовить к печати заметки о Португалии и Испании. Однако его не оставляла мысль о новом путешествии, теперь уже большом, за пределы Европы. Желание это легко объяснимо. Другие питомцы Блуменбаха совершали путешествия, по сравнению с которыми поездка Лангсдорфа в Португалию казалась незначительной. Гумбольдт уже четвертый год вел свои исследования в Америке; Хорнеманн, переодевшись мусульманским купцом, в 1798—1801 гг. первым из европейцев нового времени добрался до Ливийской пустыни, столовых плато Феццана и, как выяснилось спустя много лет после его гибели (в феврале 1801 г.), пересек Сахару; Зетцен в 1802 г. посетил Сирию, Палестину и собрал в Каире ценную коллекцию древностей. Гумбольдт и Зетцен путешествовали на свои средства, Хорнеманна субсидировала английская «Африканская ассоциация» во главе с Бэнксом, которому через три года Блуменбах рекомендовал и молодого Буркхардта.

Судьбу Лангсдорфа решило дошедшее до Геттингена известие о готовящемся первом русском кругосветном плавании.

Между Геттингеном и Петербургом уже несколько десятилетий существовали прочные научные связи и велась оживленная переписка. Еще в 1750 г. Геттингенский университет окончил сын петербургского почтдирек- тора барона Фридриха Аша Егор Аш, ставший тринадцать лет спустя первым членом медицинской коллегии. Е. Ф. Аш подарил Геттингенскому университету огромные коллекции и был избран иностранным членом его научного общества. Корреспондентом Петербургской Академии был Михаэлис. Связи геттингенских и петербургских ученых укрепились и благодаря работе в России Шлёцера.

14

Сведения об отправлении в плавание кораблей И. Ф. Крузенштерна стали известны Лангсдорфу в середине лета 1803 г., и он немедленно написал Л. К). Крафту, прося содействовать принятию его в состав экспедиции в качестве натуралиста. С той же просьбой ученый, по- видимому, обратился и к Ф. П. Аделунгу, языковеду и историку, только что назначенному наставником великих князей Николая и Михаила. Письмо Крафта, полученное Лангсдорфом 6 (18) августа, не оставляло, казалось, никакой надежды на возможность принять участие в плавании. Крафт писал, что корабли должны вот-вот выйти в море, что экипаж полностью укомплектован, а натуралистом назначен лейпцигский ботаник В. Г. Тилезиус фон Тиленау. Он упомянул также, что экспедиции предстоит восьмидневная стоянка в Копенгагене.

Последнее побудило Лангсдорфа действовать немедленно. В день получения письма Крафта ученый, пожалуй, впервые столь отчетливо проявил свою недюжиннук/ волю и способность добиваться поставленной цели. Вечером этого дня, завещав в случае смерти свои коллекции университетскому музею и попрощавшись с друзьями, он выехал в Любек, надеясь оттуда добраться до Копенгагена и застать там русские корабли. Блуменбах одобрил решительность Лангсдорфа и искренне пожелал ему удачи. «Никогда еще ни одно кругосветное путешествие не вызывало у меня столь теплых чувств», — писал он вскоре после отъезда своего ученика.16

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

9 (21) августа 29-летний Лангсдорф приехал в Любек. В близлежащей гавани Травемюнде ему удалось найти судно, отплывавшее в Копенгаген в ночь с 10 (22) на И (23) августа. Таким образом, рано утром 12 (24) августа Лангсдорф добрался до столицы Дании. Первый же встречный, у которого он осведомился о ближайшей хорошей гостинице, указал ему как раз на ту, где остановились офицеры русской экспедиции. «Сегодня доктор Лангсдорф прибыл сюда из Геттингена за пять суток, — отмечал в своем дневнике Крузенштерн. — Он написал в Петербург и сообщил о своем желании участвовать

в этом путешествии. Если бы его письмо прибыло на восемь дней раньше, то его без сомнения наняли бы».1 Крузенштерн и камергер Н. П. Резанов, следовавший на корабле «Надежда» в Японию во главе русского посольства, не сразу согласились принять Лангсдорфа в состав экспедиции. В Копенгаген со дня на день должен был прибыть Тилезиус, и воспользоваться услугами Лангсдорфа сначала соглашались лишь в том случае, если лейпцигский натуралист опоздает ко времени отплытия кораблей. «Нанять ли Лангсдорфа, не зависело только от меня», —писал в этот же день Крузенштерн в дневнике.2

Помимо обязательств перед Тилезиусом, Крузенштерна и Резанова, видимо, занимало и финансовое положение Лангсдорфа как участника будущего плавания. Он не состоял на русской службе, и жалования ему, естественно, не полагалось. Однако оба руководителя экспедиции (а каждый из них считал таковым себя, что, как известно, привело в дальнейшем к серьезным разногласиям между ними) были поражены бескорыстием Лангсдорфа и его преданностью науке. «Сильная страсть его к наукам, убедительная без всяких требований просьба и, наконец, рекомендация нашей академии, которой он корреспондентом», явились, по мнению Резанова, достаточными

основаниями для того, чтобы принять Лангсдорфа натуралистом на «Надежду».3 «Ревность сего ученого» и его настойчивое стремление «победить невозможности» отмечал и Крузенштерн.4 Кроме того, в разговоре с Резановым Лангсдорф, как это видно из дневника Крузенштерна, упомянул, что Тилезиус, о котором он был наслышан, неодинаково силен во всех областях естествознания. «Если естествоиспытатель невежда; то будет крайне необходимо нанять Лангсдорфа...», — заявил Резанов Крузенштерну со свойственной ему прямотой.5

Так уже в день своего приезда Лангсдорф был принят в состав экспедиции. «Радость и благодарность Лангсдорфа нелегко описать, — отмечал Крузенштерн.— Он заявил о своей готовности по возвращении возместить золото, которое он потратит, из своих средств, если император ничего не сделает для него».6 А пока нового натуралиста «Надежды» согласились субсидировать Крузенштерн и Резанов. В начале сентября Лангсдорф сообщил обо всем Крафту. Представление о принятии Лангсдорфа

на русскую службу было отправлено в Петербург, но ответ можно было получить только по прибытии экспедиции на Камчатку.

Лангсдорфу поручили сборы и наблюдения по ихтиологии и минералогии. Вскоре на «Надежду» прибыл Ти- лезиус, в область занятий которого входили теперь энтомология, орнитология и другие отрасли зоологии. Приехал и швейцарский астроном И. К. Горнер, заключивший контракт об участии в плавании с русским дипломатическим представителем в Дрездене. Ботапические исследования были предоставлены доктору Бринкену. Художником был Степан Курляндцев.

Отношения Лангсдорфа со своими будущими спутниками сложились не сразу и не просто. Уже 16 (28) августа лейтенант Ермолай Левенштерн, на обширный неопубликованный дневник которого мы будем еще не раз ссылаться, писал: «Бринкен и Курляндцев обижаются, что Тилезиус и Лангсдорф больше не стараются поддерживать с ними знакомство. Немецкие ученые знают мертвый язык не так хорошо, чтобы конкурировать с Бринкеном, который прекрасно говорит по-латыни, а на живом языке они друг друга не понимают. Кроме того, Резанов обращается со своими земляками резко и сурово, а с этими иностранцами вежливо и предупредительно».7 Наибольшие неприятности Лангсдорфу доставлял на первых порах, пожалуй, сам Тилезиус. «Тилезиус считает себя очень важным человеком в Европе, — иронически замечает Левенштерн 29 августа (10

сентября), —с Лапгс- дорфом они постоянно ссорятся, так как Тилезиус рассматривает его как подчиненного, но их споры всегда очень остроумны».8 Между тем решительное объяснение между двумя натуралистами было неизбежно. Когда 2 (14) сентября Тилезиус назвал Лангсдорфа в третьем лице и в присутствии других участников экспедиции стал обращаться с ним как со своим помощником, предписывая ему правила поведения, последний взорвался. Левенштерн, наблюдавший за этим разговором не без симпатии к Лангсдорфу, точно воспроизвел его слова. «Вам нет никакого дела до меня, — твердо заявил Лангсдорф Ти- лезиусу. — Вы приняты императором в качестве естествоиспытателя и должны выполнить свой контракт. Я же присоединился благодаря доброте посланника и капитана и буду коллекционировать только для этих двух господ. Если императору при нашем возвращении что-то понра- 22 Б. Н. Комиссаров

17

вится из моей коллекции, это будет к его услугам. Кстати, мы находимся в совершенно различном положении. Вы получаете жалование, я — нет; для вас естественнонаучные занятия являются теперь обязанностью, для меня — свободной волей. Прошу вас не считать, что я поехал, чтобы быть вашим подчиненным».9

На следующий день затянувшаяся из-за плохой погоды стоянка у берегов Дании кончилась, и корабли вышли в море.

С первого же дня этого многолетнего и многотрудного путешествия Лангсдорф целиком отдался во власть своей поистине ненасытной любознательности, всепоглощающей страсти наблюдателя и собирателя. Его путевые дневники тех лет, беглое упоминание о которых встречается в письме ученого Блуменбаху от 7 июня 1805 г. из Петропавловска,10 пока не обнаружены. О регулярности и скрупулезности их ведения, громадном объеме и содержательности записей можно судить по описанию кругосветного путешествия, изданному Лангсдорфом в 1812 г. Эта книга, кажется, достаточно точно передает настроения ее автора в ту памятную для него осень 1803 г. «Нечего и придумывать приключения в путешествии столь дальнем, как наше, или сочинять сказки о нем, — писал Лангсдорф, — оно само по себе дает такую массу замечательного и интересного, что надо стараться лишь бы все заметить и не пропустить ничего».11

7 (19) сентября во время перехода из Дании в Англию, несмотря на изнурительный шторм, трепавший «Надежду» уже не одни сутки, Лангсдорф с восторгом наблюдал получасовое северное сияние и подробно описал его. В Фальмуте он, как

некогда в Лиссабоне, отправляется на рыбный рынок. Его интересуют также местные залежи олова, меди, серебра, каменного угля, рудники близ местечка Редрут, а особенно тот факт, что шахты уходят здесь на значительную .глубину под морское дно. Становится очевидным, что интересы Лангсдорфа значительно шире занятий ихтиологией и минералогией. Он узнает и о здешнем судоходстве, и о промыслах, и о торговле. Из Фальмута он возвращается на «Надежду» не только с минералами и чучелами рыб, но и с гербариями.

После того как 23 сентября (5 октября) корабли покинули Англию, Лангсдорф стал с нетерпением ждать прибытия на Канарские острова. «Все описания прежних

путешественников, посещавших эти острова, были уже изучены, отдельные источники сравнивались между собой, — писал он позднее о том времени. — Это давало материал: для научных обсуждений, для приятных и поучительных бесед, для шуток и остроумных высказываний».12

За время плавания от Копенгагена Лангсдорф дружески сошелся с Горнером, сблизился и с Левенштерном, но его отношения с Тилезиусом продолжали оставаться весьма натянутыми. Это не мешало, однако, соперникам- натуралистам вместе принимать участие в любительских концертах, которые устраивали на «Надежде». «Верным знаком хорошей погоды является оживление в каюте,— писал Левенштерн. — И какую музыку там можно слышать! Ромберг играет на первой скрипке, Резанов — на второй скрипке, Тилезиус — на басе, Лангсдорф — на альте, Фридерици — на первой флейте, Горнер — на второй флейте. Мы, остальные, являемся слушателями и судьями одновременно.. .».13

8 (20) октября русские корабли подошли к Канарским островам и сделали недельную остановку близ городка Санта-Крус-де-Тенерифе. Пребывание здесь вернуло Лангсдорфа в уже знакомый ему испанский мир. Он сравнивал местные и испанские нравы и находил много общего. Его занимают одежда населения, пища жителей острова и способы ее приготовления, а также виноторговля. Рыбный рынок поразил Лангсдорфа своим богатством. Наблюдал он и различные способы рыбной ловли. Особое внимание Лангсдорфа привлекло геологическое строение острова Тенерифе, носящее следы интенсивной вулканической деятельности. Хотя время года не позволило ему подняться на пик Тейде, возвышающийся более чем на 3700 м, но он предпринял несколько минералогических экскурсий, и его коллекции пополнились пемзой, «роговым камнем», а также

найденным в северо-восточной части Тенерифе «мелкозернистым гранитом, перемешанным с шерлом». Окрестные горы были испещрены гротами; в некоторых из них сохранились останки, а иногда и мумии коренных жителей острова — гуанчей. В свое время в Лондоне Джозеф Бэнкс подарил Лангс- дорфу мумию аборигена Тенерифе, а теперь путешественник сам побывал в одной из таких пещер, расположенной в верхней части труднодоступной горы.

Купец Армстронг, закупавший провизию для экспедиции, предложил морякам осмотреть остров. Лангсдорф был, разумеется, в числе участников этой поездки. На мулах и небольших местных лошадках путешественники добрались до г. Ла-Лагуна — тогдашнего административного центра о. Тенерифе, наблюдали народный праздник в селении Санта-Урсула и, наконец, достигли городка Ла-Оротава, расположенного в северо-западной части острова. Здесь Лангсдорфа очень заинтересовал ботанический сад, основанный испанцем маркизом де Новой в 1795 г. Идея де Новы была грандиозной. Он хотел выводить на Тенерифе приспособленные к местному климату сорта полезных растений Америки, с тем чтобы затем их можно было выращивать в Испании. Мадридское правительство одобрило начинание маркиза. Последний вложил в него большие личные средства, выписал из Англии садовника и высадил уже около трех тысяч редких растений из Мексики, Перу и Чили. Однако никаких денег из Мадрида он так и не получил. Энтузиазм де Новы был понятен Лангсдорфу, и он с грустью думал о том, что этот удивительный сад скоро будет запущен.

11 (23) октября Лангсдорф вернулся в Санта-Крус и в последние перед отплытием дни закончил две рукописи, в которых кратко изложил свои накопившиеся путевые наблюдения. Одна из них была послана в Петербургскую Академию наук,14 а вторая, по-видимому, Блуменбаху. В 1805 г. последняя появилась в веймарском журнале «Magazin fьr den neuesten Zustand der Naturkunde», открыв там целую серию записок и писем Лангсдорфа, посылавшихся им из экспедиции.15

Переход до острова Санта-Катарина (у берегов Бразилии) , где Крузенштерн решил сделать следующую остановку, длился почти два месяца. Главным занятием Лангсдорфа в ту пору стало исследование причин свечения морской воды. Это явление занимало многих ученых. Гумбольдт, например, полагал, что причиной свечения является «фосфорический газ», выделяющийся при гниении. Академик П. Б. Иноходцев, излагая в 1805 г. в

«Технологическом журнале» результаты последних исследований английских ученых по этому вопросу, писал, что «свет морской воды происходит от разрушенных частиц умерших морских рыб».16 В качестве доказательства приводился опыт с подвешенной в подвале свежей

сельдью, которая через двенадцать часов начипала светиться. Свечение моря объясняли также наличием в морской воде электричества.

Примерно через неделю после начала исследований Лангсдорфу стало ясно, что светятся не продукты гниения, а живые организмы. В одном из писем с Санта-Катарины он отмечал, что с 23 октября (4 ноября) посвятил себя изучению организмов, вызывающих свечение моря.17 Ежедневно он вылавливал «мелких раков, раков-богомо- лов, гамарусов (разных форм), медуз»18 и тщательно рассматривал их под микроскопом.

Первая попытка Лангсдорфа доказать свою точку зрения не убедила Крузенштерна. «Так как исследование с помощью микроскопа было сделано только на другой день, то еще не ясно, были ли живы тела в тот момент, когда светились, или уже шел процесс их гниения», — писал капитан «Надежды» в своем дневнике.19 Однако 30 октября (11 ноября) ученый продемонстрировал своим спутникам опыты, показавшие его несомненную правоту. «Лангсдорф нашел десять родов микроскопических животных, которые сильно светятся, но не нашел никаких чешуек или мертвых тел, — писал в этот день Левен- штерн. — Если нагревать воду, то свечение прекращается».20 Наблюдая за светящимися организмами под микроскопом, Лангсдорф сделал их многочисленные зарисовки, а также начал собирать уникальную спиртовую коллекцию наиболее крупных из этих представителей морской фауны.

Открытие Лангсдорфа вполне согласуется с современными научными данными, свидетельствующими о том, что свечение моря связано с жизнедеятельностью многих его обитателей, от морских бактерий и простейших (двух подклассов микроскопических жгутиковых — Dino- flagellata и Cystoflagellata) до кишечнополостных (медузы, сифонофоры и др.), оболочниковых (сальны, пирозомы) и ракообразных. «Но почему животные сии в иное время больше светят, нежели в другое? — спрашивал сам себя Лангсдорф в письме из Бразилии Крафту, которое было вскоре опубликовано в переводе на русский язык. — Сие составляет особенный вопрос. Наблюдение ветров, состояния воздуха, скопления в атмосфере электрической материи не достаточествует еще к совершенному объяснению сего

достопримечательнейшего явления... может быть,

21

в последствии времени удастся мне заметить такие явления, которые искуснейшему физику доставят предмет дальнейшего исследования».21

Помимо проблемы свечения моря, Лангсдорф совместно с Горнером с середины октября регулярно занимался измерением поверхностной и глубинной температур воды с помощью Гельсовой машины и термометра Сикса,22 а также исследованием солености океана.

Все эти занятия не мешали Лангсдорфу, по наблюдениям Левенштерна, использовать любую возможность для биологических сборов. Он гонялся за бабочкой, вылетевшей из кочна капусты, предназначенного для камбуза, искренне радовался, когда на подходе к Бразилии удалось наловить маленьких ярко-красных рачков, придававших воде кровавый оттенок, непрерывно следил за тем, что кто поймал, и пытался заполучить неизвестные экземпляры для своих коллекций. «К обеду один из наших матросов поймал дельфина длиной в три с половиной фута,-—писал Левенштерн 2(14) декабря. — Мы купили его у матроса и вызвали повара, чтобы посоветоваться с ним, как его приготовить, а в это время выставили его на палубе для осмотра. Как пара голодных волков, Лангсдорф и Тилезиус набросились на рыбу. Лангсдорф всеми силами старался набить чучело, но мы, голодные, не допустили этого. Теперь они искали „рыбных вшей“ и насекомых, которые присасываются к рыбам. Лангсдорф наловил свыше дюжины.. .».23

Постоянная занятость отвлекала Лангсдорфа от той подчас весьма тяжелой обстановки, которая сложилась на «Надежде» из-за разногласий Крузенштерна и Резанова и расколола участников экспедиции на отдельные группы. Левенштерн, искренне преданный Крузенштерну, относил Лангсдорфа к группе «колеблющихся». Это положение было для ученого достаточно мучительным, так как он чувствовал себя обязанным и тому и другому. Между тем симпатия к Крузенштерну, который был к Лангсдорфу очень внимателен и нередко брал сторону натуралиста в его спорах с Тилезиусом, начинала преобладать. «Россия должна гордиться Крузенштерном», — писал Лангсдорф на родину с о. Санта-Катарина, отмечая «прекрасный характер» и «глубокие знания» капитана «Надежды».24

Шестинедельное пребывание на Санта-Катарине про¬

22

извело на Лангсдорфа глубокое впечатление и надолго осталось в его памяти. Еще до того, как показались бразильские

берега, он с интересом наблюдал за массой ярких южноамериканских бабочек, отнесенных ветром на 60—80 миль в океан и столь непохожих на скромную корабельную капустницу, которой он довольствовался несколько дней назад. «Уже в Португалии я. получил представление о богатстве природы Бразилии, но то, что я здесь увидел, превзошло все мои ожидания. Мне кажется, что я вижу какой-то новый мир. Его великолепие поразило меня», — писал Лангсдорф в те дни.25

Многолетнее пребывание в Португалии, наводненной и людьми, побывавшими в Бразилии, и продуктами ее хозяйства, общение с покровительствовавшим ему министром Пинту де Соузой Коутинью, который во второй половине XVIII в. был губернатором бразильской* капита- нии Мату-Гросу, наконец, свободное владение португальским языком —все это помогло Лангсдорфу больше других его спутников увидеть и понять на незнакомой земле. Бразилия была тогда почти неизвестна ученому миру — Португалия держала свою колонию в строгой изоляции. Даже Гумбольдта португальские колониальные власти не допустили на территорию Бразилии.26 Корабли Крузенштерна доставили туда по существу первых в XIX в. европейски образованных ученых.

Со времени прибытия в Бразилию Лангсдорфом, как никогда, овладело настойчивое стремление больше успеть. «Всегдашняя поспешность этого человека действует мне на нервы», — признавался Левенштерн.27 Одно время Лангсдорф жил на «Надежде», затем вместе с другими путешественниками переселился на остров — в город Носса Сеньора ду Дестерру и, наконец, уже один на некоторое время переехал на континент в дом местного натуралиста Матеуша Кардозу Калдейры, с которым его познакомил глава португальской администрации на Санта-Катарине Жоаким Шавиер Курраду. С упомянутым натуралистом Лангсдорф предпринял поездку в местность Сертан душ пикадуш, а в конце января 1804 г. вместе с лейтенантом М. И. Ратмановым, Е. Е. Левен- штерном и И. Горнером принял участие в экскурсии на лодке вдоль побережья острова. Везде Лангсдорф неутомимо пополнял свой быстро разраставшийся гербарий, коллекции членистоногих (особенно ракообразпых и

насекомых) и рыб. «Нет, кажется, ни единой земли, в которой бы в столь короткое время можно было собрать так много редкостей, — писал Лангсдорф Крафту. — В собрании моем есть также разные новые породы мелких морских раков. Набитые жабы, также ящерицы, рыбы, чужеядные и другие растения, морская капуста составляют прочую часть моих редкостей».28

«Лангсдорф неустанно собирал насекомых, — писал Тилезиус лейпцигскому анатому профессору И. Х. Розенмюллеру, — и добыл прекрасные экземпляры».29 Найдя паука из семейства птицеядов (Aviculariidae), Лангсдорф вступил в спор с Тиле- зиусом, утверждавшим, что подобные пауки способны уничтожать мелких тропических птиц и их яйца. В то время они не пришли к единому мнению и, описывая позднее свое путешествие, Лангсдорф придерживался отрицательной точки зрения по этому вопросу. Только в 1863 г. Генри Бейтс в своей знаменитой книге «Натуралист на реке Амазонке» показал, что Лангсдорф ошибался.30

Население и хозяйство Бразилии привлекали Лангс- дорфа ничуть не меньше ее природы. На Санта-Катарине он впервые начал вести планомерные этнографические и страноведческие наблюдения, проявляя при этом основательность и внимание к деталям, достойные представителя школы Блуменбаха. Прежде всего ему бросились в глаза одежда населения острова, пища и напитки жителей, обычаи гостеприимства, манера общения, танцы, особенно своеобразные негритянские, пение, музыкальные инструменты. Многое он сравнивал с виденным в Португалии, отмечая совпадения и различия. Его заинтересовало употребление йерба-мате31 вместо чая, и он разузнал о различных способах заварки этой травы и о том, как пили столь странный для европейца напиток. Лангсдорф стремился найти объяснение каждому неизвестному ему обычаю и, как правило, находил его. Так, обязательное мытье ног теплой водой было, как он выяснил, связано с существованием вредных насекомых, впивавшихся в кожу стопы; использование специальных луков, из которых стреляли камнями и закаленными глиняными шариками, вызывалось дороговизной ружей и малым количеством пороха, а ношение длинных ногтей на пальцах рук должно было показать, что этот человек не занимается тяжелой домашней работой.

Не ускользнули от внимательного взгляда путешественника и планировка улиц Носса Сеньора ду Дестерру, и материалы, из которых строились дома, и товары в лавках. Кое-что он явно узнал от местной администрации и жителей: численность населения на острове и в городе, число городских строений, сведения о бегстве негров-ра- бов, о нападениях индейцев в глубинных районах страны и т. д.; другие данные собрал сам — например, о ценах на продукты питания, скот, поместья. Рабство, работорговля, жестокое, обращение с невольниками вызвали у Лангсдорфа, как он писал впоследствии, «совсем новое чувство глубокого возмущения».32 И он выясняет мельчайшие

подробности о торговле африканскими неграми, например о разнице в цене раба, перенесшего оспу и еще не болевшего ею, знавшего и не знавшего какое-либо ремесло, владевшего и не владевшего португальским языком.

Познакомившись с состоянием местного земледелия, скотоводства, рыболовства, ремесленного производства, торговли, Лангсдорф пришел к выводу, что экономический упадок в значительной мере связан с колониальным статусом Бразилии. Этим, по его мнению, объяснялась малочисленность населения, а также отсутствие просвещения и медицинской помощи.

На Санта-Катарине Лангсдорф не только собирал коллекции и делал записи в дневнике. К этому времени относится и его первый дошедший до нас рисунок «Внутренний вид жилища в Бразилии», обнаруживший у путешественника незаурядные способности художника.33

23 января (4 февраля) 1804 г. «Надежда» и «Нева» ушли с Санта-Катарины. Начиналась наиболее сложная часть плавания. Кораблям предстоял самый длительный переход, в течение которого они должны были обогнуть мыс Горн. Лангсдорф продолжал свои гидрологические наблюдения, занимался размещением и обработкой коллекций, собранных в Бразилии. Вскоре после отплытия к нему обратились за помощью и как к опытному хи- ургу. «В Бразилии графу Толстому в стопы попали песочные черви, — писал Левенштерн. — Они так малы, что проникают в поры человека, откладывают множество мелких яиц, которые, если их вовремя не вырезать, вызывают язвы на стопе, причиняя сильную боль...»; Лангсдорф успешно оперировал Толстого.34

25

После ухода с Санта-Катарины на «Надежде» стали строго регламентировать потребление воды. Левенштерн, служивший во флоте уже больше десяти лет, еще до плавания с Крузенштерном побывавший в северных и южных морях и привычный к превратностям морской жизни, не без иронии, а иногда и с плохо скрываемым раздражением писал о поведении штатских участников плавания, нередко стремившихся получить какие-либо прибавки к своему дневному рациону. Трудно в это время было и Лангсдорфу, еще никогда не пускавшемуся в столь серьезные морские путешествия.

Тем не менее молодой ученый принялся еще за одну достаточно сложную работу. В апреле, когда корабли должны были пересечь тропик Козерога, Крузенштерн попросил Горнера и Лангсдорфа взять на себя ежечасные наблюдения за атмосферным

давлением, температурой и влажностью воздуха. Предстояло, в частности, выяснить зависимость давления и вообще погодных явлений от положения Луны по отношению к Земле. В европейской науке конца XVIII в. этот фактор считался одним из определяющих климатические изменения. Ученые начали работу совместно, но вскоре, как вспоминал позднее Лангсдорф, «Горнер из-за зубной боли ревматического характера прекратил наблюдения».35 «Высоты барометра замечаемы были почти три месяца сряду, т. е. с 16 апреля до 5 июля, в каждый час днем и ночью, — писал впоследствии Горнер.— Таковой труд тягостен и в Европе, но утомительный жар между тропиками и продолжительное плавание требовали сугубого напряжения».36

Часто Лангсдорф вообще не ложился спать, а если и ложился, то ежечасно прерывал сон, чтобы записать показания приборов. Не зная характера ученого, трудно поверить, что он вообще способен был выдержать столь большие и длительные физические и нервные нагрузки. Свои ночные бдения Лангсдорф использовал и для дальнейших изысканий, связанных со свечением моря. Самоотверженность ученого завоевала ему большой авторитет и уважение всех участников плавания. «Лангсдорф неутомимо обогащал естественную историю сведениями о светящихся в воде животных, — писал Левенштерн 22 апреля (4 мая). — Целые ночи он сидел со своими сетями... и ловил в кильватере... Лангсдорф взял на себя и наблюдение за барометром, и благодаря ,его наблюдениям

(по совету Горнера) с помощью барометра, термометра, электрометра, гигрометра и флюгера, мы нашли, что свечение воды не имеет в себе ничего электрического».37

Через три дня «Надежда» бросила якорь у острова Нукухива, входящего в группу Маркизских островов, и простояла там десять дней. После тяжелого морского перехода, длившегося больше трех месяцев, Лангсдорф, не прерывая свои метеорологические наблюдения, приступил к исследованию Нукухивы. В письмах Крафту и Блумен- баху, написанных позднее из Петропавловска, он отмечал, что в окрестностях Маркизских островов его собрание «по натуральной истории умножилось особенно прекрасными новой породы морскими раками» и значительным количеством растений.38 И все же основное внимание во время этой короткой стоянки ученый уделил сбору материалов по этнографии, антропологии и лингвистике. Это легко объяснить. Лангсдорф впервые попал в «нецивилизованный» мир. Несмотря на то что в последней четверти XVIII в. в этой части Океании побывали Дж. Кук,

Э. Маршан, Д. Вильсон и другие европейские путешественники, нравы, обычаи, хозяйственный уклад островитян были почти неизвестны или, как убедился Лангсдорф, часто описывались неверно.

За несколько дней Лангсдорф собрал о жителях Нукухивы столько самых разнообразных сведений, что изложение их в описании его путешествия по своему объему в два с половиной раза превосходит главу, посвященную Бразилии. Большую часть этих сведений сообщили ученому два европейца, осевшие на Нукухиве, — француз Жан Батист Кабри и англичанин Эдуард Робертс. Результаты расспросов этих людей, перенявших обычаи островитян, Лангсдорф непременно сопоставлял и, помня наставления Блуменбаха, считал достоверным лишь то, что подтверждалось обоими. Много важных наблюдений сделал путешественник и сам, когда съезжал на берег. Так, 3 (15) мая Лангсдорф был участником небольшой лодочной экскурсии, предпринятой с целью осмотра близлежащей бухты. Возвратиться Лангсдорф и Тилезиус решили по суше, однако на обратном пути последний при падении ушибся, и натуралисты провели ночь у местного вождя, к которому их проводили островитяне.

27

Сведения, собранные Лангсдорфом о жителях Нуку- хивы, были не только обширны, но и очень разносторонни. В дневнике путешественника появились заметки, касающиеся общественного устройства, одежды, пищи, жилищ, лодок, утвари, украшений, обычаев, обрядов, религиозных представлений, элементов искусства нукухивцев. С особой тщательностью Лангсдорф изучил татуировку островитян. Он произвел также антропометрические измерения, составил словарь языка жителей Нукухивы, сделал несколько зарисовок.

Изучение народов Океании Лангсдорф продолжал и во время кратковременной стоянки близ острова Гавайи в конце мая (начале июня). Правда, на берег он не съезжал, но описал физический облик гавайцев, подплывавших к кораблю, их татуировку, лодки, замеченные у них болезни и т. д.

Расставшись у Гавайских островов с «Невой», которая пошла на о. Кадьяк, «Надежда» взяла курс на Камчатку. 10 (22) июня она попала в полосу штиля. Погода была жаркой. Борт корабля был раскален так-, что к нему нельзя было притронуться. Занимаясь в это время с лодки гидрологическими наблюдениями, Лангсдорф получил сильный ожог руки, причинявший ему мучительную боль. Между тем в последующие дни он продолжал все начатые ранее изыскания и установил, в частности, что и на южных и на более северных широтах светятся часто одни и те же

представители морской фауны. Лангсдорф и Горнер заметили также, что при сотрясении светящихся организмов интенсивность свечения увеличивается. Этот вывод подтвердили последующие исследования. Они показали, что если свечение бактерий не зависит от движения воды, то свечение многих других организмов происходит лишь при неспокойном море.

Важное научное значение имели и законченные к приходу на Камчатку метеорологические наблюдения Лангс- дорфа. Уникальные в то время по своему масштабу и тщательности, они позволили, например, доказать, что колебания барометра не зависят от расстояния между Землей и Луной. Измерения температур воды на разных глубинах, проводившиеся Горнером и Лангсдорфом, были впоследствии использованы адмиралом С. О. Макаровым в его работе, посвященной исследованию Тихого океана.39 Благодаря наблюдениям, в которых принимал участие

Лангсдорф, было замечено, что соленость Атлантического океана больше, чем Тихого. В дальнейшем на это явление обратил внимание выдающийся русский географ А. И. Воейков и дал ему правильное объяснение.40

3 (15) июля «Надежда» пришла в Петропавловск, и Крузенштерн стал готовить судно к плаванию в Японию. С Камчатки Лангсдорф сухим путем отослал в Академию наук результаты своих метеорологических наблюдений и исследований светящихся морских организмов,41 а также словарь языка жителей Нукухивы.42 В Петербург были посланы также шкурки птиц и чучела животных, а заспиртованные рептилии и энтомологические коллекции были пока оставлены в Петропавловске с тем, чтобы отправить их в столицу на «Надежде» после ее возвращения из Японии.

На Камчатке положение Лангсдорфа как участника экспедиции существенно изменилось. Сравнивая деятельность Тилезиуса и Лангсдорфа, Резанов писал 20 августа президенту Академии наук Н. Н. Новосильцеву: «Я не смею ценить таланты их, но сколько позволено каждому по наружности людей обсуживать, то основательность в заключениях последнего мне более нравится и, кажется, Академия в записках Лангсдорфа не найдет столько знакомого, как в записках другого. Он в трудах неутомим... Предприимчивость и деятельность сего человека, — продолжал камергер, — позволяют мне иметь и другие на него виды. Кроме природного немецкого языка, знает он латинский, французский, английский и португальский; при многих талантах его он и медик практикованный, и надеюсь, что японцам через то приятен будет; ежели торг с ними открыт будет, оставлю я его

там с несколькими людьми, чтоб поставить твердую российскую ногу, доколе настоящего агента от двора учреждено не будет».43

За некоторое время до того, как было написано это письмо, Резанов принял Лангсдорфа в состав вверенного ему посольства и своей властью произвел его в надворные советники. Таким образом, Лангсдорф из вольнонаемного натуралиста, принятого на «Надежду» благодаря любезности руководителей экспедиции, превратился в члена весьма ответственной дипломатической миссии и — пока полуофициально — получил чин, соответствовавший капитану второго ранга. В состав посольства Резанова, кроме

Лангсдорфа, входили надворный советник Ф. Фоссе, майор Е. Фридерици, комиссионер Российско-американской компании Ф. Шемелин, а также поручик Д. И. Кошелев (брат губернатора Камчатки П. И. Кошелева) и офицер местного гарнизона капитан Федоров, принятые на борт в Петропавловске.

«Надежда» простояла в Петропавловске около двух месяцев. В это время Лангсдорф, впервые ступивший на землю России и имевший теперь все основания связывать свое будущее с русской службой, проявил особую заинтересованность в изучении Камчатки. Хозяйство полуострова, его люди надолго стали предметом размышлений путешественника и нашли серьезное отражение в его научном творчестве. Главной мыслью Лангсдорфа было предложить какие-либо улучшения, усовершенствования, реформы, причем в планах предусматривавшихся ученым преобразований уже в эту раннюю пору его деятельности можно было подчас отметить прогрессивные для тогдашней России буржуазные тенденции. «С отменным удовольствием устремил я в сие время первые мои взоры на сельские страны Камчатки... — сообщал Лангсдорф Крафту в письме, отрывок из которого был вскоре опубликован в переводе с немецкого. — Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы более заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников. Здесь вовсе не достает тех познаний, которые в просвещенном государстве служат к удовлетворению первых необходимостей; как например: весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловлении китов, в солении и сушении рыб и пр.; так же весьма полезно бы устроить мельницы, обсушить болотистые места и проч. По изобилию различных физичёских предметов, здесь найденных, делаю уже я вообще заключение, что земля сия способна к большему усовершенствованию и заслуживает особенное

внимание».44 В письме Блуменбаху, датированном 23 августа, Лангсдорф описывал физико-географические особенности Камчатки и подробно развивал мысль о том, что полуостров следует снабжать всем необходимым, наладив торговлю с Японией и Китаем, а не везти товары из Европейской России через Сибирь.45

25 августа «Надежда» покинула Камчатку. 19 сентября 30

(1 октября) у берегов Японии она претерпела жесточайший, но, к счастью, продолжавшийся недолго шторм. Сильно потрепанная бурей, «Надежда» 26 сентября (8 октября) появилась близ Нагасаки.

История посольства Резанова достаточно известна.46 Все его попытки установить какие-либо отношения с Японией окончились безрезультатно. Более шести месяцев посольство и экипаж «Надежды» находились под строгим, почти тюремным, надзором. До начала декабря путешественники жили на корабле. Им разрешалось прогуливаться лишь на маленьком, площадью сто на сорок шагов, участке земли, ограниченном с одной стороны морем, а с другой забором. Это огороженное пространство тщательно охранялось. Вся растительность, кроме трех деревьев, была с него удалена, а земля засыпана песком. В распоряжении путешественников был только небольшой домик, где можно было укрыться от дождя.

Затем посольство было переселено в расположенное неподалеку от Нагасаки селение Мегасаки, где ему была предоставлена особая резиденция. Окруженный с трех сторон водой, дом Резанова и его спутников47 был отделен от суши высоким двойным бамбуковым забором. Площадь двора составляла около сорока шагов в длину и тридцати в ширину. Резиденция строго охранялась. Переводчики посещали ее только с ведома местного губернатора и каждый раз придирчиво обыскивались. Общение посольства с моряками «Надежды» было регламентировано. Все другие контакты с внешним миром, в том числе самовольный выход за пределы упомянутого двора, установление каких-либо знакомств, покупки через третьих лиц, обмен вещами, а также использование инструментов и приборов для научных наблюдений были категорически запрещены. Когда в феврале 1805 г. было замечено, что Лангсдорф пытается заглянуть в просветы бамбуковой ограды, ее обшили досками.

Лангсдорф, знакомый с Японией по сочинениям Э. Кемпфера, К.-П. Тунберга и других путешественников XVII—XVIII вв., не оставлял, однако, попыток получить собственное представление об этой стране и ее людях. Во время посещения «Надежды», а

затем резиденции посольства представителями японской администрации и выездов для ведения переговоров Лангсдорф внимательно наблюдал, а затем описывал внешний облик японцев раз¬

личного общественного положения, их обычаи и нравы, сложный дипломатический церемониал, японские корабли, лодки и т. д. В его записках была изложена вплоть до мельчайших подробностей история неудачной русской миссии. Делал путешественник и зарисовки этнографического характера.

Другим занятием Лангсдорфа была ихтиология. Ученый попросил японца, доставлявшего в резиденцию провизию, приносить больше разнообразных рыб и позднее сообщал в письме к своему геттингенскому коллеге доктору Нохдену, что в течение последних трех месяцев пребывания в Мегасаки получил таким образом около 400 экземпляров, принадлежащих к 150 различным родам.48 Лангс- дорф рисовал и описывал получаемых рыб, и эта работа очень скрашивала для него дни вынужденного затворничества. Благодаря тайной договоренности с переводчиками, ученому удалось приобрести несколько рисунков местных животных.

Вскоре после переезда с «Надежды» в Мегасаки у Лангсдорфа появилось еще одно увлечение. С большим трудом раздобыв необходимые материалы, он стал строить небольшой воздушный шар. Возможно, что эта мысль появилась у ученого в связи с японским обычаем запускать в новогодний праздник бумажные змеи. К 5 (17) января шар, склеенный из тонкой, но прочной местной бумаги и имевший в диаметре около трех метров, был готов к полету. «Лангсдорф, работавший несколько недель над воздушным шаром, сделал сегодня первую попытку запустить его на нити над домами,—писал Левенштерн.— Шар с нарисованным русским двуглавым орлом выглядел довольно красиво».49 Между тем осуществление этой затеи потребовало от Лангсдорфа большой силы воли и выдержки. «Когда Лангсдорф вчера запускал свой воздушный шар, — вспоминал Левенштерн на следующий день,— его превосходительство [Резанов, — Б. /Г.] ужасно боялся и бранил его, как выпь. Лангсдорф стоически дал ему высказаться и продолжал наполнять шар. Шар поднялся и с помощью привязанной нити был возвращен в Мегасаки. Теперь Резанов был вне себя от радости. Он без конца хвалил терпение и настойчивость Лангсдорфа. „Я рад за вас“, — заявил он ему. — Короче говоря, Лангсдорф, только что бывший самым подлым и низким и выслушавший обидные слова, вдруг стал бесценным».50

6 (18) января Лангсдорф снова запустил свой шар, но вернуть его назад не смог. Шар упал в воду и был доставлен в Мегасаки японцами. В свое время на Санта- Катарине некоторые офицеры «Надежды», глядя на погоню Лангсдорфа за бабочками, сами увлеклись их коллекционированием. Теперь, с легкой руки Лангсдорфа, многими овладело желание запускать воздушные шары. Свои шары мастерили Ермолай Фридерици, кадеты братья Мориц и Отто Коцебу, подштурман Василий Сполохов и другие.

25 января (6 февраля) Лангсдорф запустил свой шар в третий раз. Этот запуск едва не кончился скандалом. «В десять часов шар и впрямь величественно набирал высоту, — писал находившийся на „Надежде“ Левенштерп о событиях того дня, — но вдруг он остановился и, унесенный ветром, стал опускаться значительно быстрее, чем поднимался. Причиной явилась неосторожность Лангсдорфа. Незадолго до этого он заново заклеил пробоину в верхней части шара. Клей еще не высох, и когда шар начал подниматься, то в этом месте лопнул, и более легкий воздух из него вышел. Отнесенный ветром, шар упал на дом в Нагасаки. Так как на крыше дома из шара поднялся дым (ведь он был наполнен дымом от горящей соломы), люди подумали, что шар и дом горят. Как мы могли наблюдать в подзорные трубы, они вылили неимоверное количество воды на гордость Лангсдорфа и на крышу дома. Люди подняли большой шум и жаловались губернатору, что русские захотели поджечь город. Губернатор сразу же вызвал караул из Мегасаки па допрос, но когда узнал, что воздушный шар не горел, смеялся и сделал выговор японцам, которые так поспешно жаловались на нас и, без причины испугавшись, напугали других. Это нам рассказали переводчики. Вряд ли получивший крещение воздушный шар предпримет второе путешествие».51 После неудачи с шаром Лангсдорф упросил японцев дать ему три больших клубка шнура, чтобы запускать бумажные змеи.

За всеми этими серьезными и шутливыми делами Лангсдорф, как можно судить по некоторым записям в дневнике Левенштерна, в какой-то степени овладел японским языком и даже иногда играл роль переводчика.52 22 марта (3 апреля) ученый в числе других лиц из окружения Резанова сопровождал его в Нагасаки на

прием к губернатору. Тогда окончательно выяснилось, что шансы на установление русско-японских отношений совершенно нереальны, и посольство получило разрешен ние покинуть страну. Незадолго до поездки в Нагасаки Резанов объявил, что,

вернувшись на Камчатку, он отправится в Русскую Америку. «Лангсдорф останется со мной», — заявил он в присутствии нескольких офицеров, среди которых был и Левенштерн, не преминувший отметить это в своем дневнике.53

6(18) апреля 1805 г. путешественники наконец покинули Нагасаки. «Надежда» пересекла Японское море и в конце апреля задержалась у северо-восточной оконечности острова Хоккайдо, известного тогда как Иессо. Здесь Лангсдорф смог наконец свободно наблюдать японцев и почти незнакомых европейцам айнов. Он описал внешний облик последних и их характерные обычаи.

1(13) мая Крузенштерн отошел от японского побережья и сделал остановку у Сахалина, в заливе Анива. На следующий день Ратманов и Лангсдорф обследовали восточную часть залива, а затем «Надежда» пошла в Петропавловск.' Появление в Охотском море ледяных полей и стремление Резанова поскорее отправиться во владения Российско-американской компании заставили Крузенштерна спешить. 5 июня путешественники прибыли на Камчатку. Через два дня Лангсдорф подробно описал виденное Блуменбаху. Он высказал, в частности, интересную мысль «о сходстве продуктов и явлений природы в разных частях мира», сопоставляя для примера бабочек Камчатки и Португалии.54

Резанов, нуждавшийся в помощи врача, имел твердое намерение взять Лангсдорфа с собой и всячески уговаривал его ехать вместе. Однако Лангсдорф колебался: Резанов был ему неприятен. Ученому не хотелось расставаться с Крузенштерном, Горнером, даже с Тилезиу- сом, который стал ему ближе за время японского плена. И все же он решил ехать: «Слепая любовь к естественной истории, неоднократные обещания помощи в научных исследованиях и жажда знаний заставили меня согласиться на путешествие с Резановым к северо-западному побережью Америки», — писал позднее Лангсдорф Блуменбаху.55 14 июня, в день отплытия на «неуклюжем охотской постройки» бриге «Мария», Лангсдорф подписал с Резановым контракт о своем участии в этом путешествии.56

Условия контракта былй для Лангсдорфа весьма выгодны. Он должен был вести естественнонаучные наблюдения в Северо-западной Америке и на близлежащих островах, собирать коллекции для Академии наук, описывать посещаемые места, «судить об их богатстве или бедности». С другой стороны, русское правительство или Российско- американская компания обязывались обеспечить его продуктами питания, одеждой по петербургским ценам, снаряжением, предоставлять проводников,

суда, а в случае болезни — лечить за казенный счет. В помощь путешественнику давался охотник Петр Филиппов. В любом месте Лангсдорф мог находиться так долго, как требовали его исследования, и имел право в любое время уехать из Америки. С августа 1803 г. Лангсдорфу полагалось жалование — 2 тысячи рублей в год.

Резанов с удовлетворением доносил Александру I, что «приобретение для экспедиции Лангсдорфа лестно, потому что он член многих ученых обществ и здесь, в Камчатке, получил известие, что Геттингенский университет его в члены принял».57

С Камчатки Резанов решил идти на остров Уналашка, один из Лисьевской группы островов Алеутского архипелага, но - приблизиться к нему помешал ветер, и 2 июля «Мария» стала на якорь у о. Св. Павла, входящего в число островов Прибылова. 8 июля путешественники отправились дальше, подошли к о. Св. Георгия, принадлежащему к той же островной группе, но, не бросив якорь, снова направились на Уналашку. Там Резанов и Лангсдорф пробыли с 16 по 25 июля, а с 31 июля по 20 августа они находились на острове Кадьяк.

Пока Резанов занимался делами Российско-американской компании, Лангсдорф изучал природу и население островов. Параллельно с зоологическими, ботаническими и минералогическими наблюдениями он сделал много записей, посвященных промыслу морских котиков на о. Св. Павла, описал жилище, пищу, одежду, украшения, татуировку алеутов Уналашки, собрал сведения об их байдарках, оружии, охоте на китов, а также занятиях женщин, брачных обычаях, развлечениях, религии. Не менее подробно и основательно ученый отразил в своих записках культуру коренных жителей Кадьяка — эскимосов-коняг, условия жизни местных алеутов и русского населения острова.

26 августа «Мария» пришла в Новоархангельск (Ситку), расположенный в северо-западной части острова Баранова, где и решено было зимовать. Для Лангсдорфа это была самая трудная из всех пережитых им зим. Припасов не хватало, и условия жизни были тяжелыми. В начале февраля 1806 г. Лангсдорф писал Блуменбаху: «Здесь, в этом новом поселении Российско-американской компании, мы испытывали недостаток во всем. Моим жилищем была маленькая комнатушка без мебели, и при частых дождях вода лилась прямо на кровать. Эту комнатушку я должен был делить с одним охотником, поселенным со мной. Для освещения служила лампа на ворвани. Обед я, как и все

сопровождавшие Резанова, получал у главного правителя Российско-американской компании Баранова бесплатно всю зиму. Однако, если я хотел есть что-либо кроме обеда, то был иногда вынужден стрелять ворон, собирать раковины с моллюсками или выпрашивать кусок китового или тюленьего жира, чтобы утолить голод. .. К моему счастью, в магазине, хотя и в ограниченном количестве, можно было купить порох и дробь, и я стал охотиться на водную дичь, шкурки которой использовал для коллекции, а мясо съедал. Перечень рыб дать не могу, так как голодные люди сразу съедали любую рыбу... О всяких злоупотреблениях и зверствах, свидетелем которых я был, и о неприятностях, сводивших на нет мою работу, я лучше умолчу и сообщу лишь некоторые замечания по естествознанию».58 Эти замечания касались климата, особенностей местного ландшафта, растительности, млекопитающих, птиц и т. д.

Трудности зимовки делили с Лангсдорфом морские офицеры Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, учившие путешественника русскому языку, а также американский капитан Д. Вольф. Вместе с ним Лангсдорф в конце октября 1805 г. предпринял поездку в северо-восточную часть острова, где находились поселения индейцев-тлинкитов — колошей, как называли их русские. Ученый записал свои впечатления о жилищах этих индейцев, их семьях-общинах, пище, одежде, охоте, рыбной ловле, оружии, плетеных изделиях, украшениях, обычаях, образе жизни. Лангсдорф наблюдал колошей и во время их пребывания в Ново-Архангельске. Он сумел зарисовать группу индейцев во время танца.

К концу февраля 1806 г. провизия в Новоархангельске была на исходе, число больных увеличивалось. Позднее Лангсдорф писал Крузенштерну: «На Ситхе, где я зимовал в 1805—1806 годах, 18 человек умерло от голода. Из 180 едва 30—40 были работоспособны» 59 Резанов решил отправиться в Калифорнию, чтобы сделать необходимые закупки.

25 февраля на корабле «Юнона» эта экспедиция покинула остров Баранова. Вскоре из 33 путешественников были больны 15. Начались интенсивные поиски возможного места высадки. 15 марта Лангсдорф был послан на байдарке обследовать устье реки Колумбия. Он измерял глубины и изучал дно.60 Еще через неделю плавания вдоль калифорнийского побережья один из спутников Лангсдорфа умер, а восемь других были при смерти. Наконец, 28.марта (9 апреля) «Юнона» стала на якорь в Сан-Франциско.

Как и в октябре 1803 г. на Тенерифе, Лангсдорф оказался в

испанской колонии, на этот раз — в Новой Испании.61 Местная администрация встретила «Юнону» дружественно, поскольку Резанов заявил, что его экспедиция составляет часть русского кругосветного плавания (об этом путешествии испанское правительство было уведомлено Россией заранее). Закупка продовольствия, переговоры с губернатором Калифорнии Х. де Аррилагой об установлении торговых отношений, наконец, сватовство Резанова к дочери местного коменданта62 — все это задержало здесь первых представителей России до 10(22) мая.

После зимовки в Новоархангельске Лангсдорф не без удовольствия наблюдал развлечения колониального общества — танцы, охоту, корриды, петушиные бои. Он много узнал о торговле, путях сообщения, населенных пунктах Новой Испании, побывал в близлежащих миссиях монахов-францисканцев, с которыми объяснялся по- латыни, подробно описал положение, обычаи и культуру местных индейцев и сделал несколько зарисовок.

С естественнонаучными наблюдениями и сбором коллекций дело обстояло значительно хуже. Лангсдорф, постоянно использовавшийся Резановым, вопреки контракту, в качестве переводчика, не располагал для этих занятий необходимым временем. Экспедиция в Калифорнию была весьма далека от научных целей. Лангсдорф сталкивался

с вопиющим невниманием ц своей работе, а подчас и откровенной недоброжелательностью. Бумага для гербария оказалась погребенной на дне трюма, сушившиеся на палубе, шкурки сбрасывались в море, пойманных птиц выпускали на волю, стреляной птице ночью отрывали головы и т. д.

Когда 8 июня «Юнона» возвратилась в Новоархан- гельск, Лангсдорф стал искать возможность покинуть Русскую Америку. Не прошло и двух недель, как такой случай представился. 19 июня ученый отплыл на небольшом компанейском судне «Ростислав», отданном в распоряжение Вольфа, для того чтобы он мог добраться до Охотска.

Плавание ;на Камчатку, куда прежде всего пошел «Ростислав», заняло всю оставшуюся часть лета. 17 июля путешественники прибыли на Кадьяк, затем побывали в заливе Кукак, у побережья Аляски, где Лангсдорф мог снова наблюдать быт эскимосов-коняг, и 12 августа достигли Уналашки. Еще в 1795 г. близ Уналашки в результате извержения подводного вулкана возник новый остров, периметр которого составил 4.5 мили. Долгое время остров был окутан клубами пара, и посещать его стало возможным только в 1800 г. Лангсдорф подробно

расспросил местных жителей об этом крайне заинтересовавшем его явлении.

13 сентября ученый — уже в третий раз — прибыл в Петропавловск.* Здесь решено было зимовать. «Ростислав» нуждался в ремонте, да и продовольствия для плавания в Охотск было недостаточно.

«По сравнению с предыдущей зимой Камчатка показалась мне раем», — писал Лангсдорф Крузенштерну.63 Эту зимовку путешественник использовал для всестороннего изучения полуострова, "уже давно привлекавшего его внимание. 2 октября к большой радости Лангсдорфа и Вольфа в Петропавловск на судах «Авось» и «Юнона» прибыли Давыдов и Хвостов. Вскоре друзья предприняли несколько поездок на собаках по окрестным местам. Они побывали в Паратунке, Аваче, Начике, Малкове. Езда на собаках очень понравилась Лангсдорфу, и он стал внимательно изучать этот способ передвижения. В селение Малково, находившееся в 138 верстах от Петропавловска, Лангсдорф смог приехать, уже самостоятельно управляя своей собачьей упряжкой.

38

Находясь в Петропавловске, ученый вступил в переписку с министром коммерции Н. П. Румянцевым (позднее— главой ведомства иностранных дел).64 Этому способствовала рекомендация уже упоминавшегося нами родственника Лангсдорфа — тайного советника Коха, который, вероятно, познакомился с Румянцевым в период его дипломатической службы в германских землях. В лице Румянцева Лангсдорф приобрел влиятельного покровителя.

15 января 1807 г. Лангсдорф отправился в новую, на этот раз гораздо более длительную поездку по Камчатке. Он ехал в Нижнекамчатск, являвшийся тогда административным центром полуострова и местопребыванием губернатора. Путь Лангсдорфа лежал через селения Ганал, Пущино, Верхнекамчатск, Милково, Толбачик, Козыревка, Ключевское. Ученый продолжал вести дневник, тщательно отмечая расстояния между населенными пунктами, численность их жителей, описывая занятия населения, указывая местонахождение церквей, школ, больниц и т. д. Лангсдорф все больше задумывался над причинами контраста между буквально потрясавшим его богатством природы этого полупустынного края и чудовищной бедностью камчадалов, влачивших нищенское существование. Внимательный наблюдатель, он подметил массу несообразностей и нелепостей в организации экономической жизни полуострова и действиях местной администрации.

В середине февраля, преодолев 700 верст, ученый прибыл в Нижнекамчатск и был там хорошо принят губернатором генерал-майором П. И. Кошелевым, с которым познакомился в Петропавловске еще в свой первый приезд на Камчатку, а также его братом Д. И. Кошелевым, товарищем по посольству в Японии.

В первых числах марта Лангсдорф отправился в обратный путь, но избрал другой маршрут — через Тигиль и Болыперецк. Побывав в селениях Камаки и Харчино, он достиг селения Еловка и двинулся дальше 6 марта в сопровождении нескольких солдат и казаков. 7 марта Лангсдорф переночевал в Седанке и через день добрался до Тигиля, откуда 10 марта с переводчиком предпринял поездку в селение коряков, где сделал много интересных наблюдений. Путь Лангсдорфа от Тигиля до Болыперецка шел через селения Хайрузово, Белоголовое, Морошечное,

39

Ига, куда он прибыл 1? марта, и Воровское, где ой оказался 21 марта. На следующий день ученый достиг Боль- шерецка, а 25 марта был в Петропавловске. За два с половиной месяца путешествия Лангсдорф накопил большой запас впечатлений, сделал много записей, свел знакомство с десятками людей в городах и селениях Камчатки. Значительную часть пути он проделал на собаках, которыми сам управлял.

В начале мая камчатская зимовка Лангсдорфа, насыщенная интересными поездками и проведенная в кругу друзей, закончилась. 2 мая из Петропавловска ушли на своих кораблях Хвостов и Давыдов, а 14 мая Лангсдорф и Вольф на «Ростиславе» отправились в Охотск. Это путешествие чуть не стало для ученого последним. «29-го впервые поднялся свежий северо-западный ветер, писал он впоследствии, — и мы наткнулись на огромного кита, которого не заметили до тех пор, пока наше судно, шедшее на всех парусах и не способное уже никуда отклониться, не наскочило на него. Это огромное животное едва двигалось, и на его исполинской спине судно поднялось из воды на три фута. Мачты закачались, паруса сразу упали. Все с испугом выскочили на палубу, уверенные, что наткнулись на какую-то скалу. Кит величественно плыл мимо. Если бы в момент полученного удара он сделал бы движение и нырнул, то было бы вполне вероятно, что своим хвостом он разбил бы носовую часть судна, и мы потерпели бы кораблекрушение».65 «Фальшкиль был сбит от . сего удара», — вспоминал находившийся тогда на «Ростиславе» К. Т. Хлебников, впоследствии — известный деятель Российско-американской компании.66

Более двух недель «Ростислав», находясь вблизи Охотска, не мог подойти к нему из-за сплошных ледяных полей и встал там

на якорь лишь 16 июня. Вольф, намеревавшийся к осени быть в Петербурге, уехал из Охотска 21 июня, а Лангсдорф задержался там и познакомился с городской солеварней, судостроением, торговлей.

25 июня с караваном в 26 лошадей ученый отправился в Якутск. Погода стояла сухая. 30 июня благополучно добрались до реки Юдома, а в начале июля миновали селение Аллах-Юнь. 5 июля от людей из встречного каравана Лангсдорф узнал об эпидемии оспы, распространившейся в придорожных селениях. Проводники предложили

40

ученому свернуть с наезженного пути к югу, чтобы выйти на реку Алдан выше зараженных районов. В течение следующих пяти дней караван продвигался вперед медленно, так как дорогу часто приходилось расчищать топорами. 10 июля он вышел к Алдану. Проводники построили плот, переправились на другой берег и на следующий день вернулись с лодкой и с известием о якутском селении, находящемся в десяти верстах вниз по реке. Поручив багаж своим попутчикам, Лангсдорф с казаком спустился по Алдану до этого селения, а затем еще ниже, по-видимому до Охотского Перевоза, где он оказался 12 июля. Отдохнув там один день, ученый на почтовых лошадях 18 июля прибыл в Якутск, а оттуда налегке (он захватил с собой только рукописи и рисунки, а багаж послал отдельно) выехал в Иркутск.

Путь через Олекминск, Витим, Киренск, Верхоленск, Качуг учепый преодолел частью на почтовых лошадях, частью верхом, а 270 верст проплыл вверх по Лене на лодке. Лодка, которую тянули вдоль берега лошади, однажды перевернулась, и это едва не стоило Лангсдорфу жизни. Во время всего путешествия из Охотска в Иркутск ученый собирал гербарий, достигший значительных размеров, в ряде мест вел минералогические наблюдения, описывал русские селения и быт встретившихся эвенков и бурят.

18 августа, ровно через месяц после прибытия в Якутск, Лангсдорф достиг Иркутска. Контора Российско-американской компании, куда ученый явился с рекомендательным письмом, позаботилась о жилье для него. В Иркутске Лангсдорф пробыл довольно долго. Отдых, приведение в порядок своих бумаг, двухнедельная поездка в Кяхту, а затем ожидание санного пути задержали его здесь до 22 ноября.

Из Иркутска Лангсдорф отправил отчет о своих путешествиях Крафту,67 а затем, возвратясь в середине сентября из Кяхты, занялся составлением записки о Камчатке. Дошедшее до нас, это сочинение68 показывает, что Лангсдорф всесторонне изучил

положение на Камчатке и способен был обосновать свои предложения строгими экономическими расчетами. В то же время ученый предстает перед нами и как гуманист, стремящийся оказать всемерное содействие «беспомощным и покинутом камчадалам». Искренне надеясь, что Александр I

41

и его правительство, узнав о бедственном положении Камчатки, примут действенные меры, Лангсдорф с неподдельным волнением описывал виденное на полуострове и давал многочисленные советы.

Прежде всего ученый подверг резкой критике организацию военной службы на Камчатке и убедительно показал, как она мешает экономическому развитию полуострова и благосостоянию его населения. Солдат, ведших праздное существование и обиравших местных жителей, он предлагал частично обратить в крестьян, частично в казаков, а остальных разослать по сибирским полкам. Лангсдорф полагал, что казачество, само снабжавшее себя всем необходимым, и камчадалы представят достаточную силу «для защиты своего домашнего очага».69 Как временную меру ученый рекомендовал хотя бы расквартировать всех солдат близ Петропавловска, чтобы тем самым облегчить положение местных жителей, с большими трудностями доставлявших продовольствие в гарнизоны, расположенные в глубинных районах полуострова.

Затем Лангсдорф обратился к характеристике естественных ресурсов Камчатки и подробно рассказал о рыбных богатствах полуострова, мире пернатых, диких млекопитающих, скотоводстве, о полезных растениях камчатских лесов. Причем перед нами не узко специальные рассуждения зоолога и ботаника, а глубокая оценка возможностей хозяйственного использования животного и растительного мира Камчатки. Например, описывая обитателей камчатских вод, Лангсдорф с цифрами в руках показал, какие выгоды принесло бы предприятие по засолке рыбы. Он рассчитал, что этой рыбой можно было бы снабжать населенные пункты Сибири вплоть до Иркутска. Рассказывая о камчатских лесах, ученый здесь же приводил данные, свидетельствующие об их пригодности для кораблестроения.

Особое место в своей записке Лангсдорф посвятил проблеме нехватки на Камчатке пороха и соли. Он предложил также разные способы добычи соли. Основываясь на материалах камчатской администрации, ученый перечислил около ста видов товаров, в которых остро нуждалось население Камчатки, указал точное количество и стоимость как одной меры каждого товара, так и

всей его массы, необходимой в течение года. Лангсдорф ратовал за прямую связь Петропавловска с Европой и орга¬

низацию регулярного судоходства' между Камчаткой, Охотском, Курильскими и Алеутскими островами.

Возвращаясь к мысли, высказанной еще в 1804 г. в письме к Крафту, и развивая ее, Лангсдорф указывал на важность приглашения на Камчатку агрономов, врачей, аптекарей, солеваров, гончаров, механиков, корабельных мастеров, плотников, столяров, кузнецов, слесарей, бондарей, матросов. «Может быть, среди людей, сосланных в Сибирь, найдутся такие, которые склонятся к осуществлению предложенных целей...», — размышлял путешественник.70 Несколько позднее он писал Крузенштерну о Камчатке: «Я знаю эту страну довольно хорошо, так как провел там девять месяцев, и уверен, что .правильным управлением можно сделать ее жителей счастливыми и сэкономить государству большие суммы... Состояние этого полуострова я принимаю близко к сердцу».71 Эта способность живо, с интересом откликаться на нужды окружавшего его населения, потребности страны, в которой он находился, развившаяся и укрепившаяся на Камчатке, стала одной из привлекательнейших черт внутреннего облика ученого.

21 октября Лангсдорф в письме Румянцеву рассказал о своем путешествии из Петропавловска в Иркутск,72 а 25-го отослал ему свою записку о Камчатке, прося представить ее императору.73

Через Красноярск и Томск Лангсдорф И декабря прибыл в Тобольск, где застал генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля, отца будущего декабриста. «Пестель, — вспоминал впоследствии ученый, — встретил меня необычайно дружелюбно и с искренним участием и вниманием выслушал все мои замечания об отдаленных районах его губернии, особенно о Камчатке. Я принял его дружеское приглашение и остался в Тобольске дольше, чем предполагал».74 Прием, оказанный Лангсдорфу Пестелем, деятельность которого в Сибири получила в дальнейшем довольно мрачную известность, легко объяснить. Заняв пост генерал-губернатора в 1806 г., Пестель редко покидал Петербург и мало знал о положении дел в подвластном ему огромном крае. Заинтересовавшись рассказами Лангсдорфа о Камчатке и сибирских впечатлениях, он задержал путешественника у себя до 22 февраля 1808 г. В письмах из Тобольска Лангсдорф сообщал Румянцеву, что намеревается ехать в Москву через Екате¬

ринбург и Казань.75 Этот путь он объяснял своим интересом

к минералогическим богатствам Урала и желанием познакомиться с учеными Казанского и Московского университетов. Путешественник упоминал также, что начал работать над проектом реформ на Камчатке.

8 марта Лангсдорф приехал в «удивительный город Москву», как замечал он в описании своего путешествия. Здесь он также нашел внимательных слушателей, которым увлеченно рассказывал о Камчатке и Сибири. Среди них были, например, попечитель Московского университета А. К. Разумовский и известный натуралист Г. Фишер фон Вальдгейм. Последний не без удивления упомянул в своем дневнике, что Лангсдорф привез в Москву камчатских собак.76 Через несколько дней ученый выехал в Петербург.

В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

С того времени, как Лангсдорф отправился путешествовать с Резановым, ни в Петербурге, ни в Геттингене о нем долго не было никаких известий. Письмо Блумен- баху, написанное в феврале 1806 г. в Новоархангельске, ученый отправить не смог, и он возобновил свою переписку, лишь вернувшись из Русской Америки на Камчатку.

Между тем спутники Лангсдорфа по плаванию на «Надежде» начали беспокоиться о его судьбе. «Резанов якобы находится в Иркутске, но Лангсдорфа с ним нет»,— писал 29 января 1807 г. Горнер из Петербурга Крузенштерну, жившему тогда в Ревеле.1 В начале апреля того же года бывший астроном «Надежды» сообщал Крузенштерну о возвращении из русского посольства в Китае врача и зоолога М. Адамса. «О Лангсдорфе Адамс знает только то, что он, по слухам, утонул в Америке», — читаем мы в этом письме.2 В октябре-ноябре, судя по письмам Горнера, продолжавшего регулярно сообщать Крузенштерну о новостях, стало известно, что Лангсдорф писал с Камчатки и из Иркутска Румянцеву и Крафту. В это время в русской столице появился и Вольф, рассказавший о своих путешествиях с Лангсдорфом. Утром 16 ноября Крафт, встретивший Горнера, даже осведомился

у него, где остановился Лангсдорф, так как слышал, что тот как будто уже приехал в Петербург. В декабре, однако, новых сведений о путешественнике не было. «Неужели китайцы схватили его за уши?», — писал Горнер Крузенштерну, намекая на поездку их общего знакомого в пограничную с Китаем Кяхту.3

В начале 1808 г. в Академию дошло сообщение директора Российско-американской компании Б. Крамера о том, что Лангсдорф выехал из Иркутска с «шестнадцатью возами».4 Наконец 14 марта Горнер известил Крузенштерна, что в феврале

Лангсдорф писал ему и Тилезиусу из Тобольска и что послезавтра он ожидает Лангсдорфа у себя.5

«В понедельник 16 марта к обеду, — писал Горнер Крузенштерну два дня спустя, — прибыл ко мне доктор Лангсдорф с двумя кибитками, нагруженными 16 большими и маленькими ящиками (не с шестнадцатью возами). С ним был один казак и две большие камчатские собаки. Вчера я проводил его к Румянцеву, который чрезвычайно неожиданно (ведь здешние министры мало доступны для людей без протекции и чина) сразу же пригласил его к себе и: очень вежливо принял. О материальных делах Лангсдорфа там не было речи. Теперь посмотрим, что Румяпцев сделает для него. Я думаю, что Лангсдорф заслужил хорошую пенсию, как Тилезиус или я. Кроме того, Лангсдорф уже три года не получал жалования... В одном из следующих писем... он сообщит вам о большом плане, который разработал для улучшения положения на Камчатке и который хорошо рекомендует генерал-губернатор Сибири Пестель, так что... Лангсдорф еще станет знаменитым губернатором. Идея его улучшений, — продолжал Горнер, — сводится к выводу с Камчатки войск и насаждению там казачества, ежегодному снабжению полуострова не по суше, а вокруг [мыса] Горна, перенесению торговой столицы из Охотска в Болыперецк или Петропавловск. В прошлую зиму Лангсдорф мпого путешествовал по Камчатке и пришел к выводу, что климат к западу от гор гораздо лучше, чем на восточной стороне .. Он доказывает, что разведение оленей так, как оно поставлено у коряков, наряду со скотоводством, которое хорошо развивается даже при не очень тщательном уходе за животными, сможет в изобилии кормить Камчатку. Соль и стрелковый порох составляют важные потребности... Вы, как старый любитель Камчатки, с удовольствием

увидите, что кто-то находит дорогу и старается помочь столь достопримечательной стране. Пестель обещал сделать все от него зависящее для вывода солдат. Поскольку военный чин на Камчатке не нужен, Пестель хочет, чтобы в качестве губернатора туда поехал Лангсдорф, а с ним немецкие ученые и ремесленники, строители мельниц, мастера по производству кирпича, солевары и т. д. По сравнению с этой идеей моя астрономическая игра ничтожна,— сетовал Горнер. — Лангсдорфа хочет заполучить Академия, отец зовет его к себе, но я побуждаю его к тому, чтобы полностью посвятить себя возможности принести пользу многим тысячам людей (ведь и при самом несовершенном исполнении это наверняка принесет

пользу). Я не знаю ничего, что могло бы быть более высоким и желательным для благородного человека, чем такое назначение».6

Когда читаешь письма Горнера, создается впечатление, что Лангсдорф сильно увлек его своими камчатскими планами, и Камчатка стала одной из доминирующих тем в разговорах на квартире астронома. 21 марта он, например, сообщал Крузенштерну: «Левенштерн написал мне из Архангельска, он много работает. Лангсдорф обратился к нему по моему совету с тем, чтобы выяснить, не сможет ли он, если камчатский проект осуществится, взять на себя руководство флотом в Авачинской бухте и перегон туда судов».7

Через две недели после приезда в Петербург Лангсдорф писал Крузенштерну: «Мое теперешнее положение и будущее назначение весьма неопределенны. Родственники зовут меня в Германию, многие — в Академию, другие — в Москву, генерал-губернатор Сибири — на Камчатку. Я буду ждать, что сделает для меня Румянцев, и это приведет меня к дальнейшему решению».8

Ждать пришлось недолго. Уже 29 марта Румянцев, известный своим покровительством целому ряду ученых и многочисленным научным предприятиям, писал Н. Н. Новосильцеву об определении Лангсдорфа адъюнктом в Академию наук,9 и в июле 1808 г. Григорий Иванович, как стали с этих пор называть Лангсдорфа в России, был утвержден адъюнктом по ботанике.10 К этому времени Лангсдорф, представив в Академию собранные коллекции, получил причитавшееся ему, согласно контракту с Резановым, жалование, был награжден пожизненной

пенсией за участие в кругосветном плавании и официально возведен в надворные советники. К ту пору большое участие в судьбе ученого принял непременный секретарь Академии наук известный математик академик Н. И. Фусс.

Хотя к началу марта 1808 г. стало ясно, что проект отправления Лангсдорфа на Камчатку отпал, и Горнер в письме от 1 апреля просил Крузенштерна ходатайствовать перед Румянцевым о включении путешественника в состав какой-либо экспедиции, судьба далекого полуострова продолжала занимать Григория Ивановича. В том же письме Горнер писал Крузенштерну: «Лангс- дорф знает, что имперские власти распределили соль таким образом, что камчадалы ничего не получили. Об этом он хочет с завтрашней почтой писать Пестелю. Не останется ли его рапорт лежать в тамошних архивах? Кошелев, по его мнению, в июне или июле будет в Иркутске, куда ему можно будет писать».11

Лангсдорф хотел представить свою рукопись о Камчатке, посланную в 1807 г. из Иркутска, императору, но для этого ее нужно было перевести с немецкого на французский язык. Хлопоты в связи с этим переводом, который следовало сделать особенно тщательно, тоже не прошли мимо Горнера. В большом письме Крузенштерну от 8—11 апреля 1808 г. он рассказывал: «Лангсдорф передал свою записку „Камчатка и ее улучшение“ [академику] [Ф. И.] Кругу, чтобы перевести на французский язык, но получил ее назад, так как изложение было признано беспорядочным, а стиль плохим. Лангсдорф — человек, получивший научное воспитание, — замечал Горнер, — но он работает слишком много и поверхностно».12 Стиль этого сочинения Лангсдорфа, действительно, не отличался изяществом, но Круг и Горнер явно погрешили против ис-4 тины, признав изложение беспорядочным и поверхностным. Перевод все же был сделан, и докладная записка представлена на рассмотрение Александру I.13

Вскоре, однако, Лангсдорфа захватили новые планы. Министр народного просвещения П. В. Завадовский, видимо, по просьбе Н. П. Румянцева, обратился к академической конференции с предложением послать нового адъюнкта в Среднюю Азию.14 Лангсдорф должен был сопровождать в качестве врача торговый караван, отправлявшийся из Оренбурга в Самарканд и Бухару. 21 августа

ученый попросил у конференции поручений в связи с предстоящим путешествием15 и 16 сентября оставил Петербург.

В Оренбург Лангсдорф прибыл спустя месяц, но его ждало разочарование: товарищ министра иностранных дел А. Н. Салтыков сообщил туда, что отправка каравана отложена. Ученый обратился к оренбургскому губернатору Г. С. Волконскому за разрешением съездить на родину, а затем через Казань прибыл в Москву. «Вам, наверное, уже известно, что проект путешествия в Бухару расстроился и не сможет быть осуществлен, пока не будут восстановлены связи с Англией..., — писал он 21 января 1809 г. из Москвы Крузенштерну. — Мой паспорт прибыл, и через 6 или 8 дней я думаю уехать».16 Списавшись с Фуссом и испросив у Академии поручения за границей,17 Лангсдорф покинул Москву.

Лангсдорф побывал в Геттингене у Блуменбаха и навестил отца, жившего в Брухзале. С 1807 г. Готлиб Лангсдорф занимал там пост вице-канцлера верховного суда Великого герцогства Баденского. В числе городов, которые посетил тогда Лангсдорф, можно отметить и Дармштадт, где Ф. Лехманом был сделан его гравированный портрет.18 На нем Лангсдорфу тридцать пять лет.

Его научный авторитет в германских государствах был тогда уже весьма значителен. Помимо геттингенских Физического и Научного обществ, куда он был избран соответственно в 1798 и 1803 гг., он являлся с 1808 г. членом- корреспондентом Баварской Академии наук в Мюнхене и почетным членом Метеорологического общества во Франкфурте-на-Майне.19 С 1805 г. в Гейдельбергском университете в течение многих лет для него сохранялось место профессора естественной истории.20

В Петербург Лангсдорф вернулся в июне 1809 г. Он поселился на Васильевском острове, в доме № 106 по Кадетской (ныне Съездовской) линии21 и быстро приобрел широкие связи в научных кругах русской столицы. Познакомился он и с астрономом академиком Ф. И. Шубертом, на дочери которого Фридерике Федоровне спустя некоторое время женился.

В течение трех последующих лет, проведенных в Петербурге, Лангсдорф очень много успел. Прежде всего он начал обрабатывать свои материалы, связанные с изучением природы, географии и этнографии Камчатки,

а также Алеутских островов. В июле 1809 г. Лангсдорф прочел на заседании академической Конференции статью о возникновении острова близ Уналашки22 и представил иллюстрированную рукопись о рыбах, обитающих у берегов Камчатки.23 Первое сообщение ученого многих весьма заинтересовало. «На основе этого факта я должен отбросить всякое сомнение о возможности явления такого масштаба, — писал Горнер Крузенштерну. — Я все еще не верю, что такие острова могут подниматься, а думаю, что они образуются постепенно, путем переливания и прибавления осаждающейся лавы.. .».24

В 1809 г. во Франкфурте-на-Майне была опубликована статья Лангсдорфа о камчатских мухоморах.25 В ней он не только описывал эти грибы, но и сообщал подробнейшие сведения об использовании их паркотических свойств ительменами и коряками. В июне 1811 г. ученый познакомил конференцию с работой о собаководстве на Камчатке,26 а в следующем году опубликовал в Москве свои заметки о естественных ресурсах полуострова.27

Исследования Лангсдорфа, касающиеся Камчатки, нашли определенное отражение и в сфере законодательства. На основании докладной записки, представленной в свое время Александру I, ученый в октябре 1810 г. закончил давно подготавливавшийся им проект реформ на полуострове.28 11 января 1811 г. был создан «Комитет для внутреннего устройства

Камчатской, Охотской и Якутской областей» под председательством И. Б. Пестеля. Помимо Лангсдорфа, в него вошли И. Ф. Крузенштерн, поддержавший идею путешественника о расформировании так называемого камчатского батальона, вице-адмирал Г. А. Сарычев и лейтенант Л. А. Гагемейстер. Комитет начал свои заседания 14 февраля того же года и составил «Новое положение о Камчатке», которое 9 апреля 1812 г. было утверждено императором.29 В основе этих нововведений лежали многие предложения Лангсдорфа. Хотя после упразднения упомянутого батальона воепных на Камчатке не стало меньше, они, как советовал ученый, были размещены в Петропавловске — новом административном центре полуострова, где снабжать их всем необходимым было значительно легче. На Камчатке решено было построить солеварни, организовать продажу местному населению пороха и т. д. Получив за свои труды орден св. Анны второй степени и удовлетворенный дове-

дением камчатских изысканий до такого, казалось, благополучного конца, Лангсдорф был весьма далек от мысли, что в условиях царской России между разработанным в Петербурге «Положением» и реальным улучшением жизни камчадалов лежит непроходимая пропасть.

В петербургский период своей жизни Лангсдорф весьма интенсивно работал и в других областях. С сентября 1809 г., когда ученый перешел на освободившееся место адъюнкта по зоологии, он стал ежемесячно представлять конференции свои наблюдения по ихтиологии, которые делал в окрестностях столицы.30 Эти загородные экскурсии дали, в частности, материал для статьи о новом виде тетерева.31

В 1810 г. Лангсдорф совместно с Ф. Б. Фишером (управлявшим тогда подмосковным ботаническим садом А. К. Разумовского в Горенках, а впоследствии возглавившим петербургский) опубликовал в Тюбингене результаты своих ботанических изысканий 1803—1807 гг.,32 в феврале 1811 г. рецензировал труд петербургского естествоиспытателя и врача О. Я. Либошица «Введение в физиологию грибов»,33 а в январе 1812 г. составил опись растений, которые наблюдал во время путешествия из Охотска в Иркутск.34 Заслуги Лангсдорфа как исследователя флоры Сибири были отмечены присвоением его имени девяти родам растений; восемь из них, однако, оказались впоследствии синонимами ранее известных, и с именем Лангсдорфа остался лишь один (сем. Balanophoreae). Кроме того, в честь него были названы восемь видов растений из других

родов.35

В 1808 г. Лангсдорф был избран действительным членом Московского общества естествоиспытателей, а в 1810 г. — Общества описательной ботаники в Горенках.36

Кроме упомянутых работ, Лангсдорф совместно с Горнером в 1809 г. опубликовал на французском языке «Ежечасные метеорологические наблюдения между двумя тропиками в южном море».37 Присланные в свое время с Камчатки Крафту, эти материалы были теперь сведены в десятки обширных тщательно составленных таблиц. В предисловии к ним авторы справедливо указывали, что не знают в Европе метеорологических наблюдений, «которые осуществлялись бы час за часом».38 В 1810 г, в «Тех¬

нологическом журнале» Лангсдорф напечатал подробное описание татуировок жителей острова Нукухива и иллюстрировал его собственными рисунками.39 В следующем году эта работа была переиздана в Веймаре на немецком языке.40

Наконец, параллельно со всеми перечисленными исследованиями Лангсдорф трудился над капитальным описанием кругосветного путешествия. «Каждый наблюдатель, — писал он, определяя характер предлагаемой читателю книги, — имеет собственную точку зрения, с которой он видит новые предметы и судит о них, у него своя особая сфера, в которую он стремится включить все, что стоит в более тесной связи с его знаниями и интересами... Я старался выбрать все то, что мне казалось представляющим общий интерес — нравы и обычаи разных народов, их образ жизни, продукты стран и общую историю нашего путешествия».41 Работая над книгой, Лангсдорф, вероятно, поддерживал связи с Крузенштерном, который публиковал в это время свое известное трехтомное описание, а также с Блуменбахом. Крузенштерн и сам переписывался с Блуменбахом, рецензировавшим его труд.42

21 марта 1810 г. Лангсдорф сообщил Конференции Академии наук, что закончил первый том описания. В публикации книги за академический счет ему было отказано, но ученый получил разрешение напечатать ее за границей.43 В письме французскому географу Ж.-Д. Барбье-ди-Бокажу от 20 июня 1811 г. Крузенштерн узнавал о возможности опубликовать описание Лангс- дорфа во Франции.44 Появилось оно, однако, во Франк- фурте-на-Майне на немецком языке в 1812 г. Средства на издание были собраны по подписке. Два великолепно изданных тома размером в четвертую долю листа и объемом почти в 650 страниц были дополнены двумя альбомами, включающими 43 гравюры.45 17 июля 1812 г.

Лангсдорф представил экземпляр своего труда в академическую библиотеку.46 Его первый том был посвящен Александру I, а второй — И. Ф. Крузенштерну.

«Замечания о путешествии вокруг света в 1803— 1807 гг.», как назвал Лангсдорф свою книгу, принесли ему вскоре мировую известность. Обилие нового 'материала, колоссальный и необычный по тем временам маршрут Лангсдорфа, его живое изложение виденного и пере¬

думанного в пути, а также превосходные иллюстраций снискали этой книге многочисленных читателей. Она привлекала и сильной личностью автора — человека, отличавшегося большим мужеством и скромностью, добросовестного и деловитого наблюдателя, вдумчивого и -скрупулезного исследователя, противника внешних эффектов, считавшего, что «строгая любовь к правде является не преимуществом, а долгом всякого описателя путешествий».47

В основу труда Лангсдорфа были положены его путевые дневники. Однако перед нами не публикация этих дневников и не мемуары, а научное сочинение. Лангсдорф проделал громадную работу, сопоставляя материалы собственных наблюдений с данными своих предшественников. Он тщательно изучил труды У. Блига, И. Браама, Д. Ванкувера, Д. Вильсона, Д. Кука, Ж. Лабилардьера, Ж. Ф. Лаперуза, Г. Форстера, Э. А. Циммермана и многих других европейских ученых и путешественников. Обрабатывая свои материалы, касающиеся Русской Америки, Камчатки, Сибири, Лангсдорф сравнивал их: с сочинениями И. И. Биллингса, С. П. Крашенинникова, И. Ф. Крузенштерна, Г. Ф. Миллера, П. С. Далласа, Г. А. Сарычева, Г. В. Стеллера, И. Э. Фишера, А. К. Шторха. С японскими географическими трудами и картами, а также с некоторыми данными о языке айнов его познакомил выдающийся востоковед Г. Ю. Клапрот.

Труд Лангсдорфа внес более или менее крупный вклад в изучение почти всех районов мира, в которых побывал путешественник. Современный американский географ К. Вебб, анализируя книгу Лангсдорфа, справедливо отметил, что русский академик был одним из тех исследователей Бразилии, которые «открывали ... обширное тропическое царство с экзотическими ландшафтами, людьми, обычаями, флорой и фауной».48 Изучение Лангсдорфом жителей островов Нукухива и Гавайи открыло новую страницу в этнографическом исследовании Океании. «Этот труд, — писал Ф. Ратцель,— всегда называют в первом ряду среди огромной и весьма значительной литературы о путешествиях в Полинезию».49 Такая оценка объясняется не только разнообразием материалов, собранных путешественником, но и методами их изучения, представлявшими в то время значительный шаг вперед. Так, рас¬

сматривал обычай каннибализма на Нукухиве, он провел специальное сравнительно-этнографическое исследование: сопоставил услышанное на острове с данными о каннибалах у Геродота, Страбона, Плиния и других авторов, с известными ему сведениями о каннибализме в Африке, Бразилии, Мексике. Лангсдорф дал не только удивительно детальное и точное описание татуировки островитян, но и высказал свои соображения о том, как она влияет на потоотделение. Он записал около 400 слов и выражений нукухивцев, причем, услышав их из уст упоминавшегося выше француза Ж. Кабри, снабдил его переводы своими критическими замечаниями.50 Из материалов Лангсдорфа о жителях Нукухивы выдающийся советский этнограф Л. Я. Штернберг находил особенно ценным описание местных видов табу, а также записи музыки островитян, предоставленные путешественнику Тилезиу- сом.51

Свои заметки о гавайцах Лангсдорф частично сделал на основе личных впечатлений во время пребывания «Надежды» у о. Гавайи, а частично — по рассказам моряков, услышанным во время зимовки в Новоархан- гельске. В своей книге ученый оговорил это, разграничив результаты собственных наблюдений и сведения, собранные другими лицами.

Описание кругосветного путешествия Лангсдорфа является важным источником по истории и этнографии Японии, а также представляет первостепенный интерес для изучения истории интереса к Японии в России. Исключительную ценность представляют материалы, собранные путешественником об айнах. Сведения о них, содержащиеся в трудах Крашенинникова, Лаперуза и других предшественников Лангсдорфа, были весьма

отрывочны и неточны. Как и Крузенштерн, Лангсдорф стоит у истоков изучения проблемы происхождения айнов, занимающей этнографов многие десятилетия. С помощью Клапрота ученый составил небольшой сравнительный словарь (около 90 слов) диалектов айнов, живших на Камчатке, Курильских островах, на о-ве Хоккайдо, в южной и северо-восточной частях Сахалина.52 Это был. первый словарь такого рода.

Труд Лангсдорфа может быть причислен к важнейшим источникам по этнографии коренного населения Северной Америки. Его материалы об алеутах и эскимосах во мно¬

гом дополняют сведения, собранные о них в 1789— 1791 гг. Сарычевым. Наряду с Ю. Ф. Лисянским Лангс- дорф был пионером в изучении тлинкитов. Хотя в описаниях ряда путешественников, побывавших на тихоокеанском побережье Северной Америки вскоре после Лангс- дорфа, также содержатся сведения о тлинкитах, дальнейшее специальное научное исследование этих индейцев было предпринято только в 20-х— 30-х годах XIX в. русским этнографом и миссионером И. Е. Вениаминовым.

Лангсдорф явился и первым русским исследователем Калифорнии.53 Находясь в Сан-Франциско, он наблюдал представителей ряда индейских племен, входящих в языковую семью пенути.

В части, касающейся Камчатки, труд Лангсдорфа можно поставить в один ряд с сочинениями Крашенинникова, Стеллера и других известных исследователей полуострова. Ученый подробно описал быт народов Камчатки. Он отметил половое разделение труда у коряков, определил роль оленеводства в их жизни, рассказал об отдельных элементах их материальной культуры: пище, меховой одежде, переносном жилище — яранге и т. д. Лангсдорф выяснил численность жителей в 50 населенных пунктах Камчатки. Он был первым из ученых, проведших подобную работу после С. П. Крашенинникова. Классическим признается и очерк путешественника о собаководстве у камчадалов.54

Гравюры, приложенные к книге Лангсдорфа, снабжены подробными пояснительными текстами. Они не только иллюстрируют соответствующие места описания, но и имеют вполне самостоятельное научное значение, являясь превосходным историко-этнографическим источником. Из 43 гравюр одна касается путешествия вдоль берегов Северной Европы, одна посвящена Тенерифе, одна — Бразилии, десять — Нукухиве, одна — Гавайским островам, тринадцать — Японии, одна — Сахалину,

девять — Русской Америке, три — Калифорнии, две — Камчатке, одна — Сибири. По крайней мере 15 гравюр были выполнены с рисунков Лангсдорфа, а остальные — с рисунков В.-Г. Тилезиуса, Е. Фридерици и петербургского художника А. П. Орловского, который сделал их по эскизам Лангсдорфа и Тилезиуса. Рисунки и чертежи каноэ нукухивцев и гавайцев, лодок сахалинских айнов, а также

байдарок с Уналашки, Кадьяка, Аляски были выполнены «судовым мастером» И. П. Корюкиным, путешествовавшим на корабле «Нева». Основная часть оригиналов, с которых были сделаны гравюры, хранится ныне в Бэнкрофтской библиотеке в США.55 Среди 38 находящихся там рисунков есть и несколько неопубликованных работ Лангсдорфа.

В альбоме, приложенном к первому тому книги Лангсдорфа, были помещены также ноты «бразильской арии» и «нукухивской песни».56

Отдавая дань научным заслугам Лангсдорфа, Петербургская Академия наук по представлению академиков А. Ф. Севастьянова, В. М. Севергина и П. А. Загорского, сделанному в марте 1812 г., 1 апреля того же года избрала его своим экстраординарным членом.57

Издание описания кругосветного путешествия и избрание членом Петербургской Академии явились важными вехами в биографии Лангсдорфа и подвели итог целому периоду его жизни.

Вскоре произошло событие, круто изменившее судьбу ученого. «Лангсдорф, — писал Крузенштерн Г орнеру в Цюрих 20 августа 1813 г., — просил канцлера (Н. П. Румянцева,— Б. К.) о месте консула в Бразилии, и он дал его ему охотно, так как знал, что хоть торговые дела и не интересуют Лангсдорфа, но-для естествоиспытателя и собирателя место в Бразилии представляет большую ценность».58 Назначение Лангсдорфа генеральным консулом в Рио-де-Жанейро, состоявшееся в сентябре 1812 г., было, однако, вполне обоснованным и с точки зрения российских интересов в Бразилии. Ученый и путешественник, человек разносторонних знаний, свободно владевший португальским языком, он весьма подходил для выполнения в бразильской столице (ставшей в 1807 г., после занятия Лиссабона наполеоновскими войсками, столицей всей португальской монархии) именно консульских обязанностей. Вместе с тем Лангсдорф действительно намеревался продолжать в Бразилии и свои научные занятия, тем более что при вступлении на службу в ведомство иностранных дел за ним сохранялось жалование

академика.

В декабре 1812 г. Лангсдорф оставил Петербург, 1(13) января следующего года писал в Академию из Лондона, рассказывая о знакомствах с английскими учеными и посещении музеев,59 а 24 марта (5 апреля) прибыл в Рио-де-Жанейро,

55

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Более трех веков американская колония Португалии управлялась из метрополии. Хозяйственная жизнь Бразилии была строго регламентирована, предпринимательская деятельность в ней преследовалась, всякие связи с иностранными государствами запрещались. Теперь, после вынужденного переселения королевского дома Браганса в Рио-дё-Жанейро, положение стало меняться. Бразильские порты получили право принимать суда других стран, было разрешено строительство первых предприятий, начала поощряться иммиграция. В прошлом полностью изолированный от внешнего мира Алмазный округ, где добывались драгоценные камни, стал доступен для иностранцев. Были основаны театр, национальная библиотека, национальный музей, ботанический сад, военная и морская академии, типография, ме- дицинские школы и т. д. Рио-де-Жанейро приобретал атрибуты европейских столиц. Нововведения объяснялись не только нуждами королевского двора, лишенного связей с бывшей метрополией, но и требованиями бразильских креолов — богатых землевладельцев и торговцев, крайне раздраженных ограничением их экономической инициативы.

Пост российского генерального консула в Рио-де-Жанейро был учрежден в июле 1811 г. для развития русско- бразильской торговли. Политика континентальной блокады, к которой Россия примкнула после Тильзитского мира, препятствовала ее связям с Англией — традиционным поставщиком колониальных товаров и потребителем предметов русского экспорта. России были нужны новые торговые партнеры, готовые продавать сахар, хлопок, кофе, какао и другие продукты тропиков в обмен на русский лес, пеньку, смолу, железо, парусину. 29 мая (10 июня) 1812 г. было подписано русско-португальское соглашение, получившее форму продления торгового договора 1798 г.

Первым российским консульским представителем в Бразилии был назначен М. И. Лабенский. Теперь этот пост предстояло занять Г. И. Лангсдорфу. Ко времени отъезда ученого в бразильскую столицу Россия уже воевала с Наполеоном, был подписан мирный трактат с Англией и политика континентальной блокады более не стес-

йяла русскую экономику. Ёсе это в известной мере ослабляло интерес России к развитию прямой торговли с Бразилией, не снимая, однако, важнейшей задачи Лангсдорфа — детально изучать бразильский рынок и содействовать русским купцам в Рио-де-Жанейро и других городах страны. Последнее, было весьма сложным делом. Португальский двор, тесно зависимый от Англии уже более чем полтора века, и теперь послушно выполнял указания Лондона; Англия, обеспечившая охрану королевского семейства во время его путешествия в Бразилию, приобрела в силу договоров 1810 и 1812 гг. широкие, почти монопольные права на торговлю с этой страной.

Другая цель пребывания Лангсдорфа в Рио-де-Жанейро сводилась к тому, чтобы обеспечивать всем необходимым корабли Российско-американской компании и другие русские суда при их возможной стоянке в этом порту. Вслед за Крузенштерном и Лисянским в октябре 1806 г. отправился вокруг света на корабле «Нева» Л. А. Гагемейстер, а затем в марте 1807 г. на военном шлюпе «Диана» — В. М. Головнин. Начавшиеся войны помешали организации новых кругосветных плаваний, но в дальнейшем предполагалось наладить с их помощью связь европейской России с Русской Америкой и Камчаткой.

10 (22) июля 1813 г. принц-регент Жуан, правивший от имени своей больной матери королевы Марии I, издал указ о признании Лангсдорфа русским генеральным консулом.1 «Двор здесь живет как в деревне, — писал ученый в Петербург вскоре после прибытия, — говорят только о возвращении в Португалию и лишь с этой точки зрения оценивают все события войны в Европе. Вот главная причина, по которой королевская семья нисколько не позаботилась ни о своих удобствах, ни об удобствах тех, кто прибыл сюда вместе с нею.. .».2

О деятельности Лангсдорфа на новом посту говорят его многочисленные донесения в Департамент внешней торговли Министерства финансов и Коллегию иностранных дел. В них ученый сообщал разнообразные сведения о бразильском экспорте, торговле в Бразилии английских, американских, шведских купцов, ценах в Рио-де-Жанейро, условиях ввоза товаров из России. Он указывал наиболее удачное время для отправления русских кораблей, но¬

менклатуру и количество изделий и сырьевых товаров, которые целесообразно привозить в бразильские порты. «Многие жители этой земли употребляют английские орудия, я предполагаю, что они привыкнут и к русским, — писал

Лангсдорф. — Надо попробовать завозить многие другие предметы, чтобы видеть, можно ли приучить здешних жителей получать их впоследствии из России».3 Ученый энергично способствовал расширению русско-бразильской торговли. Уже в первые годы его консульской деятельности в Рио-де-Жанейро побывало несколько русских торговых кораблей из Петербурга, Риги, Либавы, Архангельска — «Патриот», «Ильмень», «Петр», «Наталия Петровна», «Двина» и другие.

Однако наладить регулярные торговые контакты с Бразилией и увеличить объем товарооборота не удалось. «Должен заметить, — писал Лангсдорф в апреле 1818 г. в департамент внешней торговли, — что в таком месте, как здешнее, нет верных правил и что купец может продать сегодня товары с 25 или 30 процентами барыша, а через неделю понесет на них такой же убыток, после того или когда придет корабль с теми же товарами».4 Причины трудностей в развитии русско-бразильской торговли тех лет можно объяснить как господством в Бразилии английского капитала, так и слабостью промышленности России, малочисленностью ее торгового флота, традиционной привязанностью к английскому рынку.

Принимая в Рио-де-Жанейро корабли русских кругосветных экспедиций, Лангсдорф во многом способствовал успеху этих замечательных предприятий. В мае 1812 г. он сообщал главному правлению Российско-американской компании о стоянке в бразильской столице корабля «Суворов»: «Я употребил все мои силы, чтобы оказать этой экспедиции всевозможное содействие и сделать пребывание здесь для ее участников как приятным, так и полезным».5 Консульскую деятельность Лангсдорфа, его открытый, гостеприимный дом, радушной хозяйкой которого была Фридерика Федоровна, тепло вспоминали В. М. Головнин, Ф. Ф. Матюшкин, Ф. Ф. Беллингсгаузен, Ал. П. Лазарев, Н. Д. Шишмарев, П. М. Новосильцев, И. М. Симонов и многие другие русские мореплаватели.6 «Если мы когда-нибудь забудем ласку и приветливость их, — писал о семье генерального консула в 1817 г.

Ф. ГГ. Литке, — то пусть забудут нас друзья наши; пусть нигде не найдем мы другого Лангсдорфа».7

Лангсдорф не только снабжал кругосветные экспедиции всем необходимым, но, являясь в течение многих лет единственным представителем русской науки в Южной Америке, знакомил посланцев России с совершенно неизвестным для них миром. В его доме, ставшем в начале XIX в. одним из заметных культурных центров Рио-де-Жанейро, они встречались с представителями

местной интеллигенции и администрации, деятелями искусства, членами дипломатического корпуса, европейскими путешественниками. В описаниях русских мореплавателей, пользовавшихся большой популярностью в России, приводились разнообразные сведения, сообщенные их авторам Лангсдорфом. Уже в те годы он стал основным посредником в процессе распространения сведений о Бразилии в литературных кругах Петербурга и в русском обществе.

Важной заслугой Лангсдорфа было и само основание русской консульской службы в Бразилии. Он длительное время опекал присланных в Бразилию для прохождения практики при русском консульстве четырех молодых кандидатов коммерции, выпускников Петербургского коммерческого училища — Горбункова, Душкина, Кильхена и Танненберга. Петр Петрович Кильхен в 1818 г. стал вице- консулом в Рио-де-Жанейро. Этот энергичный, знающий чиновник и вместе с тем удачливый, оборотистый купец был прекрасным помощником Лангсдорфа и прослужил в бразильской столице до 1831 г. Ученый содействовал также учреждению в других портах Бразилии постов внештатных российских вице-консулов.

История русской миссии в Рио-де-Жанейро сложилась так, что Лангсдорфу, помимо своих прямых консульских функций, приходилось дважды подолгу исполнять дипломатические обязанности. Первым русским посланником при португальском дворе в Рио-де-Жанейро стал Ф. П. Пален, возглавлявший до этого русскую дипломатическую миссию (тоже первую) в США. Он был назначен в июле 1811 г., но приехал в бразильскую столицу спустя примерно год. Однако уже с июня 1814 г. Лангсдорф стал исполнять обязанности временного поверенного в делах, так как Пален выхлопотал себе перевод

59

в Мюнхен, а новый поверенный в делах А. В. Сверчков прибыл только в мае 1815 г.

Вскоре Лангсдорфу снова были даны дипломатические поручения. Назначение посланником П. Ф. Балк-По- лева, прибывшего в Рио-де-Жанейро в октябре 1816 г., было и случайным и весьма неудачным. Балк-Полев только что поступил в ведомство иностранных дел и, как сам признавался впоследствии, не имел «довольно опытности в поприще службы».8 Между тем в 1816—1817 гг. русско-португальские отношения серьезно осложнились в связи с тарифной политикой России и происпанской позицией Петербурга в вопросе об интервенции португальских войск на территорию Восточного берега (Уругвая), входившую тогда в состав вице-королевства Ла-Плата. В этих

условиях, когда от Балк-Полева требовались особая осторожность и такт, он рядом поступков вызвал серьезпое недовольство португальского двора и в июне 1817 г. вместе со Сверчковым был вынужден оставить Рио-де-Жанейро. «Я уже второй раз являюсь поверенным в делах и получаю дополнительно 200 дукатов», — писал в декабре Лангсдорф Крузенштерну.9 Ученому пришлось занимать эту должность почти до осени 1819 г., когда приступил к своим обязанностям очередной посланник Ф. В. Тейль-фан-Сероскеркен.

После отъезда Палена Лангсдорф являлся безусловно паиболее сведущим в бразильских делах представителем России при португальском дворе в Рио-де-Жанейро. В его донесениях получили широкое отражение события в Бразилии и Испанской Америке в те годы. Правда, трактовка их была весьма тенденциозной. Консерватор и монархист, Лангсдорф рассматривал освободительные движения на Американском континенте сквозь призму своих политических взглядов. Так, республиканское восстание в капитании Пернамбуку в 1817 г. для него дело мошенников и людей с дурной репутацией.10 Значение сражения на р. Майну в феврале 1818 г., после которого было покопчено с испанским колониальным господством в Чили, он оценивал лишь с точки зрения трудности возвращения «этой провинции» под управление Мадрида.11

Суждения Лангсдорфа об англо-португальских отношениях отличаются большей трезвостью и реализмом. В донесении Коллегии иностранных дел от 9 (21) октября 1814 г. он, объясняя стремление Англии содействовать

переезду португальского двора в Лиссабон и ликвидировать реформы, провозглашенные в Бразилии в 1808 г., а также рассказывая о положении в Португалии, писал: «Говорят, что апгличане охотно согласились бы упразднить последний торговый договор с португальским правительством, если в Бразилии будет восстановлена колониальная система. Вывоз из английских колоний будет падать в связи с открытием бразильских портов для кораблей всех наций. Ввиду жаркого климата страна не нуждается в английских хлопчатобумажных тканях». И далее генеральный консул сообщал: «Предполагают, что принц вернется в мае будущего года. Англичане всегда руководствуются коммерческим интересом. Они предложили целую эскадру, чтобы бесплатно перевезти в Лиссабон весь двор. Здешний кабинет рассматривает возвращение принца как выгодное дело. Лиссабоп и Опорто раньше были складом колониальных товаров и процветали, а теперь они в состоянии

летаргии, их представители принесли принцу жалобу. Таможпи этих городов, дававшие раньше значительные суммы, теперь дают мало, а бразильские таможни несут большие расходы и пе могут с ними сравниться».12

Лангсдорф пользовался большим авторитетом в правительственных кругах Рио-де-Жапейро. Решающее влияние на положение генерального консула оказывал, конечно, международный престиж России — победительницы Наполеона, игравшей огромную роль в судьбах Европы эпохи Реставрации. Однако пельзя не отметить, что известности и широким связям Лангсдорфа весьма способствовали и его личные качества: широкая эрудиция, общи¬

тельный характер, а в немалой степени и репутация опытного врача. Ученый был близко знаком с членами королевского дома, а также министрами и видными сановниками маркизом д'Агиар, графом Барка, Ж.-П. Бе- зерра де Сейсас, графом Палма, Т.-А. Вилламовой-и-Пор- тугал, графом душ Аркуш, интендантом королевского дворца в Санта-Круз виконтом Риу-Секу и многими другими. «Лангсдорф ввел меня во многие салоны», — писал в сентябре 1818 г. министру иностранных дел К. В. Нессельроде российский комиссар на о-ве Св. Елены при пленном Наполеоне генерал-майор А. А. де Бальмен, побывавший в Рио-де-Жанейро.13 Лангсдорф имел связи и среди членов дипломатического корпуса, и последние не¬

редко писали в свои страны о его деятельности. Имя Лангсдорфа неоднократно встречается, например, в донесениях прусского посланника Флеминга министру иностранных дел Пруссии К. Г. Бернсторфу.14

Вскоре после прибытия в Рио-де-Жанейро Лангсдорф стал одним из главных советчиков португальского правительства по вопросам европейской колонизации. В 1818 г. в Веймаре Лангсдорф опубликовал (в приложении к описанию путешествия В. Л. Эшвеге по Бразилии) свое открытое письмо «другу в Германию», в котором подробно рассказывал об этой южноамериканской стране и приглашал туда немецких колонистов.15

Спустя года три после переезда в Бразилию Лангсдорф и сам стал землевладельцем. Его фазенда Мандиока, по сообщению одного русского современника, была расположена верстах в 50 от Рио-де-Жанейро и находилась вблизи оживленного торгового пути, соединявшего столицу с капитанией Минас-Жераис. Побывавшие в Ман- диоке или слышавшие об этом поместье путешественники оставили в своих записках некоторые

интересные для нас сведения. Фазенда была куплена за 5 тыс. пиастров (около 20 тыс. руб.).16 Ее площадь равнялась одной квадратной легуа, то есть примерно 25 кв. км. Большой двухэтажный господский дом, другой дом, сданный в аренду под постоялый двор для проезжающих, многочисленные хозяйственные постройки, о которых мы узнаем из заметок очевидцев, внешне создают впечатление типичной бразильской фазенды той поры. В Мандиоке была обширная для начала XIX века кофейная плантация. В 1817 г. она насчитывала тысячу деревьев, а спустя несколько лет там было по разным данным от 20 до 40 тыс. деревьев. Значительные участки Лангсдорф отводил под маниоку, маис, индиго. В фазенде работало — в разные годы — от 30 до 60 рабов. «Консул обходится со своими неграми как отец с детьми, — писал штаб-лекарь со шлюпа «Ладога» П. Огиевский, — и слывет за то антиком у других владельцев, которые, сколько мне известно, поступают с невольниками хуже, чем со скотом».17

Вынашивая планы заселения своих земель и создания европейской колонии, Лангсдорф в 1819 г. обратился к Жуану VI (принц-регент в 1816 г. стал королем) с просьбой освободить людей, которые будут работать в Мандиоке, от службы в милиции, налогов и ряда дру-

гйх повинностей, которые могли бы помешать им прочно осесть в Бразилии.18

Несмотря на трудоемкие служебные и хозяйственные дела, Лангсдорф был в описываемые годы далеко не только консулом, дипломатом и фазеНдейру. «Бабочки и букашки есть его герои», —- писал о Лангсдорфе русский мореплаватель М. Н. Васильев.19 Действительно, все свободное время генеральный консул отдавал изучению природы Бразилии, ее населения и хозяйства, проявляя при этом такую энергию и разносторонность интересов, которые вызывали удивление современников.

Ученый поддерживал постоянную связь с Петербургской Академией наук. Уже спустя месяц после прибытия в бразильскую столицу он прислал ее конференции письмо, в котором сообщал различные сведения об индейцах племени ботокудов и высказывал свои соображения об их внешнем сходстве с алеутами.20 Невозможность надолго уехать из Рио-де-Жанейро весьма стесняла научные планы Лангсдорфа, но все же в марте 1814 г. он отправил в Петербург небольшой словарь языка ботокудов.21 Ученый предлагал сравнить посылаемый материал с языком коренных жителей о-ва Баранова. Очевидно, он задумался над проблемой заселения Южно-Американского континента.

Ныне большинство этнографов и антропологов полагают, что предки индейцев проникли в Америку из Северо-Восточной Азии. Пытаясь сравнивать внешний облик и языки аборигенов Аляски и Бразилии, Лангсдорф избрал в целом правильный путь для решения этой сложной проблемы.

В эти годы 'Лангсдорф много работал в музее и библиотеке Рио-де-Жанейро, собрал свою превосходную библиотеку, состоявшую, по отзыву современника, «из книг отборных по всем отраслям наук», создал в Мандиоке ботанический сад и составил такую коллекцию бабочек, что она стала местной достопримечательностью. Разнообразные естественнонаучные коллекции, предметы которых ученый покупал или находил в окрестностях города, постоянно получала от него и Петербургская Академия.

В ноябре 1814 г. Лангсдорфа посетил упоминавшийся выше Эшвеге. Ученый-минералог, он состоял на португальской службе и жил в капитании Минас-Жераис. Отправив конференции содержательную записку, составленную Эшвеге о Минас-Жераисе, Лангсдорф рекомен¬

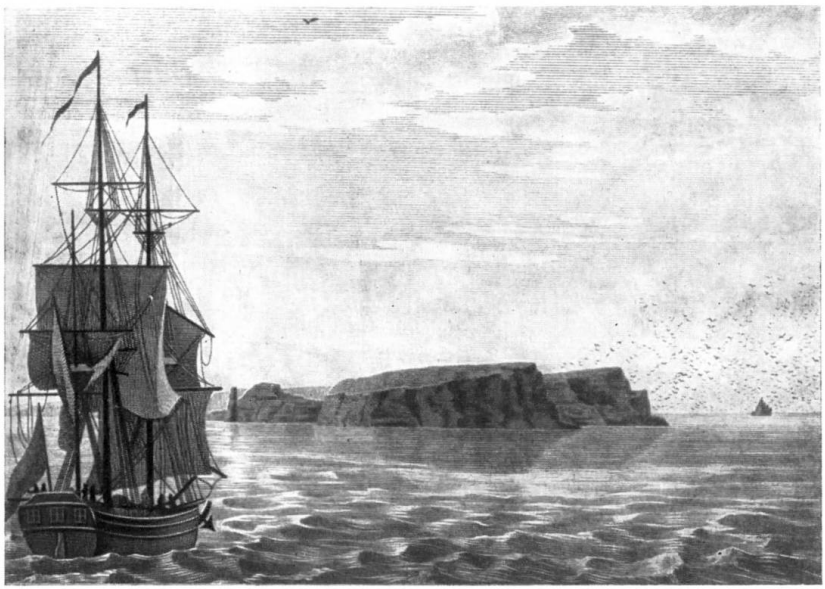
довал избрать его членом-корреспондентом Академий. «Я не мог бы извлечь сведения о стране из лучшего источника», — писал он о посылаемой статье, вскоре затем опубликованной в «Технологическом журнале».22

В декабре 1816 г. Лангсдорф, совершавший до этого лишь небольшие поездки в местности, прилегающие к Рио-де-Жанейро, получил отпуск и сам отправился в путешествие по капитании Минас-Жераис. Его спутником стал французский натуралист О. Сент-Илер, ученик известного ботаника А.-Л. Жюссье. За три месяца Лангсдорф, пользуясь специальным распоряжением Жуана VI об оказапии ему содействия в дороге, проехал верхом- 150 миль и побывал в тогдашнем административном центре капитании — г. Оуру-Прету, в городах и селениях Сабара, Сан-Жуан-дел-Рей, Конгонас. В отчете, отосланном Нессельроде после возвращения, 15/27 марта 1817 г., он дал подробную характеристику экономического положения Минас-Жераиса, рассказал о сельском хозяйстве, золотодобыче, железоделательных фабриках, быте населения, облике посещенных городов.23 Немало интересного ученый, видимо, услышал от Эшвеге, которого навестил в конце декабря 1816 г.

«Низенький, сухощавый», как описывал его несколько позднее Литке,24 Лангсдорф тогда весь отдался работе. «В обществе г-на Лангсдорфа, самого деятельного и неутомимого человека, которого я встречал в своей жизни, — писал впоследствии О.

Сент-Илер, — я учился не терять в путешествии ни минуты, не обращать внимания на лишения и весело переносить всевозможные неудобства. Мой спутник, — продолжал он, — ходил туда и сюда, волновался, звал одного, делал замечания другому, ел, писал свой дневник, приводил в порядок коллекции бабочек — и все это в одно и то же время. Походка его была стремительной, а находившиеся впереди голова и руки, казалось, обвиняли остальные члены в медлительности. Говорил он так быстро, что его дыхание прерывалось, как бывает после длинного пути».25 Уже известное нам стремление ученого «все заметить и не пропустить ничего» проявлялось теперь с наибольшей силой.

О научной деятельности Лангсдорфа знали не только в Рио-де-Жанейро, но и во многих других районах Бразилии. Например, французский литератор и дипломат Ф. Дени, живший одно время в Байе и лично не знакомый



Вид на остров Св. Георга.
Рис. Г. И. Лангсдорфа.

Г. И. Лангсдорф.
Рис. неизвестного мастера.

Река Кубатан близ Сантуса. (На носу лодки — Г. И. Лангсдорф).
Рис. А. Тонвя.

Могила Г. И. Лангсдорфа во Фрейбурге (ФРГ).
Фото.

С ученым* Сообщал в сентябре 1817 г. в Париж, что «друзья науки могут радоваться», так как Лангсдорф «закончил путешествие во внутренние районы страны, в течение которого его коллекции значительно пополнились».26 Чувства глубокого уважения к Лангсдорфу как ученому и исследователю Бразилии высказывали на страницах своих книг английский путешественник Д. Лук- кок, историк Д. Гендерсон и многие другие его современники.27

Лангсдорф в свою очередь подробно информировал Петербургскую Академию о деятельности многих исследователей Бразилии. Эта страна, в течение веков бывшая из-за политики лиссабонских правителей почти недосягаемой для европейских

ученых, стала после 1808 г. местом их паломничества. Лангсдорф сообщал в Петербург о путешествиях Максимилиана цу Вид-Нейвид, Ф. Седова, И. Ольферса, большой австро-баварской экспедиции в составе И. Шпикса, К. Мартиуса, И. Поля, И. Наттерера, И. Микана, Г. Шотта, тосканской экспедиции Дж. Радди и многих других.28 Некоторым исследователям Лангсдорф сам оказывал посильную помощь, а иногда и материальную поддержку.29

Общение с европейскими учеными, большой опыт, приобретенный в путешествиях прошлых лет, служебные и личные связи, способствовавшие широкому знакомству с политическим и экономическим положением Бразилии, привели Лангсдорфа к мысли об организации русской научной экспедиции для всестороннего исследования природы, населения и хозяйства этой страны. Об этом, однако, нужно было хлопотать в Петербурге.

В Европу Лангсдорфа звали и другие не менее смелые и большие планы. Его ходатайство об освобождении будущих колонистов Мандиоки от различных повинностей было удовлетворено,30 и ученый намеревался, найдя в германских государствах желающих отправиться с ним за океан, основать на своей земле европейское поселение и тем способствовать распространению в Бразилии мануфактурного производства, ремесел и более совершенных методов земледелия. То, что в свое время Лангсдорф предлагал осуществить на Камчатке, то, о чем он писал из Иркутска Румянцеву, рассказывал в Тобольске Пестелю, в Москве — Разумовскому, в Петербурге — Горнеру, теперь предполагалось в какой-то мере реализовать

на бразильской почве. К тому времени у Лангсдорфа появился и капитал, необходимый для такого предприятия: во Франкфурте-на-Майне умер, оставив ученому большое наследство, его дядя — доктор медицины Кох.31

Из Рио-де-Жанейро Лангсдорф готовился отправиться с семьей. В первые годы, проведенные в Бразилии, он был, видимо, вполне счастлив в семейной жизни. В 1815 г. у него появилась дочь Вильгельмина. «Во время моего пребывания в Петербурге в прошлом месяце, — писал Крузенштерн Лангсдорфу 31 мая 1817 г., — я узнал оп брата Вашей жены (генерала Ф. Ф. Шуберта, — Б. К.), что Вы со своей дорогой супругой живете хорошо и Вам там нравится...».32 Однако затем в семье начался разлад. Сгладить его не смогло и рождение в 1819 г. второй дочери Елизаветы. Вскоре Фридерика Федоровна уехала с детьми в Петербург к отцу

с тем, чтобы больше в Бразилию не возвращаться.

К осени 1820 г. Лангсдорф приехал в Париж. Здесь он совместно с П. Латрейлем занялся обработкой своих коллекций и публикацией брошюры, адресованной желающим переселиться в Бразилию.33 На ее страницах ученый рассказал о природных условиях окрестностей Рио-де- Жанейро, мерах португальского правительства, регламентировавших права колонистов, о хозяйствах наиболее удачливых переселенцев. В 1821 г. эта брошюра в расширенном виде вышла в Гейдельберге, а в 1822 г. — в бразильской столице в переводе на португальский язык, сделанном писателем А. М. де Сам Пайо.34

В октябре 1820 г. Лангсдорф писал академику К. А. Триниусу, что приедет в Петербург, побывав предварительно на юге Германии и в Австрии.35 В баденском городе Мангейм жил в то время вышедший в отставку Готлиб Лангсдорф.

Мы не знаем, посетил ли Лангсдорф в ту пору Блу- менбаха, но если их встреча и состоялась, то она вряд ли смогла побудить путешественника к новым странствиям. В те годы Блуменбах уже мало интересовался открытиями за морями, а занимался в основном анатомией и зоологией. Перелом во взглядах геттингенского профессора был связан с глубокими потрясениями, которые он переживал, узнавая о гибели в Африке своих учеников. Эти горестные для него сообщения выстроились в зловещую цепь. В феврале 1801 г. в Западной Африке заболел

и умер Фридрих Хорнеманн, в 1811 г. во время путешествия по Аравии умер (по слухам — даже был отравлен) Ульрих Зетцен, в том же году по пути из Могадора в Тимбукту был убит и ограблен своими спутниками Генрих Рентген, а в 1817 г. Иоганн Людвиг Буркхардт умер от дизентерии в Каире.

Ранней весной 1821 г. Лангсдорф приехал в Петербург. Вскоре он передал Академии наук собранные естественнонаучные коллекции и представил отчет о своих исследованиях за время пребывания в Бразилии.36 Деятельность ученого получила одобрение русского правительства. Он был награжден орденом св. Владимира третьей степени и произведен в статские советники.

13 июня 1821 г. Г. И. Лангсдорф обратился к К. В. Нессельроде с прошением, в котором излагал проект путешествия в Бразилию и просил представить его на рассмотрение императора. В этом прошении он сообщал об исследованиях Бразилии — как своих собственных, так и многочисленных европейских ученых, а также подчеркивал важность того, «чтобы Россия не отставала от других держав». На нужды задуманной им

теперь экспедиции Лангсдорф испрашивал 40 тыс. рублей ассигнациями единовременно и по 10 тыс. рублей ежегодно. Целью путешествия, как писал он, должны были стать «ученые открытия, географические, статистические и другие исследования, изучение неизвестных доселе в торговле продуктов, коллекции предметов из всех царств природы».37

21 июня Александр I подписал рескрипт на имя министра финансов Д. А. Гурьева о выдаче Лангсдорфу просимых им сумм из государственного казначейства. Через два дня после этого Нессельроде обратился к Гурьеву с письмом о субсидировании экспедиции, средства на которую были отнесены к бюджету ведомства иностранных дел, а 1 июля сообщил Лангсдорфу: «Его величество соизволил одобрить намерение Ваше, которого исполнение может принести важные пользы как вообще наукам, так и в особенности российским учебным заведениям.. ,».38 Одновременно, еще пе зная об отбытии Тейля-фан-Се- роскеркепа в Лиссабон в связи с возвращением туда португальского двора, Нессельроде писал ему в Рио-де- Жанейро о необходимости «оказать г. Лангсдорфу в случае нужды... пособия в его предприятии».39 Было ре-

шено, что часть снаряжения экспедиции будет доставлена в Бразилию на военном шлюпе «Аполлон», отправлявшемся во владения Российско-американской компании.

В конце июня Г. И. Лангсдорфа принял-Александр I, а 3 июля ученый оставил Россию. Осень застает его в Майнце, а затем он побывал во Фридберге, где в конце октября 1821 г. к нему присоединился один из участников будущей экспедиции — Э. П. Менетрие.

Жан-Морис-Эдуард (в русской службе Эдуард Петрович) Менетрие, впоследствии видный естествоиспытатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук, родился во Франции в 1802 г. В октябре 1820 г. в Париже восемнадцатилетний Менетрие, служивший тогда в Королевском саду, составлявшем часть Музея естественной истории, заключил с Лангсдорфом договор об участии в качестве натуралиста в предполагаемом путешествии по Бразилии. Менетрие был учеником выдающихся профессоров парижского Музея, в том числе Ж. Кювье и П. Латрейля. Непосредственным его руководителем, по-видимому, являлся Латрейль, очевидно, рекомендовавший Лангсдорфу своего молодого сотрудника. Примеры А. Гумбольдта, с которым юноше довелось познакомиться, О. Сент-Илера, уже несколько лет

странствовавшего по Бразилии, и других путешественников вызывали восхищение Менетрие, так что предложение русского академика пришлось для него весьма кстати.40

Встретившись во Фридберге, Лангсдорф и Менетрие продолжали путь вместе. Через Марбург они приехали в Кассель, где сели на корабль и по реке Везер прибыли в Бремен. Здесь их уже ждал художник Иоганн Мориц Ругендас, соглашение с которым об участии в путешествии было подписано Лангсдорфом еще в сентябре 1821 г. Ругендас был одних лет с Менетрие. Он родился в Аугсбурге (Бавария) в семье потомственных художников, известной уже в конце 'XVII века благодаря батальному живописцу и граверу Георгу Филиппу Рутен- дасу. Сначала Ругендас учился в школе изящных искусств, руководимой его отцом, затем в студии художника Альбрехта Адама, а с 1817 г. — в Мюнхенской академии у Лоренцо Куальо. Не закончив образования, он решил отправиться в составе русской экспедиции в Но¬

вый Свет. Немалое влияние на это решение оказал отъезд И. Шпикса и К. Мартиуса в Бразилию, вызвавший в Баварии большой интерес.41

В ноябре путешественники прибыли в Браке (близ устья Везера), где уже стоял корабль «Дорис», зафрахтованный Лангсдорфом для плавания в Бразилию. Из разных германских государств в Браке прибыли также около трех десятков семей, решивших отправиться вместе с русским академиком за океан. Это были кузнецы, плотники, столяры, угольщики, каменотесы, пекари, земледельцы, мыловары, портные и люди других профессий. Будущая немецкая колония имела своего управляющего, хирурга, священника, счетовода. Всего на корабле собралось 85 колонистов. Из них 65 человек субсидировал для путешествия в Рио-де-Жанейро сам Лангсдорф.42 С ученым отплывали в Бразилию его внебрачный сын — одиннадцатилетний Карл Георг и вторая жена Вильгельмина. На борту «Дорис» был и представитель двора великого герцога Баденского барон Дрейз.43

На корабль погрузили всевозможные сельскохозяйственные и ремесленные орудия, различные инструменты, снаряжение будущей экспедиции, множество научных приборов, сотни книг, бумагу, медикаменты и многое другое.44

24 декабря 1821 г. (5 января 1822 г.) «Дорис» вышла в море.

Путь корабля пролегал вдоль берегов Голландии, по Ла-Маншу, мимо о-вов Мадейра и Тенерифе, вдоль побережья Сенегала. В конце января судно попало в полосу штиля и в

течение последующих недель медленно продвигалось к берегам Южной Америки.45 21 февраля (5 марта) 1822 г. «Дорис» бросила якорь в гавани Рио-де- Жанейро.

Ко времени возвращения Лан1гсдорфа в Бразилию там уже находилось трое других участников будущей экспедиции — Л. Ридель, Н. Г. Рубцов и Г. В. Фрейрейс.

Людвиг Ридель родился в марте 1791 г. Свою трудовую жизнь он начал садовником в Лионе, затем преподавал в Берлине французский язык, а с 1816 г. служил в ботаническом саду в Дерпте.46 В июле 1820 г. Ридель побывал в Петербурге, а в январе 1821 г. он прибыл в Сан-Сальвадор (Байя). Молодой ботаник путешествовал по северо-востоку Бразилии до ноября 1822 г., а затем,

получив финансовую поддержку русского консульства, приехал в Рио-де-Жанейро.47

Нестор Гаврилович Рубцов родился в октябре 1799 г. в Петербурге в семье шкипера. В мае 1818 г. Рубцов окончил штурманское училище Балтийского флота и получил звание штурманского помощника унтер-офицерского чина. Незаурядные способности Рубцова в области точных наук и глубокие познания в астрономии заметили Г. А. Сарычев и В. М. Головнин. Это обстоятельство в значительной мере и определило дальнейшую судьбу штурмана. Когда Лангсдорф, по совету Ф. И. Шуберта, решил включить в состав бразильской экспедиции астронома, Головнин рекомендовал ему Рубцова.48 Рубцов прибыл в Рио-де-Жанейро в феврале 1821 г. на военном шлюпе «Аполлон», доставившем часть снаряжения экспедиции.49

Охотник и чучельник Георг Вильгельм Фрейрейс родился в 1789 г. Он был связан с Лангсдорфом уже много лет. В 1809 г., возвращаясь из Франкфурта-на-Майне в Россию, ученый взял .с собой Фрейрейса в качестве слуги. Вместе с Лангсдорфом он приехал и в Бразилию. В последующие годы Фрейрейс много путешествовал по этой стране. В 1815—1817 гг. он был спутником немецких исследователей В. Эшвеге, Ф. Селова и Максимилиана цу Вид-Нейвид.

Русская экспедиция привлекла к себе значительный интерес. Сообщения о ее отправлении появились в европейской прессе.50 Видный немецкий натуралист В.-Ф. Карвинский обращался к правительству России с просьбой включить его в состав экспедиции.51 Это было не случайным. По широте поставленных задач, числу участников, оснащенности различным оборудованием научное предприятие Лангсдорфа являлось в то время одним из наиболее значительных.

С возвращением в Бразилию начался новый, главный период в деятельности ученого.

БРАЗИЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Почти неделю после прибытия в Рио-де-Жанейро Лангсдорф жил на «Дорис», наблюдая за разгрузкой, составляя и подписывая множество бумаг, связанных с пор¬

товыми формальностями, обращаясь с письмами к бразильским властям.

За время отсутствия Лангсдорфа в Бразилии многое изменилось. Борьба за независимость страны вступала в решающую фазу. В конце апреля 1821 г. Жуан VI ввиду развития революционного движения в метрополии, а также благодаря нажиму со стороны Англии, рассчитывавшей с его отъездом получить еще большую свободу рук в Бразилии, отправился в Лиссабон. Регентом стал его сын принц Педру. В декабре из метрополии последовали декреты, целью которых было вернуть Бразилию к худшим временам колониальной ' эпохи. Это вызвало бурные протесты в столице и провинциях. В начале января 1822 г. население Рио-де-Жанейро выступило против португальских войск, пытавшихся силой навязать ему решения Лиссабона. Напуганный волнениями, Педру пошел на уступки. Он сформировал новое правительство, главой которого впервые стал уроженец страны Жозе Бонифасиу де Андрада-и-Силва. Жозе Бонифасиу стремился добиться независимости, избежав, по возможности, полного разрыва с Португалией, и сохранить монархию. Однако приход его к власти в тех условиях являлся немалой победой бразильцев. Человек сильной воли, большой патриот своей страны, известный ученый- естествоиспытатель, Жозе Бонифасиу был на голову выше португальских чиновников, окружавших принца-ре- гента.

Новый премьер-министр хорошо встретил Лангсдорфа, и, по сообщению ученого в коллегию иностранных дел, обещал ему помощь в организации экспедиции.1 Однако весной и летом 1822 г. Лангсдорф не предпринял значительных поездок по стране. Это было связано с рядом обстоятельств. Много сил и времени отняло у Лангсдорфа широко задуманное и впервые осуществляемое в Бразилии частным лицом колонизационное предприятие. О нем знали и за ним следили в разных германских государствах. В 1824 г. в Висбадене была даже издана отдельной брошюрой речь Лангсдорфа, произнесенная перед колонистами на борту «Дорис» при подходе к Рио-де-Жанейро.2 Между тем осуществление намеченных ученым планов сразу же натолкнулось на серьезные трудности.

Перевоз и устройство колонистов стоили Лангсдорфу

71

около 6 млн рейсов (примерно 6 тыс. руб.), но некоторые из переселенцев решили покинуть Мандиоку, не выплатив долга, другие повздорили между собой и даже устроили в фазенде драку, третьи хотели расторгнуть контракт и уйти от Лангсдорфа к другим нанимателям.3 Одно время ученый оказался в тяжелом финансовом положении. Оно осложнялось и тем, что за время отсутствия Лангсдорфа хозяйство Мандиоки пришло в упадок. Кофейная плантация перестала приносить доход. Управляющий фазендой неудачно распорядился произвести на ней новые посадки, заглушившие рост плодоносящих деревьев.4

Лангсдорф был вынужден обратиться за помощью к бразильскому правительству. Испрашивая необходимые суммы, он писал 5 (17) марта Жозе Бонифасиу: «Я создам на моей земле отрасли производства совершенно здесь неизвестные и представляющие большой интерес для этой страны: начну постройку домов, изготовление дощатых крыш, устрою мыловаренную фабрику и т. д.».5

К маю-июню положение в Мандиоке улучшилось. Часть колонистов ушла, но на их место пришли другие. Лангсдорф стал получать от государства денежную компенсацию, составившую в целом почти 4 млн рейсов.6 Позднее ученый не без гордости сообщал в письме к академику К. А. Триниусу, что он является «единственным основателем ныне существующей и многообещающей европейской колонии».7

Сразу начать большие экспедиционные исследования помешали Лангсдорфу и его консульские обязанности. В марте в Рио-де-Жанейро пришли военные шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», а в июне — корабль «Кутузов». Наконец, причиной задержки отправления в путешествие была и напряженная обстановка в Бразилии. «Важные политические события в этой стране, — писал тогда Лангсдорф Конференции Академии наук, — в некоторой степени помешали моим научным исследованиям».8

Ученый жил то в своем поместье, то в Рио-де-Жанейро. Участники же экспедиции, поселившись в Мандиоке, совершали небольшие поездки по ее окрестностям, главным образом в северном направлении, в сторону провинции9 Минас-Жераис. В это время Лангсдорф значительно расширил свои деловые связи. В мае он принимал в Мандиоке принца-регента, для которого там были

72

построены специальные помещения, а в июле — губернатора

провинции Минас-Жераис.

8 (20) июля 1822 г. Лангсдорф обратился к Жозе Бо- нифасиу с письмом, в котором просил его ходатайствовать перед регентом о разрешении начать путешествие.10 Целью участников экспедиции было посещение городка Нова-Фрибургу, основанного в 1819 г. швейцарскими колонистами и расположенного в северо-восточной части провинции Рио-де-Жанейро. Стремление побывать в Нова-Фрибургу, очевидно, определялось интересом Лангс- дорфа к проблеме европейской иммиграции в Бразилию.

В начале сентября Дангсдорф, Рубцов, Рутендас и Менетрие отправились в путь. С дороги они' несколько раз возвращались в Мандиоку и Рио-де Жанейро то из-за плохой погоды, то по другим причинам. Так, 30 сентября (12 октября) путешественники присутствовали на празднествах в честь провозглашения принца-регента Педру императором независимой Бразилии. В первых числах ноября участники экспедиции прибыли в Нова- Фрибургу, а 28 ноября (10 декабря) Лангсдорф был уже в своей фазенде и писал Жозе Бонифасиу о благополучном возвращении.11 Позднее ученый описал это путешествие в донесении от 25 марта (6 апреля) 1823 г. К. В. Нессельроде.12

В сентябре—ноябре 1822 г. русская экспедиция обследовала большой район провинции Рио-де-Жанейро. В целом ее маршрут был оригинален и лишь изредка пересекал территории, описанные в трудах европейских исследователей начала XIX в., например англичанина Д. Мейва.13

В 1823 г. путешественники, к которым в ноябре 1822 г. присоединился Ридель, коллекционировали в окрестностях Мандиоки, бывали на реках Инвумерин, Параиба, в селениях Сумидоуру, Самамбайа, Барра, Виуд и других. В 1823—1824 гг. в Россию были отправлены результаты естественнонаучных сборов, а с ними и рукописи участников экспедиции. Так, 25 августа 1824 г. Конференция Академии наук в числе других рукописных материалов получила труд «Зоологические наблюдения, сделанные в провинции Рио-де-Жанейро в 1822—1823 гг. Г. де Лангс- дорфом и Э. Менетрие» 14 и работу Лангсдорфа «Описание мыши с белым животом».15 Присланные тогда же рукопись Лангсдорфа о путешествии в Нова-Фрибургу и

выполненное нм совместно с Риделем описание ряда растений провинции Рио-де-Жанейро до сих пор не обнаружены.16

В первые месяцы 1824 г. началась подготовка к новому путешествию. В феврале Лангсдорф писал мини- стру-секретарю по иностранным делам Л. Ж. де Кар- валью-и-Меллу и просил

разрешения отправиться в провинции Минас-Жераис, Сан-Паулу, Гояс, Мату-Гросу и другие.17 Ответ был положительным. Был опубликован специальный указ об оказании содействия Лангсдорфу. «В паспорте, выданном императором, оговорено, что я имею право всюду проходить свободно, мне ничего не надо платить», — писал ученый, имея в виду таможни на границах провинций, переправы через реки и т. п.18 Бразильское правительство имело свои виды на русскую экспедицию. В одной из рукописей Лангсдорф упоминал, что по возвращении должен сообщить Педру I свои замечания о различных хозяйственных преобразованиях в стране.19

Лангсдорф был хорошо осведомлен о результатах исследования Бразилии к концу первой четверти XIX в. Он читал описание путешествий Д. Мейва 1809— 1810 гг.,20 был, как уже упоминалось, лично знаком с В. Эшвеге, предпринявшим экспедицию в 1811—1814 гг., в одном из писем академической Конференции анализировал маршрут Максимилиана цу Вид-Нейвид в 1815— 1817 гг.21 Вскоре после своего прибытия в Бразилию в Мандиоке побывали И. Шпике, К. Мартиус, И. Поль и другие участники австро-баварской экспедиции 1817— 1821 гг. Лангсдорф познакомился с первым томом обширного описания путешествия Шпикса и Мартиуса.22 В 1822 г. ученый встречался с Сент-Илером, вскоре затем уехавшим в Европу.23 В 1823 г. этот французский путешественник опубликовал первую книгу о своих бразильских наблюдениях, которая была известна Лангсдорфу.24 Разрабатывая планы будущей экспедиции в глубинные районы страны, Лангсдорф старался не повторять маршруты своих предшественников.

26 апреля (8 мая) 1824 г. путешественники выступили из Мандиоки и направились на север, в Минас-Же- раис. В составе отряда, кроме Лангсдорфа, были Ридель, Ругендас, Менетрие и Рубцов. Г. Фрейрейс уже не участвовал в экспедиции. Он поселился в Леопольдине — коло¬

нии европейских иммигрантов на юге провинции Байя — и там в 1825 г. умер.

С первого дня путешествия Лангсдорф начал вести подробный дневник. Он делал это со свойственной ему тщательностью, тем более что брал из дневника материалы для донесений Нессельроде, а в дальнейшем намеревался написать книгу об экспедиции в Бразилию. Ученый считал, что «в стране, настолько удаленной от нашей, все достопримечательно»,25 и внимательно изучал окружающую действительность. Записывая свои впечатления о виденном, он нередко прямо обращался «к

тем, кто будет читать ежедневно и быстро писавшийся журнал».26 «Я твердо решил не ложиться спать, не отметив самое замечательное из событий дня», — писал Лангсдорф.27 Впрочем, каждый участник экспедиции был занят своим делом: составлялись карты пройденного пути, делались зарисовки местности, бытовых сцен, построек, собирались естественнонаучные коллекции, материалы этнографического и статистического характера, производились различные физико-географические наблюдения и т. д.

Спустя восемь дней Лангсдорф и его спутники прибыли в г. Барбасена. Отсюда решено было совершить поездку на запад, к городам Сан-Жуан-дел-Рей и Сан- Жозе и обследовать окружающие их территории. Эта экскурсия заняла около двух недель. 6 (18) июня путешественники снова были в Барбасене. В этот же день Лангсдорф писал Нессельроде: «Мы все здоровы и полны мужества. С каждым днем иптерес к нашему путешествию растет... Географические, статистические и физические наблюдения, интересные коллекции альпийских растений, пернатых —вот результат нашей поездки».28 Далее он сообщал, что намеревается обследовать берега Риу-дас-Помбас, Риу-Доси и других рек, по которым расселялись индейские племена коропо, короадо, пури и ботокудов, посетить главные города провинции и отправиться затем в Гояс, в г. Вилла-Боа, отстоящий от столицы на 200 легуа, то есть примерно на 1000 км. Вместе с тем ученый просил увеличить ассигнования на путешествие на 4 тыс. рублей в год, сообщая, что он вынужден тратить на экспедицию все свое консульское жалование.

«После того как мы уехали из Барбасены, — писал Лангсдорф Нессельроде в следующем донесении, — мы посетили прежде всего почти неизвестные и географиче¬

ски неопределенные места, значительные реки Риу-дас-Мортес и Риу-дас-Помбас. Первая из них впадает в Риу- Сан-Франсиску, а вторая — в Параибу. Шесть дней мы следовали на восток по Риу-да-Помба, которая вьется через высокую горную цепь и по долинам, покрытым девственным лесом, и посетили вновь открытые неизмеримо богатые золотые прииски Дескоберта^-Нова».29 В этом новом, не исследованном другими европейскими экспедициями районе Минас-Жераиса путешественники побывали в конце июня—начале июля, затем 6 (18) июля они прибыли в местечко Президиу, а 18 (30)-го — в г. Мариапца. От Марианны было уже совсем близко до Оуру-Прету, и 20 июля (1 августа) Лангсдорф и его спутники достигли этого города, где были гостеприимно встречены президентом Минас-

Жерайса. «Президент Жозе Тейшейра да Фонсека-и-Вашконселуш, — писал Лангбдорф в своем дневнике, — встретил меня с любезной приветливостью и настоятельно предложил жить у себя во дворце, где я имел случай получить интересные сведения о прошлом и настоящем положении государства».30 В донесении Нессельроде из Оуру-Прету от 20 августа (1 сентября) Лангсдорф, рассказывая о посещенных местах, с удовлетворением отмечал, что экспедиции удалось побывать в селениях индейцев короадо, коропо и пури и собрать об их жителях различные материалы.31

Из столицы провинции, как позднее писал в Петербург Лангсдорф, экспедиция отправилась «по малопосе- щаемым и совсем неизвестным дорогам в район алмазов».32 Пройдя селения и города Гонгу-Соку, Каэте, Са- бара, Санта-Лузия, путешественники к началу ноября прибыли в местечко Барра де Жекитиба. Очередной отчет Нессельроде был отправлен Лангсдорфом из г. Сабара 19 сентября (1 октября). В нем, в частности, говорилось о посылке собранных материалов в Рио-де-Жанейро П. П. Кильхену для отправки их через Лондон в Петербург с помощью русского посла в Англии Х. А. Ливена.33

В Барра-де-Жекитибе произошел разрыв между Лангсдорфом и Ругендасом. Их характеры оказались несовместимыми, и художник покинул экспедицию. Он, однако, не выполнил условий заключенного соглашения и увез с собой большую часть законченных рисунков. Лангсдорф с возмущением сообщил об этом событии Кильхену и неоднократно упоминал о нем в донесениях Нессель¬

роде.34 Отношения Лангсдорфа с оставшймйсй сотрудниками были неодинаковыми. Наиболее близким к нему человеком был всегда подтянутый и дисциплинированный Рубцов, с большим уважением относился ученый и к Риделю, с Менетрие же его мало что связывало.

«Из Барра-де-Жекитибы, — писал Лангсдорф Нессельроде, — мы направились в малонаселенную, пустынную местность и внимательно осмотрели неизвестную бразильскому правительству и не исследованную в научном отношении часть Серра-да-Лаппа, где вынуждены были, несмотря на недостаток продовольствия, задержаться на 14 дней из-за наступивших дождей. 4 декабря, когда погода прояснилась, мы со всеми своими коллекциями двинулись в путь из этой очень интересной горной страны, возвышающейся на 500 футов над уровнем моря, и 11-го достигли главного города Алмазного округа — Тежуку, где интендант Мануэл Каэтану де Алмейда-и- Албукерки принял нас очень радушно».35 Вскоре Лангсдорф познакомился также с

бразильским ученым и путешественником Ж. Виейрой Коуту, побывал у него в доме, осмотрел «богатую минералогическую коллекцию и отборную библиотеку, особенно по химии, минералогии и горному делу».36

Из Тежуку ЛангсДорф предполагал отправиться в район Минас-Новас, граничивший с провинцией Гояс, но средств, которыми располагал ученый, явно не хватало. 17 (29) декабря экспедиция выступила в обратный путь. Приблизительно до селений Санта-Лузия и Гонгу-Соку она двигалась по другим дорогам, посещая новые местности и останавливаясь в незнакомых ранее фазендах. Этот путь занял около месяца, а затем путешественники, пройдя по уже известным им местам, в феврале 1825 г. возвратились в Мандиоку. За 10 месяцев участники экспедиции прошли более 1000 км.

О прибытии в Рио-де-Жанейро Лангсдорф сообщил Нессельроде в донесении от 4 (16) марта 1825 г. «Чем больше я знакомлюсь с этой страной, — писал ученый почти в тех же выражениях, как в свое время с о. Санта- Катарина, — тем больше возрастает интерес к непосещен- ным и совершенно неизвестным местностям. Бразилия — это действительно новый ;мир».37 Однако, пока не были получены известия об отпуске дополнительных средств, продолжать экспедицию было невозможно, и Лангсдорф

77

совершал экскурсии вблизи Рио-де-Жанейро, приводил в порядок путевые дневники и другие материалы, привезенные из Минас-Жераиса.

Дневники Лангсдорфа уже тогда составили 17 тетрадей.30 Он вел их на немецком языке, делая также вставки на португальском, латинском, французском и английском языках. В записках ученого находили отражение сведения, почерпнутые им у самых различных лиц, начиная от президента провинции, влиятельных священников, богатейших помещиков и удачливых золотопромышленников до мелких чиновников и содержателей постоялых дворов.

Рассказывая об услышанном, Лангсдорф непременно приводил более или менее подробные данные о своих собеседниках. Если путешественник сомневался в правдоподобности их сообщений, то указывал на это. Иногда Лангсдорф дословно записывал услышанные им самим или пересказанные ему кем-нибудь диалоги, иногда точно воспроизводил свою беседу с кем-либо, взволновавший его рассказ собеседника или запомнившееся происшествие. Эти страницы дневников воспроизводили живые сцены тогдашней

бразильской действительности и носили подчас полубеллетризованный характер. В своих путевых записках ученый нередко ссылался на опубликованные труды различных авторов, периодические издания, проводил сведения из статистических таблиц и других документов, просмотренных им в архивах страны или предоставленных ему местной администрацией.

По-видимому, в это время Лангсдорф написал небольшую, но очень интересную и, как теперь очевидно, пророческую, статью о государственной важности и экономической целесообразности перенесения столицы из Рио-де- Жанейро в центральную часть страны.39 Новую столицу, по мнению ученого, следовало бы основать в провинции Минас-Жераис. Лангсдорф писал, что это усилит «стремление всех национальностей к центру», «окажет благотворное влияние на торговлю, промышленность, ремесла, население, цивилизацию и земледелие».40 Он дал также ряд практических советов в связи с выбором места для строительства.

Одновременно Лангсдорф закончил работу о развитии свиноводства и методах выращивания крупного рогатого скота в провинции Минас-Жераис.41 «За вчерашний й

позавчерашний день, — отмечал ученый в своем дневнике еще 24 сентября (6 октября) 1824 г., — я написал маленькую статью по поводу университета, который хотят основать в Рио-де-Жанейро. Я считаю, что его нужно перенести в провинцию Минае».42 Рукопись этой работы, однако, не обнаружена.

В Минас-Жераисе Лангсдорф начал собирать коллекцию документов но истории и этнографии Бразилии. Он с удовлетворением писал Нессельроде, что получил «хранившиеся до сих пор в тайниках архивов статистические и физическо-географические* заметки, а также карты».43 Спустя полтора месяца, в конце апреля 1825 г. путешественник сообщал Конференции Академии наук, что особую ценность он придает «статистическим, политическим, физическим и минералогическим наблюдениям, сделанным в Алмазном округе».44 В Рио-де-Жанейро Лангсдорф привез конспект неопубликованной статьи Ж. Виейры Коуту об экономическом положении Минас-Жераиса в конце XVIII—начале XIX в., обширные статистические таблицы, касающиеся населения и торговли этой провинции, добычи в ней алмазов и т. д.45 В бразильской столице коллекция продолжала пополняться. Ученый, в частности, включил в нее несколько документов, рассказывающих о проекте основания в 1825 г. английской компании по добыче алмазов и строительству железоделательных

мануфактур в провинциях Минас-Жераис, Гояс, Мату-Гросу и развернувшейся в связи с этим полемике.46 Из путешествия 1824—1825 гг. Лангсдорф привез и небольшие словари индейских языков коропо, короадо, пури, машакали.47

В то время кругозор Лангсдорфа как исследователя Бразилии был уже весьма широк. Судя по его рукописям, ученый знал труды монаха-иезуита XVI в. Ж. Аншиеты, историю провинции Сан-Паулу и испанского господства в Бразилии в 1580—1640 гг., походов паулистов и путешествий Франешпку Леме в середине XVIII в., реформ португальского министра Помбала и событий освободительного движения в Минас-Жераисе в 1789 г. Он изучал сочинения А. Гумбольдта, нередко обращался к картам видного английского картографа А. Эрроусмита, внимательно следил за работами по демаркации границ между провинциями страны и шагами, предпринимавшимися для освоения ее новых территорий.

79

Ученый превосходно ориентировался в португало-брЯ-зильской исторической, этнографической, лингвистической литературе.48 Он пользовался капитальным трудом по истории Бразилии Ж. де Соузы Азеведу Пизарро-и- Араужу, сочинениями Ж. Толеду Ренду об индейских поселениях в провинции Сан-Паулу, книгой Н. Перейры де Кампуша Вергуейру о возникновении и развитии мануфактуры в г. Ипанема, работой Л. Алмейды, посвященной системе сбора налогов с добытых алмазов. Лангсдорф был знаком также с книгой «Грамматика бразильского языка», написанной иезуитом Л. Фигейрой и опубликованной в Лиссабоне в 1687 г., с работами видного знатока индейской культуры и языков Г. Марлиера, главного интенданта Алмазного округа М. Албукерки, известного статистика и одного из основателей бразильской промышленности Д. П. Мюллера и многими другими.

По возвращении в Рио-де-Жанейро Лангсдорф, однако, не смог заниматься только своими научными изысканиями. Вскоре после его приезда Л. Ж. де Карвалью-и-Меллу обратился к генеральному консулу с просьбой дать рекомендательное письмо командору Л. де Соузе Диашу, назначенному в Россию поверенным в делах Бразилии. Лангсдорф оказался в сложном положении, так как петербургский двор, упорствуя в своем легитимизме, не шел на установление дипломатических отношений с Бразилией после ее разрыва с Португалией. Отказать бразильскому министру, прямо ссылаясь на политику своего правительства, ученый справедливо считал неудобным. Выход был найден, когда Лангсдорф навел справки о Соузе

Диаше, оказавшемся замешанным в некогда нашумевшей финансовой афере. В донесении Нессельроде от 3 (15) марта 1825 г. ученый сообщил, что «дал этому человеку нечто вроде рекомендации», но устно заявил Кар- валью-и-Меллу о ее бесполезности ввиду неблаговидного прошлого Соузы Диаша.49 В ответной депеше от 7 ноября 1825 г. Нессельроде резко писал Лангсдорфу, что его «демарши не соответствуют линии поведения, которой русский кабинет следовал до этого времени в отношении разногласий между Бразилией и,Португалией».50 Однако уже в марте 1826 г., после смерти Жуана VI, петербургский двор стал склоняться к установлению контактов с Бразилией, и в 1828 г. дипломатические отношения между двумя странами стали реальностью. Нельзя не согла¬

ситься с американским историком Р. Бартли, который пишет, что «Лангсдорф сыграл решающую роль в поддержании русско-бразильских связей после провозглашения независимости Бразилии» и «оказал огромную услугу русской дипломатии».51

Еще до того, как Рио-де-Жанейро достигла неприятная для Лангсдорфа ноябрьская депеша Нессельроде, он получил от него другую, датированную 10 января 1825 г. и сообщавшую о новых ассигнованиях на путешествие.52 Донесения ученого, видимо, произвели благоприятное впечатление в Петербурге. Ему были возмещены его собственные издержки на экспедицию в Минас-Жераис и, согласно указам Александра I от 13 августа 1824 и 3 января 1825 г., в три раза увеличена ежегодная субсидия на исследования в Бразилии. Она достигла теперь 30 тыс. рублей в год.

Новости из Петербурга открывали перед Лангсдорфом большие возможности. Прежде всего он намеревался теперь отправиться в провинцию Сан-Паулу. «Хотя Сент- Илер и Наттерер ... посетили эту провинцию, — писал ученый, набрасывая для себя план нового путешествия, — но их заметки еще не опубликованы.53 Шпике и Мар- тиус — единственные, сообщившие нам о маленькой ее части».54 Далее он предполагал отправиться в Гояс и Мату-Гросу, спуститься по рекам Мадейра или Токантинс до Пара, а затем возвратиться в Рио-де-Жанейро через провинции Мараньян, Пиауи, Пернамбуку, Байя и малоизвестные районы Минас-Жераис, в частности, Минас-Новас. «Плап такого путешествия созрел давно, — признавался Лангсдорф, — и я теперь не имею права сомневаться в возможности его осуществления, так как это научное предприятие зависит только от меня. Я не ограничен временем и какими-либо инструкциями».55

Сообщения о подготовке Лангсдорфа к новому путешествию появились в русской прессе. «Северный архив» поместил выдержки из письма ученого к отцу, в котором он писал, что надеется «произвести что-нибудь великое, отличное, дабы исполнить справедливое ожидание не только России, но и всей Европы», и отмечал, что вернется в Рио-де-Жанейро не ранее чем через два года.56 Заметки об экспедиции были напечатаны также в «Московском телеграфе» и немецком журнале «Hertha».57

Немало трудностей возникло у Лангсдорфа в связи с обновлением состава экспедиции. Необходимо было найти художника, который мог бы заменить Ругендаса, и нового зоолога, так как в июне 1825 г. по истечении срока, обусловленного договором, Менетрие отправился в Россию с рекомендательным письмом Лангсдорфа к академику К. А. Триниусу.

В конце концов Лангсдорфу удалось привлечь к работе в экспедиции двух французских художников. Первым был Амадей Адриан Тонэй. Он родился во Франции в 1802 или 1803 г. и был сыном художника, члена Французского Института Николаса Антуана Тонэя, переселившегося в 1816 г. со всей своей большой семьей в Рио-де- Жанейро. Несмотря на свою молодость, Адриан ко времени вступления на русскую службу приобрел немалую практику как рисовальщик. В 1818—1820 гг. он в качестве художника принял участие в экспедиции Луи де Фрей- сине на корвете «Урания». На должность второго художника был принят Эркюль Флоранс, родившийся в феврале 1804 г. в Ницце. Он был профессиональным живописцем и прибыл в Бразилию в 1824 г. О русской экспедиции Флоранс узнал из объявления и при встрече произвел весьма благоприятное впечатление на Лангсдорфа, тем более что, помимо способностей к рисованию, обнаружил свое знакомство с картографией.58 На место Менетрие был принят молодой немецкий врач и патуралист Христиан Гассе.

К концу лета 1825 г. подготовка к путешествию была завершена. В июле и августе Лангсдорф обратился с двумя письмами к Л.-Ж. де Карвалью-и-Меллу. В одном он просил предоставить ему кредит на 1826 и 1827 гг. в сумме 5—6 миллионов рейсов ежегодно, в другом — содействовать отправлению экспедиции морским путем в Сантус.59 Ученый получил ответ, что император Бразилии «согласен предоставить ему возможность посетить все провинции, какие он наметил».60 Несколько позднее, в 1826 г., вновь был издан указ о содействии экспедиции.

22 августа (3 сентября) 1825 г. на борту маленького, в 140 т водоизмещением, торгового парусника · «Аурора» Лангсдорф, Рубцов, Тонэй и Флоранс отплыли в Сантус. Ридель и Гассе отправились в провинцию Сан-Паулу по суше вместе с экспедиционным караваном.

В Сантусе Лангсдорф и его спутники остановились

в доме В. Уайтекера, исполнявшего в этом порту обязанности английского, американского и российского вице- консулов, прожили у него до 7 (19) сентября, а затем отправились в г. Сан-Паулу, куда прибыли через несколько дней.

В Сан-Паулу Лангсдорф работал в местной библиотеке, общался с представителями провинциальной администрации, значительно пополнил свою коллекцию исторических документов. В ней появились конспекты и копии рукописей упоминавшегося выше Д. П. Мюллера, президента «жунты да фазенда» (финансового ведомства) провинции Сан-Паулу Л.-А. Мортейру де Барруша, В. Уайтекера, материалы по статистике населения и т. д.61

Сан-Паулу экспедиция покинула 6 (18) октября. Следующая большая остановка была сделана в г. Жундиаи, расположенном в северо-западном направлении от столицы провинции. Из Жундиаи путешественники выступили 3 (15) ноября в г. Иту и спустя два дня были там.

В Иту Лангсдорф записал в своем дневнике: «Я предполагал. .. как можно скорей прибыть в Гояс и Мату- Гросу, а затем начать научные исследования в Пара. К этому были направлены все мои приготовления. Между тем обстоятельства (главным образом начавшиеся дожди) заставляют меня изменить свой план и в течение следующих шести месяцев посетить комарку62 Куритиба (еще почти не изученную) и вообще остаться в провинции Сан-Паулу... до апреля-мая будущего года. Направиться дальше я решил с наступлением сухого сезона».63

Однако первоначальный план ученого претерпел и другие существенные изменения. Лангсдорф задумался о целесообразности путешествия в Мату-Гросу по суше и стал склоняться к мысли, что сможет сделать более ценные наблюдения во время плавания туда по рекам. Немалую роль в принятии этого решения сыграл немецкий химик, минералог и врач К. Энглер, живший в Иту уже пять лет. Он познакомил ученого с бразильцем Ж. Ж. д'Алмейдой, совершившим плавание из Порту-Фе- лис, расположенного западнее Иту, на р. Тиете, в Куябу — главный город провинции Мату-Гросу. Д'Алмейда помог Лангсдорфу составить план предстоящего путешествия. Энглер же

дал ученому рекомендательное · письмо к одному из влиятельных политических деятелей провинции Сан-Паулу — судье, врачу и крупному землевладельцу

1/2 5 Б. Н. Комиссаров

83

Ф. Алварешу Машаду-и-Васконселуш, жившему в Порту-Фелис. 10 (22) ноября Лангсдорф, Ридель и Гассе отправились туда для встречи с ним.

Алвареш Машаду подтвердил, что территории, по которым проходил речной путь из Порту-Фелис в Куяба, «еще совсем не изучены в научном отношении» и «не определены с географической точки зрения».64 Это окончательно убедило Лангсдорфа в правильности его решения, и он отдал распоряжения о подготовке к речному путешествию. Нужно было достать лодки, а также закупить и перевезти в Порту-Фелис массу разнообразных товаров. Участники экспедиции должны были взять их с собой, так как в глубинных районах Бразилии, куда они собирались отправиться, деньги играли минимальную роль и приобретение всего необходимого совершалось путем прямого товарообмена. Важно было также заготовить различные предметы для подарков индейцам.

Исследование провинции Гояс исключалось теперь из планов экспедиции. Из Порту-Фелис решено было двигаться по рекам Тиете, Парана, Риу-Парду, Камапуан, Кошин, Такуари, Парагвай, Сан-Лоуренсу и Куяба в г. Куяба, а затем, как и намечал ранее Лангсдорф, плыть в Пара (Белен). Обо всем этом ученый сообщил Нессельроде и Конференции Академии наук в донесении и письме, отправленных соответственно из Иту 25 ноября (7 декабря) 1825 г. и Порту-Фелис 21 января (2 февраля) 1826 г.65

Между тем экспедиция продолжала путешествие по провинции Сан-Паулу. 3 (15) декабря 1825 г. она достигла г. Сорокаба, расположенного к юго-западу от Иту, а оттуда направилась в северо-западном направлении в селение Ипанему, где находилась известная в то время железоделательная мануфактура. Лангсдорф заинтересовался этим предприятием и вскоре послал президенту провинции М. Л. де Морейру-и-Барруш мемуар о причинах его упадка.66

В конце января 1826 г. путешественники все еще жили в Ипанеме, совершая оттуда радиальные экскурсии. Ими были собраны разнообразные материалы, и перед отплытием в Куябу их следовало переправить в Рио-де- Жанейро. Однако начавшаяся в декабре 1825 г. война между Бразилией и Объединенными провинциями Ла- Платы сделала морской путь из Сантуса в столицу страны

опасным. «Корсары из Буэнос-Айреса курсируют у бразильского побережья», — писал несколько позднее Лангсдорф Нессельроде.67 И ученый решил отправиться с, ценным экспедиционным багажом по суше.

Перед тем как уехать из Ипанеоды, Лангсдорф оставил участникам экспедиции инструкцию, в которой писал, что назначает своим заместителем Риделя. «Ведите дневник всех происшествий и работ Ваших спутников, — писал он Риделю. Имейте в виду, что это научная экспедиция. Следите за коллекциями... Вы трудитесь не за деньги, а по совести. Вы, г-н Рубцов, — продолжал ученый, — работали до сих пор, как я убедился, с большим усердием и добровольно, обратите внимание на физические и географические особенности страны, а также астрономические наблюдения. Г-н Тонэй пусть с готовностью рисует все необходимое... Рекомендую рисовать деревья и кусты, которые имеют характерный вид и образуют ландшафт... Короче говоря, рисуйте все, что найдете интересного в природе, все, что можно внести в библиотеку императорского Ботанического сада».68 Лангсдорф предполагал прибыть из Рио-де-Жанейро в Порту-Фелис через два месяца и просил к середине апреля 1826 г. всех своих сотрудников быть там. В случае, если с ним произойдет какое-нибудь несчастье и он не вернется, ученый приказывал отплывать в Куябу без него. 24 января (5 февраля) Лангсдорф отправился в путь через Сорокабу, Иту и Сан-Паулу и через семнадцать дней приехал в Мандиоку.

Еще в дороге Лангсдорф начал работать над рукописью, озаглавленной им «Уведомление об открытом в Бразилии и весьма действенном при водянке лекарстве, называемом каинка».69 Целебные свойства корня растения Chiococca racemosa, или каинка, как его называли в Бразилии, были замечены еще Эшвеге, Щпиксом, Мар- тиусом, Марлиером, Энглером и другими исследователями, но Лангсдорф первый решил внедрить это средство в европейскую медицину. Вместе с упомянутой рукописью в Петербургскую Академию наук были посланы ящики с корпем каипки для анализов. 3 (15) марта, находясь в Мапдиоке, ученый написал о каинке в парижский журнал «Annales des Sciences Naturelles», а затем подготовил о ней специальную работу, которая была опубликована в Рио-де-Жанейро в 1827 г.70

В апреле 1826 г. Лангсдорф возвратился в Порту-Фе- лис. С ним приехала и Вильгельмина, которой тоже предстояло

отправиться в Куябу. За время отсутствия ученого экспедиционный отряд обследовал юго-западную часть провинции Сан-Паулу, побывал в городах Итапитининга, Фашина и Кастру.

Приготовления к долгому плаванию задержали путешественников в Порту-Фелис еще почти на два месяца. Наконец, 10 (22) июня на 8 лодках с командой около 30 человек они (исключая Гассе, который выбыл из состава экспедиции) отправились вниз по р. Тиете.

«По реке Тиете плавания еще никто не предпринимал, — отмечал впоследствии Рубцов, — то, хотя будет затруднительнее берегового путешествия и сопряжено с опасностями, но начальник сей экспедиции оный путь предпринял...».71 Действительно, у Лангсдорфа и его спутников, покинувших Порту-Фелис, не было предшественников среди европейских исследователей. В одной из своих рукописей того времени ученый справедливо замечал, что путешествие по рекам в Куябу будет совершенно новым по сравнению с предпринятыми Сент-Илером, Шпиксом, Мартиусом, Наттерером. 17(29) июня из местечка Педернейра Лангсдорф отправил Нессельроде донесение, в котором писал, нто экспедиция покидает «цивилизованную часть провинции Сан-Паулу».72

Пройдя около 600 км по порожистой и извилистой Тиете, экспедиция 30 июля (И августа) достигла места ее впадения в Парану. 1 (13) августа лодки путешественников начали спускаться по Паране и через несколько дней Лангсдорф и его спутники подошли к Риу-Парду.

7 (19) августа они пошли вверх по течению этой реки.

Лангсдорф продолжал вести подробный дневник. В полевых условиях это было связано с большими трудностями, преодоление которых требовало настоящего подвижничества. Во время плаваний по рекам путешественник из-за массы неотложных дел мог уделять работе над дневником не более часа в день, причем, заполняя его, бывал «до черноты покрыт насекомыми». Строгая регулярность записей объяснялась и необходимостью для Лангсдорфа вести зоологические наблюдения. «Я отмечаю в этом моем ежечасном журнале каждую мелочь, и будущий читатель не должен удивляться этому, — писал ученый. — Сведения о ежедневно убиваемых животных

должны дать материал для зоогеографии. До сих пор место обитания многих птиц и рыб определяли общим именем — Бразилия, которое по своему значению так же велико, как и Европа. Точное определение принадлежности того или иного

естественноисторического предмета к какой-нибудь одной провинции, части какой-либо провинции или стране в целом делает, на мой взгляд, необходимым описание всех встречающихся предметов как здесь, так и в естественноисторическом журнале».73 В заметках, сделанных во время движения экспедиции, при несовпадении даты наблюдения и даты записи Лангсдорф указывал обе. Промежутки времени между ними бывали, как правило, незначительны. В периоды же остановок путешественник, случалось, описывал под одной датой впечатления нескольких дней. Стремясь избежать повторений, Лангсдорф часто перечитывал свои дневники. Он хорошо помнил, в каком месте, когда и о чем писал. Сообщая о чем-либо, ученый нередко отсылал будущего читателя к тем частям дневников, где он упоминал об этом впервые или приводил более подробные сведения по указанному вопросу.

27 сентября (9 октября), пройдя от Порту-Фелис около 2000 км и преодолев 32 водопада, экспедиция добралась до фазенды Камапуан, расположенной на тогдашней границе провинций Сан-Паулу и Мату-Гросу, у истоков Риу-Парду, берущей начало на южных склонах горной гряды Камапуан.

В Камапуане путешественники пробыли почти полтора месяца. За время плавания их припасы кончились, и нужно было обменять привезенные товары на провизию с тем расчетом, чтобы ее хватило до прибытия в Куябу. Кроме этого, необходимо было привести в порядок собранные коллекции и другие материалы. Затем предстояло погрузить лодки и большой экспедиционный багаж на телеги и перевезти все это на расстояние 10 км через горную гряду Камапуан к одноименной реке, стекающей с северных ее склонов. Лангсдорф воспользовался длительной остановкой для того, чтобы осмотреть окрестности. В конце октября он и Ридель совершили поездку в гористую местность Селаду, расположенную примерно в 40 км к северу от Камапуана.

10 (22) ноября, после того как лодки экспедиции были без багажа проведены по мелководной реке Камапуан в р. Кошин, путешественники продолжили плавание.

21 ноября (3 декабря) они вошли в р. Такуари, а через десять дней — в р. Парагвай. 2(14) декабря Лангсдорф и его спутники достигли селения Албукерки (ныне Ко- румба), где устроили пятидневную остановку. Ученый хотел предпринять отсюда экскурсию, чтобы обследовать окрестности в радиусе нескольких десятков километров. Он рассчитывал посетить крепость Коимбру, селение индейцев гуана и местную католическую миссию. Однако осуществить эти планы не удалось. Индейцы

племени гу- айкуру, находившиеся в состоянии постоянной войны с имперскими властями, в этот период активизировали свои действия. «По совету коменданта, — записал Лангсдорф в дневнике, — эта экспедиция не состоялась, так как все были заняты военными приготовлениями против гу- айкуру, и это племя враждебно португальцам более чем когда-либо».74

Между тем участникам экспедиции все же удалось собрать материалы о быте и нравах индейцев гуана, так как небольшая их группа прибыла в Албукерки. 13 (25) декабря, когда Лангсдорф и его спутники, сопровождаемые гуана, продолжали подниматься по Парагваю, они встретили индейцев племени гуато, которые тоже на короткое время присоединились к путешественникам. По-видимому, в то время ученый составил небольшой словарь языка гуана и сделал немало записей, касавшихся «лингва жерал», т. е. «общего языка», в основу которого легли индейские языки тупи, дополненные португальскими заимствованиями.75

15 (27) декабря лодки экспедиции вошли в приток Парагвая р. Сан-Лоуренсу и через неделю плавания по ней достигли р. Куяба — последней на пути к цели экспедиции. Еще почти месяц потребовался путешественникам, чтобы в сложных условиях периода дождей добраться до столицы провинции Мату-Гросу — г. Куяба. Это было 18 (30) января 1827 г. Более чем за семь месяцев путешествия из Порту-Фелис экспедиция прошла около 4000 км, включая многочисленные сухопутные экскурсии, совершенные в разные стороны от основного речного пути.

8 (20) февраля Лангсдорф отослал Нессельроде подробный отчет о работе экспедиции за время плавания по Куябе. «Президент провинции Жозе Сатурнину да Кошта Перейра, очень осведомленный и образрванный человек,

нас прекрасно принял, — сообщал ученый в своем донесении. — Едва стало известно о нашем прибытии, он на совете провинции предложил принять нас, как людей науки и, ввиду отсутствия гостиниц и свободных помещений, приготовить для нас специальный дом. Это предложение было всеми одобрено, но, поскольку достаточно хорошо оборудованного жилого дома не нашли, он очень гостеприимно пригласил нас в свой дом».76 Так состоялось одно из наиболее примечательных бразильских знакомств Лангсдорфа.

Ж.-С. да Кошта Перейра был профессором военной академии в Рио-де-Жанейро, автором многих учебников по различным математическим и физическим дисциплинам, астрономии, географии, геодезии, топографии и естественным наукам, писателем, любителем искусств, известным оратором.

Сохранившаяся переписка Кошты Перейры и Лангсдорфа показывает, что президент, детально посвященный в планы ученого, оказывал экспедиции всяческое содействие, издавал с этой целью специальные приказы, хлопотал о предоставлении путешественникам лодок, проводников, продовольствия, давал им рекомендательные письма в разные города провинции.77 Лангсдорф знакомил Перейру с собранными физико-географическими материалами, а президент открывал перед ним провинциальные архивы,78 так что ученому удалось здесь значительно пополнить свою документальную коллекцию. Он получил материалы по статистике населения Мату-Гросу,79 записки представителей провинциальной администрации о местных индейских племенах: бороро, паресси, апиака, гуайкуру, гуато, гуана,80 и другие документы.

Донесение в Коллегию ийостранных дел было положено Лангсдорфом в основу большого письма Конференции Академии наук, датированного 21 марта (2 апреля).81 В 1828 г. отрывки из него появились в «St. Petersbourgi- sehe Zeitung».82 В печати встречались и другие сообщения о путешествии экспедиции из Порту-Фелис в Куябу. Например, несколько раньше та же газета поместила «Выписку из письма Лангсдорфа друзьям в Германию, Ъ апреля 1827 г. Куяба».83 Под заголовком «Новейшие открытия в Бразилии» отрывки из упомянутого письма Лангсдорфа академической Конференции опубликовал «Северный архив».84 В этом письме ученый рассказал о составленном в общих чертах еще во второй половине

89

1825 г. плане путешествия из Мату-Гросу в Пара, а оттуда в Рио-де-Жанейро через северо-восточные провинции страны. Однако перед тем как отправиться дальше, Лангс- дорф намеревался посвятить не менее года исследованию Мату-Гросу.

Огромная и малонаселенная территория этой провинции была в то время почти не изучена. Наиболее весомый вклад в ее исследование внесли три экспедиции. В 1742 г. португалец Мануэл Фелиш де Лима предпринял первое плавание из Мату-Гросу на Амазонку по рекам системы Мадейры. В 1749 г. этот же путь в обратном направлении проделал его соотечественник Фран- сишку Леме. В конце 1810-х гг. Наттерер пересек Бразильское нагорье от верховьев р. Токантинс до верховьев Мадейры, а затем отправился на Амазонку по маршруту Лимы. Таким образом, упомянутые путешественники обратили внимание лишь на западные районы Мату-Гросу.

В первые недели после прибытия в Куябу Лангсдорф не предпринимал значительных поездок, так как нужно было дать

людям отдых и привести в порядок коллекции. Кроме того, он с нетерпением ждал Сообщений из Петербурга: ученый знал о смерти Александра I, и его тревожил вопрос об отношении Николая I к экспедиции в Бразилию. Депеша от Нессельроде пришла, видимо, в начале апреля. Она находилась в пути почти год и служила ответом на донесение Лангсдорфа из Иту. Ученый ответил на депешу донесением 13 (25) апреля 1827 г.85 Из него видно, как обрадовался Лангсдорф, узнав, что его тревоги оказались напрасными и экспедицию разрешено продолжать. Это донесение и собранные в последние месяцы материалы обещал доставить в бразильскую столицу отправлявшийся туда богатый местный купец, итальянец Ж. Анже лини. «Он брал с собой по просьбе г-на Лангсдорфа коллекции — большое количество ящиков, наполненных естественноисторическими предметами, разные отчеты и рукописи, наши письма в Рио и в Европу и массу рисунков г-на Тонэя и моих, — писал в своем дневнике Флоранс. — Все было адресовано г-ну Кильхену, вице-консулу России, который должен был разослать письма, а остальное переправить в С.-Петербург».86 Вместе с Анжелини ехала в Рио-де-Жанейро и Вильгельмина, ждавшая тогда четвертого ребенка.

90

В середине апреля участники экспедиции отправились в округ Серра-да-Шапада, расположенный к северо-востоку от Куябы. В селении Гимараэне, находившемся примерно в 20 км от столицы провинции, путешественники решили остановиться и совершать оттуда радиальные поездки. В конце апреля—начале мая Лангсдорф и Рубцов предприняли большую экскурсию на восток от Гимараэнса. Они добрались до селения Коррал-дос-Виадос, пройдя более 150 км. 10 (22) мая Лангсдорф и его спутники совершили еще одну поездку на восток от Гимараэнса, но на этот раз скоро возвратились. Ученый спешил в Куябу, чтобы встретиться с президентом провинции и начать приготовления к путешествию в Пара. 12 (24) мая он, оставив участников экспедиции в Гимараэнсе, уехал.

В Куябе Лангсдорф оставался недолго. До конца июня он и его спутники успели совершить еще экскурсию в местечко Киломбу, расположенное в 30 км к северо- востоку от Гимараэнса и известное своими алмазными разработками. «Я, конечно, страстно хотел рассмотреть месторождение алмазов с геологической точки зрения..., хотел добывать алмазы и попросил место», — писал ученый в дневнике.87

В конце июня все участники экспедиции собрались в Куябе. Новые экскурсии были предприняты в июле и августе. Лангсдорф совершил кратковременную поездку на север в городок

Диамантину, расположенный почти в 150 км от Куябы. Туда же на более длительный срок отправились Ридель и Тонэй. Флоранс и Рубцов выехали в западном направлении в Вилла-Марию на р. Парагвай, побывали по пути в фазенде Жакобина, где наблюдали посетивших ее в то время индейцев племени бороро, а затем поднялись по Парагваю до устья р. Жауру.

После возвращения из Диамантину Лангсдорф намеревался отправиться вниз по реке Куяба, но задержался в столице провинции до начала сентября в связи с подготовкой к дальнейшему путешествию, но главным образом из-за большого числа больных, нуждавшихся в неотложном лечении. Искусство Лангсдорфа-врача было хорошо известно в Западной Европе, России, Бразилии. Впоследствии его имя вошло во многие медицинские справочные издания XIX в.88 Естественно, что пребывание ученого в том или ином бразильском городе или селении становилось событием для его жителей, страдавших от почти пол¬

91

ного отсутствия медицинской помощи. Во многих районах центральной части страны Лангсдорф был едва ли не первым европейски образованным врачом. Слух о его приезде распространялся мгновенно, со всех сторон к нему стекались сотни больных — людей самого различного социального положения. Об этой стороне деятельности Лангсдорфа сохранились специальные документы: заметки о способах лечения тех или иных болезней, списки больных и прописанных рецептов и т. д.89 Путешественник писал Нессельроде, что в Куябе к нему обращались люди, страдающие самыми различными болезнями. «Пользуясь своими медицинскими познаниями, я бесплатно лечил больных, — замечал Лангсдорф в дневнике, — заслужил их благодарность, доверие и уважение президента, магистрата и всей провинции».90 Кошта Перейра, сам бывший пациентом Лангсдорфа, в одном из писем ученому весьма высоко оценивал его благородную деятельность.91

4 (16) сентября Лангсдорф со своим чучельником Жуаном Каэтану начал намеченное плавание по р. Куяба. Ученый направлялся в те же места, которые посетил в январе 1827 г., по тогда, в период дождей, жизнь на реке замерла, теперь же, во время сухого сезона, он мог наблюдать быт и хозяйственную деятельность жителей прибрежных районов и пополнить различные коллекции. Во время плавания по Куябе Лангсдорф побывал в фазенде капитана Бенту Пиреша де Миранды, который, как писал ученый в своем дневнике, «первым открыл путь из Диамантину в Пара».92 В конце сентября Лангсдорф, проделав

путь в несколько десятков километров, возвратился в Куябу.

Оттуда ученый писал Неˆельроде, что ввиду скорого отбытия в Пара им отправлены в Рио-де-Жанейро много «этнографических достопримечательностей», самые ценные рисунки и естественнонаучные коллекции. Далее он сообщал, что разделит экспедицию на два отряда. Первый, в составе Риделя и Тонэя, отправится из Куябы на запад в городок Вилла-Белла-де-Мату-Гросу на реке Гуа- поре. По рекам Гуапоре, Маморе, Мадейре и Амазонке этот отряд должен будет достичь устья Риу-Негру и там в порту Барра-ду-Риу-Негру (ныне Манаус) ждать других путешественников. Обосновывая такой маршрут Риделя и Тонэя, Лангсдорф замечал, что хотя эти места «старательно обследованы австрийским естествоиспыта-

92

телем и зоологом И. Наттерером, но до сих пор туда не проникал ни один ботаник».93

«Рубцов и Флоранс под моим руководством, — писал далее Лангсдорф в Коллегию иностранных дел, — отправятся в Диамантину, к истокам Парагвая, Куябы, Ари- нуса и других рек, географическое положение которых еще не совсем изучено».94 Затем по рекам Риу-Прету, Аринус, Журуэна и Тапажос ученый предполагал привести свой отряд в Сантарен. Это был еще совершенно не исследованный и, как ясно из письма Лангсдорфа Коште Перейре от 21 мая (2 июня) 1827 г., лишь недавно открытый путь.95 «После прибытия в Сантарен я намереваюсь добраться до главного города провинции Пара и оттуда отправить через Англию в Петербург собранные коллекции и доклад о нашем путешествии, — продолжал ученый. — Я надеюсь получить от президента провинции помощь и сейчас же поспешить вверх по течению Амазонки к устью Риу-Негру, где после 6—8 месячной разлуки рассчитываю встретиться с Ридрлем и Тонэем. Отсюда мы вместе или порознь направимся для исследования Риу- Негру или Амазонки (а может быть, и обеих рек) к границам испанских владений, так что вернемся в Пара (Белен) к концу 1828г.».96 «Амазонка займет весь 1828г.», писал Лангсдорф в то время в одном из писем Кильхену.97 Таким образом, план экспедиции, разработанный в 1825 г., опять несколько изменился: возвращение в Рио-де-Жанейро через северо-восточные провинции откладывалось еще по крайней мере на два года. 27 сентября (9 октября) Лангсдорф снова отправился в Диамантину и к реке Аринус, чтобы сделать необходимые распоряжения для продолжения путешествия, но к концу октября уже был в Куябе.

В последние недели пребывания в столице Мату-Гросу

ученый написал сочинение под названием «Труды и исследования, составляющие предмет статистики провинции Мату-Гросу, выполненные в 1826—1827 гг.».98 Это был первый в европейской науке труд по физической и экономической географии Мату-Гросу. Лангсдорф разделил свою рукопись на 18 глав. Цифровой и описательный материал физико-географической части труда, касающийся температуры и влажности воздуха, атмосферного давления, ветров, осадков, ландшафтов, режима рек, свойств почвы и т. д., может быть сопоставлен с данными совре-

менной науки. Результаты такого сопоставления будут, по-видимому, очень интересны.

Не меньшее научное значение имеет характеристика экономики Мату-Гросу по данным 1825—1826 гг. Лангс- дорф привел сведения о числе земледельческих и скотоводческих частных и государственных фазенд в округах Куяба и Диамантину, указал их максимальные и минимальные площади, рассказал о методах ведения хозяйства, способах возделывания кукурузы, риса, бобов, хлопка, кофе, маниоки, табака, клещевины. Мы узнаем о площадях, которые были заняты посадками каждой культуры, величине урожаев, ценах на сельскохозяйственные продукты, стоимости земли в провинции. Работа содержит сведения о предприятиях по переработке сахарного тростника (эженьо), годовом производстве рома, сахара, ра- падуры," их средней стоимости, а также суммарных доходах и расходах владельцев этих предприятий. Лангсдорф дал детальную, с привлечением обширных статистических материалов, характеристику животноводства по отраслям: крупный рогатый скот, коневодство, разведение мулов, свиноводство, овцеводство, разведение коз, птицеводство. Он сообщил также об охоте на диких животных и различных пернатых, использовании местной древесины для строительства жилищ, судов, возведения мостов, в ремесленном производстве, составил список, в котором указаны десятки растений, находивших применение в хозяйстве и при лечении различных болезней.

В труде путешественника есть также сведения о водных путях провинции, технике плавания через пороги и водопады, видах и устройстве лодок. Находим мы и данные о числе горнопромышленников и старателей-рабов, установленной для невольников дневной норме добычи золота, количестве драгоценного металла, сданного на переплавку в 1826 г.

В своем труде Лангсдорф дал много практических советов,

касающихся совершенствования методов обработки почвы, осушения болот, посадки лесов, рекомендаций, обращенных к населению с целью предотвратить заболевания. Это свойственное ученому стремление немедленно использовать результаты своих наблюдений и изысканий в практической жизни нашло, в частности, отражение и в том, что он направил Коште Перейре ряд докладов об улучшении путей сообщения в Мату-Гросу.100 Они были

посвящены исследовапию рек Пикири и Сукуриу, состоянию дорог между Куябой и Диамантину, навигации по р. Аринус.

В дневнике ученого мы находим и план укрепления государственной монополии на добычу алмазов, разработанный им еще в Минас-Жераисе и дополненный в Мату- Гросу.101 По-видимому, план этот был сообщен бразильской администрации. «Генерал-губернатор Сибири, — писал тогда Лангсдорф, размышляя о судьбе своих проектов и вспоминая прошлые путешествия, — пригласил меня пожить продолжительное время в Тобольске и дать ему некоторые сведения о Камчатке и других отдаленных частях Сибири, о которых он мог получить только односторонние сведения от чиновников. Благодаря этому появились различные записки и как результат их изменения, послужившие на благо тех областей, способствовавшие благосостоянию жителей и выгоде государства. Я думал, что в мои зрелые годы, — не без горечи продолжал ученый, — получу благодарность властей Бразилии за то, что обратил их впимание на важность улучшений, но ничего не последовало в ответ на все мои предложения».102

В начале ноября Ридель и Тонэй были готовы отправиться в путь. «В случае моей преждевременной смерти, — писал Лангсдорф Риделю за несколько дней до отъезда, — Вы как можно скорее должпьг добраться до Сантарена, чтобы принять моим именем все бумаги, коллекции, деньги в кредит, сообщить о моей смерти графу Нессельроде, а экспедицию до дальнейшего распоряжения продолжайте, как сумеете, по известному Вам плану».103 9 (21) ноября оба путешественника выехали из Куябы. Спустя две недели из столицы провинции Мату-Гросу выступил и отряд Лангсдорфа [донесение Нессельроде с сообщением об отъезде было написано 20 ноября (2 декабря)].104

1 (13) декабря Лангсдорф и его спутники прибыли в Диамантину — центр добычи золота и алмазов, расположенный в северной части провинции Мату-Гросу. Оттуда путешественники совершили ряд экскурсий в южном и юго-западном направлениях, побывали на мпогих окрестных приисках.

Исследование этих районов было сопряжено с большими опасностями. «... Диамантину со всех сторон окружен горами и лежит в узкой долипе у слияния ручьев

7*

95

Дураду и Диамантину, последний из которых впадает в Парагвай, — писал в своем дневнике Лангсдорф. — Местность считается крайне нездоровой. Здесь, как утверждают, никто не может избежать злокачественной перемежающейся лихорадки... Ландшафт неоднороден — это горная страна, где встречаются значительные возвышенности, холмы и долины. Около многих источников находятся болота, окруженные низкорослыми густыми зарослями. В водах источников — гниющие листья, стволы, плоды, рыбы, крокодилы... От этого возникают вредные испарения, которые заражают все окружающие окрестности».105 «Во всех домах больные..., — отмечал Флоранс. — Жители города страдают множеством недугов, названия которых даже неизвестны медицине».106 Пребывание отряда Лангсдорфа в Диамантину затянулось из-за наступившего периода дождей. «Ручьи и реки превратились в потоки и об отъезде нечего было и думать, — читаем мы в дневнике ученого. — Проводник рассказал мне об опасностях путешествия в такое время, и было бы неразумно уехать, несмотря на предостережения».107

2 (14) февраля 1828 г. Лангсдорф получил письмо Риделя с известием о гибели Адриана Тонэя. После отъезда из Куябы Ридель и Тонэй побывали в Вилла- Марии, затем — в селении индейцев бороро Пау-Секу и 6 (18) декабря 1827 г. достигли городка Вилла-Белла-де- Мату-Гросу, отстоящего примерно на 500 км от столицы провинции. Ридель сообщил, что Тонэй утонул в р. Гуа- порэ, возвращаясь из расположенного неподалеку селения Казалваску.108 После гибели Тонэя, оплакивавшегося всеми участниками экспедиции и, как отмечал Флоранс, даже всей провинцией, Ридель один продолжал путешествие по намеченному ранее плану.

25 февраля (9 марта) 1828 г. Лангсдорф и его спутники выступили из Диамантину на север, к Риу-Прету. Для перевозки огромного экспедиционного багажа потребовалось 96 мулов. По Риу-Прету на четырех лодках путешественники должны были спуститься в Аринус и там начать плавание к Амазонке.

Местность вокруг Риу-Прету таила еще большую опасность для здоровья участников экспедиции, чем болота вблизи Диамантину. «Истоки Парагвая до некоторой степени освобождены от зарослей благодаря добытчикам алмазов, и поэтому они не так заражают воздух, как

истоки рек, несущих свои воды в Амазонку, — писал Лангсдорф. — Истоки Риу-Прету, например, окружены густыми, непроходимыми лесами, атмосфера которых насыщена гнилостными испарениями. Эти места боятся посещать даже в сухое время года, а в период дождей .здесь каждый непременно заболевает гнилой горячкой, лихорадкой, тифом. Жертвами этих болезней стали многие сотни людей».109 «Люди, приезжающие на берега Риу- Прету для сопровождения купцов, садящихся на лодки, из страха заболеть опасаются оставаться там даже в течение нескольких часоЧ»,— писал Флоранс.110

На берегу Риу-Прету, в местечке Порту-Велью, находящемся примерно в 25 км от Диамантину, путешественники прожили больше двух недель. Эта задержка, происшедшая, как видно из переписки Лангсдорфа, по вине администрации Диамантину, не оказавшей достаточного содействия экспедиции,111 оказалась роковой для исследователей. В письме от 12 (24) марта 1828 г. военному губернатору провинции Мату-Гросу А.-Ж. да Кошта Гагвиану ученый писал, что в команде его лодок уже восемь больных.112 Кроме того, занемогли Рубцов, Флоранс, чучельник Каэтану, слуга Лангсдорфа Жуан.

Лодки экспедиции отплыли из Порту-Велью лишь 19 (31) марта. «Мы покинули место, которое можно назвать не иначе, как чертовой дырой», — писал в этот день Лангсдорф.113 Короткое плавание но Риу-Прету было очень сложным и опасным. Путь лодкам часто преграждали упавшие деревья. На следующий день Лангсдорф и его спутники достигли р. Аринус, а 21 марта (2 апреля)1, как отметил в своем дневнике ученый, «распрощались с населенной частью провинции Мату-Гросу».114 В конце марта у Лангсдорфа начались сильные приступы лихорадки. Число заболевших в отряде быстро возрастало.

С 30 марта (11 апреля) по 9 (21) апреля путешественники жили в селениях индейцев апиака. Несмотря на ухудшавшееся с каждым днем состояние, Лангсдорф продолжал наблюдения, регулярно и с прежней требовательностью к себе делал записи в дневнике. «Я не мог [вчера, — Б. /Г.] из-за начавшегося приступа перемежающейся лихорадки сделать свои ежедневные заметки, — писал он 30 марта (11 апреля), — и пишу сейчас неохотно, потому что часто уже на следующий день забываешь идею предыдущего и не можешь отличить свой

собственный опыт от того, что узнал понаслышке».115 Лихорадка быстро истощала силы Лангсдорфа. Он замечал в1 дневнике, что передвигается уже «при помощи палки и сопровождающего, медленно, шатаясь, как глубокий старик».116 «Начальник экспедиции, несмотря на болезнь свою, неусыпно пекся о здоровье каждого, — вспоминал позднее Рубцов, — и по приходе к жилищу индейцев, видя, что старания его больным мало помогали, то таковое положение заставило Григория Ивановича Лангсдорфа при всей жестокости болезни его много беспокоиться, а через то, как кажется, он делался слабее».117 И (23) апреля экспедиция достигла р. Журуэна, а в течение следующих трех дней ее участники вновь находились в селении индейцев апиака — последнем на их пути.

В конце апреля путешественники продолжали спускаться по Журуэне. Из 34 человек, входивших в отряд, были здоровы лишь 15, а из них только 8 не болели ранее лихорадкой. «Г-н Лангсдорф и Рубцов продолжали сильно хворать, — писал впоследствии Флоранс. Они были так слабы, что не могли выбраться из гамаков и совсем потеряли аппетит. Ежедневно в один и тот же час возвращался озноб, которому предшествовали такие сильные приступы лихорадки, что заставляли их издавать прерывистые стоны и судорожно корчиться, отчего даже качались деревья, на которых были подвешены гамаки, москитники и павесы. Я видел, как на высоте 40 ладоней дрожали листья этих деревьев', стволы которых были сантиметра 33 в диаметре».118 Мучения путешественников увеличивали язвы, образовывавшиеся на открытых частях тела от укусов насекомых.

В конце апреля участников экспедиции постигли серьезные неудачи. При спуске в воду с крутого каменистого берега одна из четырех лодок была разбита в щепки, другая значительно повреждена. Пришлось сделать почти двухнедельную остановку для изготовления новой лодки. 26 апреля (8 мая) путешественники стали лагерем в лесу, на берегу реки Журуэна. «Болезни, превратившие нас в настоящие привидения, пиоенс,119 мешавшие нам отдохнуть днем, москиты, беспокоившие нас ночью, беспрерывный дождь, от которого промокли даже гамаки в палатках, пища, добываемая охотой и рыбной ловлей, — все это делало наше положение очень тяжелым», — писал Флоранс,120 Вести дневник Лангсдорф уже

почти ne мог. Его болезнь быстро прогрессировала. «С 24 апреля я большей частью лежал без памяти в фантастических сновидениях», — отмечал он 1(13) мая.121 Запасы продовольствия подходили к концу. «Время для охоты плохое, —

писал Лангсдорф в дневнике спустя два дня, — убита едва ли одна птица. Спугнули несколько обезьян, так что все мы теперь страдаем не только от болезни, но и от голода. Много говорили об обилии рыбы, но команда занята на работах, а больные почти ничего не могли поймать. Так что мой больные остались необеспеченными. Рис — это наша главная пища».122

8 (20) мая участники экспедиции были готовы к дальнейшему плаванию. «Обрушившиеся дожди нарушили весь покой, — писал в этот день Лангсдорф. — Мы намереваемся теперь идти в Сантарен. Наша провизия убывает на глазах, мы должны стараться ускорить наше движение. Мы должны еще перейти водопады и многие другие опасные места на реке. Если захочет бог, мы сегодня продолжим наш путь. Провизия уменьшается, но мы еще имеем порох и дробь».123

На этом записи ученого оборвались. Его 26-я дневниковая тетрадь осталась незаконченной.124

«Здесь впервые обнаружилось несчастное состояние, в которое впал г. Лангсдорф, — писал позднее Флоранс, — потеря памяти о недавних событиях и полный беспорядок мыслей — следствие перемежающейся лихорадки».125 В донесении в Коллегию иностранных дел, отосланном из Пара в октябре 1828 г., Рубцов рассказывал о том времени: «Григорий Иванович день за днем становился хуже, и я даже не имел надежды прибыть с ним в город Сантарен. Он, чувствуя то же самое, призвав меня, объявил, что жизнь его непродолжительна, препоручив мне заниматься в его должности и все вещи, принадлежащие к натуральной истории, отослать в С.-Петербург. Через несколько дней начал он мешаться в разуме».126

После случившегося нельзя было и думать об осуществлении намеченных ранее путешествий. Из записок Флоранса видно, сколь обширны были планы экспедиции, получившие после отъезда чиз Куябы новые существенные черты. «Мы предполагали, — писал художник, — подняться вверх по Амазонке, по Риу-Негру, через естественный канал Касикьяре, соединяющий Амазонку и Ориноко, перецравиться в Ориноко, посетить Каракас,

спуститься вниз по Ориноко до океана, побывать в Гвиане, затем возвратиться в Пара и направиться в Рио-де-Жа- нейро, исследуя по пути прибрежные провинции Бразилии, лежащие к северу от столицы. Возможно, что мы избрали бы другое направление, например отправились бы в Перу или в Чили...».127 Эти сообщения Флоранса подтверждаются им в разных частях его записок и согласуются с рядом других документов. Так, художник упоминал, что Лантсдорф касался вопроса о путешествии по

Касикьяре в переписке с английским исследователем У. Бёрчеллом.128 Сведения об * этом мы находим и в письме самого ученого Кильхену от 17 (29) января 1828 г. из Диамантину.129 В донесении Нессельроде от 1 (14) апреля 1828 г. Кильхен писал, что Лангсдорф просил его достать паспорта для путешествия за пределы Бразилии, и в частности по Ориноко.130 Интерес руководителя экспедиции к Перу и Чили тоже имел историю — о желании посетить эти страны Лангсдорф писал Нессельроде еще в апреле 1824 г.131

Теперь, однако, единственной целью путешественников было добраться до Рио-де-Жанейро. Можно предполагать, что в конце мая 1828 г. их лодки вошли в реку Та- пажос. Флоранс — единственный, кто продолжал вести дневник, — не указывает точной даты: изнуренные болезнями участники экспедиции потеряли представление о времени. Вскоре они достигли так называемой «спокойной воды», оставив позади 33 порога и два больших водопада. «Наше плавание от Риу-Прету состояло из исключительных опасностей, неслыханного труда, ловкости и счастливых случайностей», — писал Флоранс.132 Впервые осуществленное комплексное изучение Бразильского нагорья и пересечение его с исследовательскими целями по речным системам верхней Параны, верхнего Парагвая и Тапажоса было научным подвигом Лангсдорфа и его спутников. После отплытия из фазенды Кама- пуан участники экспедиции, учитывая расстояние, пройденное Риделем после гибели Тонэя, преодолели более 7.5 тыс. км.

6 (18) июня путешественники встретили шхуну, шедшую в Сантарен, и на ней продолжили плавание. Через две недели они достигли Амазонки. Рубцов срочно послал за Риделем в" Манаус. Состояние Лангсдорфа. оставалось тяжелым. Рубцов тоже страдал от приступов лихорадки

и даже не мог ходить без посторонней помощи. 4 (16) сентября участники экспедиции на торговом корабле прибыли в Пара (Белен), где решено было ждать Риделя.

Между тем в Петербургской Академии наук больше года не имели никаких сведений о Лангсдорфе. 20 июля 1828 г. комитет правления Академии обратился в коллегию иностранных дел с вопросом, жив ли ученый. Однако и Нессельроде получил в то время лишь донесение от 13(25) апреля 1827 г. К концу 1828 г. в Петербурге, видимо, все еще оставались в неведепии относительно судьбы экспедиции. 20 декабря 1828 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин обратился к К. В. Нессельроде с предложением санкционировать прекращение ассигнований на

путешествие с 1 января 1830 г. В своем письме он сообщил, что с 21 июня 1821 г. на экспедицию потрачено 246247 рублей.133 Нессельроде согласился с мнением министра финансов.

В начале января 1829 г. в Пара прибыл Ридель. «Он заболел на Риу-Мадейре и выстрадал не меньше нас», — писал Флоранс.134 Ридель прошел по намеченному маршруту, а в сентябре 1828 г. предпринял плавание вверх по Риу-Негру.

12(24) января на зафрахтованном бразильском бриге «Дон Педру I» путешественники отплыли в Рио-де-Жанейро. Плавание продолжалось больше двух месяцев. Оно осложнилось плохой погодой и тем, что капитан брига едва не посадил его на мель вблизи побережья провинции Мараньян. «В продолжение вояжа морской воздух Григорию Ивановичу был полезен, — сообщал позднее Рубцов Нессельроде, — ж/ все, что случилось с ним прежде сего путешествия, [он] обстоятельно рассказал, но что касается с 3-го сентября 1825 г.135 до сего времени ничего не помнит. Случаясь иногда говорить об оном, всегда отвечал, [что] ничего не помнит... Не можно надеяться (как по старости его лет), чтобы мог быть в прежнем разуме».136 «Болезнь такова, — писал о состоянии Лангсдорфа Флоранс, — что не позволит когда бы то ни было в дальнейшем путешествовать с научной целью».137

14(26) марта 1829 г. участники экспедиции прибыли в Рио-де-Жанейро. Лангсдорфа ждали там его старший сын Карл, уже четвертый год слушавший курс математики в местной военной академии, и Вильгельмина с сы¬

новьями Георгом, Генрихом Эрнстом, Вильгельмом и Генрихом, родившимися в 1822, 1823, 1824 и 1827 гг. Манди- ока по просьбе Лангсдорфа была еще в 1827 г. продана государству за 18.3 млн рейсов (около 18.3 тыс. рублей).138 В письмах Кильхену из Куябы от 23 июня (5 июля) и 24 июля (5 августа) 1827 г. ученый благодарил его за содействие в продаже фазенды и сохранении в ней для него «квартиры».139 Однако в письме вице-консулу от 24 октября (5 ноября) того же года Лангсдорф просил снять для него усадьбу с жилым домом.140 Ко времени возвращения путешественника его семья, вероятно, жила в такой снятой близ Рио-де-Жанейро усадьбе.

10(22) апреля 1829 г. Лангсдорф отправил Нессельроде донесение, в котором сообщал, что из-за болезни не может представить отчет об экспедиции. Он просил дать разрешение Риделю и Флорансу продолжить путешествие для того, чтобы выполнить намеченные планы. Тут же приводились сведения о необходимых для этого суммах: 4 тыс. руб. единовременно для покупки вьючных животных, инструментов и т. п. и по 6 тыс. руб.

ежегодно.141 6(18) мая Лангсдорф просил Нессельроде об отпуске для лечения в Европе.142 6 сентября Николай I удовлетворил просьбу ученого. Лангсдорф узнал об этом из депеши Нессельроде от 2 октября,143 где, в частности, сообщалось, что вопрос об экспедиции Риделя будет решен после его прибытия в Россию.

Как уже отмечалось, материалы экспедиции отсылались в Петербург с начала 20-х годов. Последние их партии привезли в 1829 г. Рубцов и в 1830 г. Ридель (первый доставил 32 ящика, второй —84). Некоторые рукописи путешественников переслал в Россию с дипломатической почтой первый русский посланник в Бразилии Ф. Ф. Борель (барон Паленца).

Коллекции, составленные Лангсдорфом и участниками его экспедиции, явились ядром южноамериканских собраний академических музеев России. Обширные энтомологические, герпетологические, ихтиологические,144 орнитологические 145 сборы, чучела млекопитающих, более тысячи живых растений, гербарий почти в 100 тыс. экз. (один из самых полных в мире гербариев тропической флоры), образцы минералов, около ста этнографических предметов, несколько сот рисунков, десятки карт и планов, более двух тысяч листов рукописей (дпевников, тру¬

дов, архивных документов, писем), содержащих сведении по географии, ботанике, зоологии, экономике, статистике, истории, этнографии, лингвистике и другим отраслям знаний,— таков был итог этого путешествия. Гербарные образцы Лангсдорфа и Риделя послужили для установления примерно 15% видов бразильской флоры. К. Мартиус, Дж. Радди и другие ботаники назвали в честь Лангсдорфа несколько родов и около 30 видов растений.146

Непреходящую ценность представляют материалы экспедиции по социально-экономической и этнической истории Бразилии, исторической, экономической и физической географии, статистике, языкам индейских племен и многие другие.147 Ведь племена, которые наблюдали Лангсдорф и его спутники, давно не существуют, изменились ландшафты, запечатленные на рисунках художников экспедиции. В коллекции, собранной ученым, широко представлены документы эпохи рабства в Бразилии; они стали особенно ценными после 1888 г., когда в этой стране был издан специальный декрет об уничтожении подобных материалов.

Обработать коллекции и дневники Лангсдорф, разумеется, не смог. Не сделали этого и другие участники экспедиции. Л. Ридель до 1836 г. состоял в Рио-де-Жанейро на русской службе, много путешествовал и коллекционировал для Петербургского

ботанического сада. Он умер в Бразилии в 1861 г. Там же умер в 1879 г. и Э. Флоранс. Э. П. Менетрие и Н. Г. Рубцов, хотя и прожили долгие годы в Петербурге (первый умер там в 1861 г., второй — в 1874 г.), были далеки от того, чтобы заняться обработкой архива экспедиции, в которой принимали участие в молодости.

Весной 1830 г. Лангсдорф с семьей покинул Рио-де- Жанейро. В августе он был в Антверпене, где у Виль- гельмины родился пятый сын — Адольф, а в октябре — в Великом герцогстве Баденском, в небольшом курортном местечке близ Раштатта, откуда было отправлено последнее из его донесений Нессельроде.148 Затем Лангсдорф переехал в Лар, где в 1827 г. умер его отец и продолжал жить его сводный брат — виноторговец Вильгельм Генрих. Наконец семья Лангсдорфов окончательно обосновалась во Оренбурге.

Климат южной Германии довольно быстро восстановил физические силы Лангсдорфа, но его психическое

состояние не улучшалось. ~В апреле 1831 г. Лангсдорф обратился к непременному секретарю Петербургской Академии наук П. Н. Фуссу — сыну некогда покровительствовавшего ему Николая Ивановича Фусса — с просьбой предоставить отпуск до полного выздоровления. Однако приложенное к письму заключение фрейбургского врача доктора Бозена не оставляло никаких надежд на скорое излечение и на возможность приезда ученого в Россию. Бозен писал, что вследствие перенесенной тропической лихорадки Лангсдорф страдает расстройством памяти: пе помнит о том, что произошло в последние годы, хотя и сохранил отчетливые воспоминания о своих ранних путешествиях.149

В июне 1831 г. Лангсдорф был уволен из Академии наук, а несколько раньше, в феврале, — из ведомства иностранных дел.150 Он получил от правительства России пожизненную пенсию — 1000 рублей в год, а в 1837 г. Лангсдорф и члены его семьи были приняты в баденское подданство.

Шли годы, но для Лангсдорфа время как будто остановилось. «Уютный и дружелюбный, — писал о нем один из современников, — Лангсдорф тихо жил в кругу своей семьи... Восход солнца всегда заставал его за письменным столом, погруженным в работу, но это могло лишь доказать, что его воля и усердие пережили умственные силы... Только изредка в беседе с кем-нибудь из ученых ум его оживлялся, и в Ъти минуты можно было догадываться о том, каким он был в прежние годы».151

В конце жизни Лангсдорфа снова ждали испытания. Весной и

летом 1849 г. Фрейбург стал ареной бурных революционных событий. Они непосредственно коснулись и семьи ученого: сыновья Лангсдорфа — Георг, Генрих и Адольф — оказались в числе активных участников ба- денско-пфальцского восстания. После его поражения Георгу и Генриху пришлось бежать в США. Девятнадцатилетнего Адольфа, присоединившегося к повстанцам вместе с полком, в котором он был лейтенантом, изгнали из армии. Лангсдорф тяжело переживал вынужденную разлуку с сыновьями. 17 (29) июня 1852 г. непродолжительная болезнь свела его в могилу.

104

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы в связи с интенсивным развитием политических, экономических и культурных связей СССР со странами Латинской Америки и США изучение научного наследия академика Г. И. Лангсдорфа стало одной из важных задач советской американистики. Во многих архивах Советского Союза было проведено тщательное выявление материалов о жизни и деятельности Г. И. Лангсдорфа, получены документы из ряда зарубежных архивов, завершена расшифровка всех трудночитаемых рукописей ученого. Архив бразильской экспедиции 1821— 1829 гг. стал предметом детального исследования как источник по истории и этнографии Бразилии первой трети XIX в. Были изучены дневники путешественника, его неопубликованные труды, коллекция исторических документов, собранная им в Бразилии, история экспедиционного архива, историография экспедиции, архивные материалы Н. Г. Рубцова, Э. П. Менетрие, Л. Риделя, Э. Флоранса, А. Тонэя, М. Ругендаса. В 1973 г. было издано научное описание материалов экспедиции Лангсдорфа в Бразилию, хранящихся в архивах СССР.1 В этой книге приведены сведения почти о восьмистах рукописях, картах и рисунках. Была составлена библиография научных трудов Г. И. Лангсдорфа и дана их научная оценка. Проведенные исследования показали уникальную ценность материалов экспедиции Г. И. Лангсдорфа для изучения исторического прошлого бразильского народа. Большое значение имеют труды путешественника и для исследования географии, истории и этнографии Северной Америки, а также Азии и Океании.

Итоги многолетнего изучения научного наследия академика Г. И. Лангсдорфа были подведены в октябре 1974 года на международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения ученого. Она была организована по инициативе Секции наук о Земле Президиума Академии наук СССР и состоялась в Ленинграде, в Географическом обществе СССР. В четырнадцати

докладах, сделанных учеными СССР, США, ФРГ, Канады, была освещена жизнь и деятельность академика Г. И. Лангсдорфа, показан его вклад в развитие естественных и гуманитарных наук. На конференции было заслушан© также около 50 докладов но широкому кругу проблем

исследования природы, населения и культуры Американского континента в XIX—XX веках.2 Ход и итоги научного форума, посвященного Г. И. Лангсдорфу, получили всестороннее отражение в советской и зарубежной печати.3 Конференция поставила вопрос о периодическом проведении «Лангсдорфских чтений» с участием советских и зарубежных американистов и наметила ряд мероприятий по дальнейшему изучению научного наследия Г. И. Лангсдорфа. Важнейшим из них является подготовка совместно с научными учреждениями Бразилии, ГДР и ФРГ издания трудов и архивных материалов Г, И. Лангсдорфа.

Задуманное многотомное издание наследия академика Г. И. Лангсдорфа — предприятие большого научного и культурного значения, которое, несомненно, повысит авторитет отечественной американистики в мировой науке. Оно явится прекрасным памятником Григорию Ивановичу Лангсдорфу.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

1 Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (далее — ЛОААН), ф. 63, оп. 1, № 2, л. 82 об., 88 об.

молодые годы.

НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1 Сведения о роде Лангсдорфов собрал внучатый племянник Г. И. Лангсдорфа — Людвиг Лангсдорф (см.: Langsdorff L. Geschichte der Familie Langsdorff, t. 1—2. Naumburg a/S., 1928—1931).

2 Cm.: Plischke H. Johann Friedrich Blumenbach's EinfluЯ auf die Entdeckungsreisenden seiner Zeit. Gцttingen, 1937, S. 58.

3 Langsdorff G. Phantasmatum sive machinarum ad artis obstetriciae exercitia facientium vulgo Fantфme dictarum brevis historia. Dissertatione inaugurali delineata, etc. Gottingae, [1797].

4 Observazoes sobre o melhoramento dos hospitaes em gйrai dedicadas ao illustrissimo e exellentissimo senhor Luis Pinto de Sousa Coutinho por Jorge Henrique Langsdorff... Medico do Hospital da Nazao Allema em Lisboa etc..., Lisboa, 1800.

5 Langsdorff G. Nachrichten aus Lissabon ьber das weibliche Geschlecht, die Geburten und Entbindungskunst in Portugal. Lissabon, 1800.

6 Центральный государственный исторический архив

Эстонской ССР (далее — ЦГИАЭ), ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 13.

7 Примечания о набивании и сушении рыб, представленные Императорской Академии наук от г. Лангсдорфа, оной Академии и Геттингенского ученого общества корреспондента. — Технологический журнал, 1805, т. II, ч. II, с. 76.

8 Ratzel F. Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff. — In: Allgemeine Deutsche Biographie, Bd. 17. Leipzig, 1886, S. 689.

9 Waldbrьhl W. Georg Heinrich von Langsdorff. — In: Neuer Nekrolog der Deutschen, Bd. 30. Weimar, 1852, S. 437—438.

10 ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 74, л. 33-34.

11 Там же, л. 42—43.

12 Протоколы заседаний -Конференции Академии наук с 1725 по 1803 гг., т. IV. СПб., 1911, с. 1036, 1051.

107

13 ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 77, л. 117.

14 Примечания о набивании и сушении рыб..., с. 75—88.

16 Рассуждение о способе набивать и сохранять животных. Соч. Академии наук корреспондента аббата Манесса, с французского на русский язык переведенное академиком экстраординарным А. Севастьяновым. — Технологический журнал, 1804, т. I,

ч. I, с. 108-156; ч. II, с. 90-115; ч. III, с. 87-102.

16 Plischke H. Op. cit., S. 63.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

1 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 5, л. 15 об.

2 Там же, л. 16.

3 Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Резановым, чрезвычайным посланником ко двору японскому и проч. — Отечественные записки, 1822, ч. 12, № 31, с. 211.

4 Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на корабле «Надежде» и «Неве», ч. I. СПб., 1809, с 35.

« ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 5, л. 16.

8 Там же, л. 16 об.

7 Там же, д. 3, л. 8.

8 Там же, л. 9 об.

9 Там же, л. 10.

10 Fernere Reisenachrichten vom Herren D. Langsdorff. Aus einem Briefe vom 7 Juni 1805 Peter Paulshafen an Herrn Hofrat Blumenbach. — Magazin fьr den neuesten Zustand der Naturkunde, 1806, Bd. 11, S. 301.

11 Langsdorff G. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807 (далее — Bemerkungen...), Bd. I, Frankfurt a/ M., 1812, S. [2].

12 Ibid., S. 7.

18 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 5, л. 16 об. Под «басом» имеется в виду виолончель.

14 ЛОААН, ф. 1, оп. la № 15, § 115.

15 Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff von Santa Cruz auf Tenerife, den 25 Oct. 1803. — Magazin fьr den neuesten Zustand der Naturkunde, 1805, Bd. 9, S. 203—206.

16 Иноходцев П. О свете и теплоте морской воды. — Технологический журнал, 1805, т. II, ч. II, с. 179.

17 Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff von der Insel St. Catharina an der Kьste von Brasilien, den 15 Januar 1804. — Magazin fьr den neuesten Zustand der Naturkunde, 1805, Bd. 9, S. 220.

18 Ibid.

19 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 5, л. 43.

20 Там же, д. 3, л. 29 об.

21 Перечень письма Г-на Д[октора] Лангсдорфа к Г-ну Академику Крафту с острова Св. Екатерины от 24 Генваря 1804. — Технологический журнал, 1804, т. I, ч. 3, с. 182.

22 Об устройстве и принципах действия этих приборов, применявшихся в то время для измерения температуры морской воды, см.: [Горнер И. К.] 1) Степень теплоты морской воды

в разных глубинах. В кн.: Крузенштерн И. Ф. Ук. соч., ч. III. СПб., 1812, с. 260—263; 2) Замечания к предыдущим наблюдениям, над удельной тяжестью морской воды в различных широтах и над степенью теплоты Океана в различных глубинах. В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 4815, 1816, 1817 и 1818 гг., ч. III. СПб., 1823, с. 428—429.

23 ЦГИАЭ, ф. 1414, он. 3, д. 5, л. 36 об.

24 Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff von der Insel St. Catharina..., S. 223.

25 Ibid., S. 222.

26 Хаген В. Их призвала Южная Америка. Пер. с англ. М., 1961, с. 142—143.

27 ЦГИАЭ, ф. 1414, он. 3, д. 5, л. 42 об.

28 Перечень письма Г-на Д[октора] Лангсдорфа к Г-ну Академику Крафту..., с. 185. Чужеядные (устар.) — растения-паразиты.

29 Auszug eines Briefs des Hrn. Hofr. Tilesius an Hrn. Professor Rosenmьller in Leipzig. — Magazin fьr den neuesten Zustand der Naturkunde, 1805, Bd. 9, S. 439.

30 Б е й Т с Г. Натуралист на реке Амазонке. Пер. с англ. М., 1958, с. 111—112.

81 Йерба-мате — парагвайский чай. Первоначально именовался просто «йерба» и лишь с широким распространением этого напитка, заваривавшегося в «мате» — сосуде, сделанном из тыквообразного плода растения лагенарии, получил упомянутое название.

32 Bemerkungen..., Bd. I, S. 36.

33 Kupfer zu G. H. V. Langsdorff s Bemerkungen.., Bd. 1. Frankfurt a/M., 1812, № III.

34 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 5, л. 63. Имеется в виду Федор Иванович Толстой (1782—1846), известный в литературе по прозвищу «Американец».

35 Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff an J. F. Blumenbach aus dem Petropalowschen Hafen auf Kamtschatka den 23 Aug. 1804. — Magazin fьr den neuesten Zustand der Naturkunde, 1805, Bd. 10, S. 203.

36 [Горнер И. К.] О колебании барометра между тропиками. В кн.: Крузенштерн И. Ф. Ук. соч., ч. III. СПб., 1812, с. 230.

37 ЦГИАЭ, ф. 1414, он. 3, д. 5, л. 75.

38 Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке. — Технологический журнал, 1805, т. II, ч. II, с. 156; Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff an J. F. Blumenbach aus dem Petropalowschen Hafen auf Kamtschatka..., S. 200.

39 Макаров С. О. «Витязь» и Тихий океан, т. И. СПб., 1894, с. 213.

40 Воейков А. Испарения и осадки на морях и причины большей солености Атлантического океана по сравнению с другими океанами. СПб., 1913.

41 ЛОААН, р. IV, оп. 1, № 1011. Г. И. Лангсдорф не опубликовал специальной работы о свечении моря. Его исследования стали известны из описания И. Ф. Крузенштерна (см.: Крузенштерн И. Ф. Ук. соч., ч. I, с. 67).

42 ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1805, № 13, § 182.

43 Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА), ф. 15, ой. 1, д. 2, л. 9—9 об.

44 Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке, с. 157—159.

45 Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff an J. F. Blumenbach aus dem Petropalowchen Hafen auf Kamtschatka den 23 Aug. 1804, S. 193—206.

46 См., напр.: Военскпй К. 1) Русское посольство в Японию в начале XIX века. — Русская старина, 1895, июль, с. 123— 141; октябрь, с. 201—235; 2) Посольство Резанова в Японию в 1803—

1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна. — Морской сб., 1919, № 4, с. 29-64.

47 Помимо Резанова, в Мегасаки находились Кошелев, Лангсдорф, Федоров, Фоссе, Фридерици, Шемелин. Некоторое время с посольством жил и Тилезиус.

48 Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff. Auszug aus einem Briefe and Dr. Noehden, der 6 Juni 1805 Peter Paulshafen. — Magazin fьr den neuesten Zustand der Naturkunde, 1806, Bd. 11, S. 291.

49 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 223.

50 Там же, л. 226—226 об.

51 Там же, л. 241.

52 Там же, л. 226.

53 Там же, д. 4, л. 26.

54 Fernere Reisenachrichten vom Herren D. Langsdorff. Aus einem Briefe vom 7 Juni 1805 Peter Paulshafen an Herrn Hofrat Blumenbach, S. 297—309.

55 Bemerkungen..., Bd. II, S. 86.

56 ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 74, л. 335—336.

57 Отдел рукописей Государственной Публйчной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 73 (В. А. Бильбасов), В. 45, л. 37 об.

58 Bemerkungen..., Bd. II, S. 86—88.

59 ЛОААН, ф. 31, оп. 1, № и, л. 1.

60 Письмо Резанова к министру коммерции из Ново-Архангельска от 17 июня 1806,г. В кн.: Тпхменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. II. СПб., 1863, с. 254.

61 Новая Испания — колониальное владение Испании на североамериканском континенте. К пачалу XIX в. территория Новой Испании включала в себя нынешние Мексику и центральноамериканские государства, а также запад и юго-запад США, в том числе — Калифорнию.

62 Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966, с. 322—323.

63 ЛОААН, ф. 31, оп. 1, № И, л. 1 об.

64 Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Главный архив, 1—7, 1802, д. 1, папка 44, л. 9—10 об.

65 Bemerkungen..., Bd. II, S. 285.

-66 Хлебников К. Т. Взгляд па полвека моей жизни.— Сын отечества, 1836, т. 175, с. 361; см. также: Дневник К. Т. Хлебникова. — ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 381, л. 5 об.

67 ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 75, л. 198.

68 Записка Лангсдорфа опубликована нами совместно с Т. К.

Шафрановской в кн.: Страны и народы Востока, вып. XVII. М., 1975, с. 86—118. Рукопись хранится в АВПР (ф. Главный архив, 1—7, 1802, д. 1, папка 44, л. 17—36).

69 АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1802, д. 1, папка 44, л. 20.

70 Там же, л. 33 об.

71 ЛОААН, ф. 31, оп. 1, № И, л. 3-3 об., 5 об.

72 АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1802, д. 1, папка 44, л. 14—15.

73 Там же, л. 16—16 об.

74 Bemerkungen..., Bd. II, S. 334.

75 АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1802, д. 1, папка 44, л. 14—15, 37—38.

76 ЛОААН, ф. 260, оп. I, № 82, л. 62 об., 63 об.

В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

1 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 22, л. 6.

2 Там же, л. 15.

3 Там же, л. 83.

4 Там же, л. 86 об.

6 Там же, л. 90.

6 Там же, л. 91—92.

7 Там же, л. 93.

8 ЛОААН, ф. 31, оп. 1, № И, л. 4-4 об.

9 Там же, р. V, оп. Л—6, № 1, л. 1.

10 Там же, ф. 1, оп. 2, 1808, № 24, § 283.

11 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 22, л. 99 об.

12 Там же, л. 104 об.

13 В 1826 г. эта рукопись была найдена в кабинете тогда уже покойного Александра I в Зимнем дворце п в настоящее время хранится в ЦГИА (ф. 1264, оп. 1, д. 164, л. 1—24).

14 ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1808, № 26, § 315.

15 Там же, § 316.

16 Там же, ф. 31, оп. 1, № И, л. 5.

17 Там же, ф. 1, оп. 3, № 76, л. 5—8, 11—14.

18 Портрет воспроизведен на обложке настоящего издания

19 ЛОААН, ф. 1, оп. la, № 22, § 428.

20 Bemerkungen..., Bd. I, S. 62.

21 Санктпетербургская адресная книга на 1809 год. Второе отделение. СПб., 1809, с. 360. Позже Лангсдорф, вероятно, переехал на 7 линию Васильевского острова — в академический дом (теперь это дом № 2).

22 ЛОААН, ф. 1, оп. 1а, № 20, § 259; см.: Bemerkungen ьber die Entstehung einer neuen Insel an der Nordwestkьste Amerika's, unweit der russischen Insel Unalasca von Hofrath Langsdorff. — Annalen der Physik, 1812, Bd. 42, S. 217—220.

23 ЛОААН, ф. 1, оп. 1а, № 20, § 271.

24 ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 22, л. 130 об.— 131; см. также: [Горнер И. К.] Степень теплоты..., с. 275—276.

25 Langsdorff G. Einige Bemerkungen, die Eigenschaften Kamtschadalischen Fliegenschwammes betreffend. — Annalen der wetteraьuschen Gesellschaft fьr die gesammte Naturkunde, 1809, Bd. I. S. 249—256. Специальный мемуар о мухоморах Камчатки

Лангсдорф послал в Академию наук еще в ноябре 1808 г. из Казани (ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 75, л. 346; р. I, оп. 129, № 7, л. 1—9).

26 ЛОААН, ф. 1, оп. 1а, № 22, § 243.

27 Langsdorff G. Remarques sur le Kamtschatka et sur ses productions naturelles. — Mйmoires de la Sociйtй Imperiale des Naturalistes de Moscou, 1812, t. III, p. 97—102.

28 АВПР, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел (далее — ДЛС и ХД), оп. 464, д. 1947, л. 1—3.

29 С г и б н е в А. С. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке в 1772—1816 гг. (ч. IV). —Морской сб., 1869, № 7, неоф. отд., с. 74—75; Окунь Г. Б. Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае. Л., 1935, с. 123—126.

30 ЛОААН, ф. 1, оп. 1а, № 20, §§ 315, 361, 404, 450, № 21, § 375, № 23, § 268, оп. 2, 1809, № 23, § 315, № 27, § 361, № 31, § 404, № 36, § 450.

31 Langsdorff G. Description d'un tetras, ou d'une espice particuliire d'oiseau trиs peu connue, qui se trouve aux environs de St. Pйtersbourg.—Mйmoires de l'Acadйmie Imperiale des sciences de St. Pйtersbourg, 1811, t. III, p. 286—294.

32 Plantes recueilles pendant le voyage de Russes autour du monde par G. Langsdorff et E. Fischer. Tьbingen, 1810.

33 ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1811, № 6, § 93.

34 Там же, оп. 129, № 8.

35 Бородин И. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908, с. 63—64.

36 ЛОААН, ф. 1, оп. 1а № 22, § 428.

37 Langsdorff et Horner. Observations mйtйorologiques faites d'heure en heure, entre les deux Tropiques, dans la mer du Sud, sur examiner les oscillations du baromitre. — Mйmoires de l'Acadйmie Impйriale de Sciences de St. Pйtersbourg, 1809, v. 1, p. 450—486.

38 Ibid., p. 451.

39 Лангсдорф Г. Описание узоров, наводимых жителями острова Вашингтона на их теле. — Технологический журнал, 1810, т. VII, ч. 2.

40 Langsdorff's Nachricht ьber die Tatowirung der Bewohner von Nukahiwa und der Washington-Insulaner. В кн.: Krusen- stern A. J. von. Beschreibung der Insel Nukagiwa. Weimar, 1811,

S. 40—47.

41 Bemerkungen..., Bd. I, S. [1].

42 ЦГИАЭ, ф. 1414, он. 3, д. 27, л. 124 об.

43 ЛОААН, ф. 1, он. la, № 21, § 119.

44 ЦГИАЭ, ф. 1414, он. 3, д. 27, л. 151.

45 Bemerkungen..., Bd. I—II; Kupfer zu G. H. v. Langsdorff's Bemerkungen... Bd. 1—2, Frankfurt a/M., 1812.

46 ЛОААН, ф. 1, on. la, № 23, § 217.

47 Bemerkungen..., Bd. I, S. [2].

48 В е б б К. Академик Г. И. Лангсдорф и развитие географической науки в Бразилии. В кн.: Проблемы исследования Америки в XIX—XX вв. Тезисы докладов к конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа. Л., 1974 (далее Проблемы...), с. 19 (курсив наш,— К. К.).

49 Ratzel F. Op. cit., S. 689.

50 Bemerkungen..., Bd. I, S. 144—145, 155—159.

112

31 HI т е рн к ер г Л. И. Этнография. В кн.: Тихий океан. Русские научные исследования. Л., 1926, с. 167.

52 Bemerkungen..., Bd. I, S. 300—303.

53 В a n c r o f t H. H. History of California, v. I. S. Francisco, 1884, p. 38; Штернберг Л. Я. Ук. соч., с. 152.

54 Штернберг Л. Я. Ук. соч., с. 152.

55 Bancroft Library, Robert B. Honeyman, Jr. Collection, Langsdorff Group, 63.2.1000—1037.

56 Фундаментальный труд Г. И. Лангсдорфа неоднократно переиздавался. Уже в 1813 г. вышло второе немецкое издание (Langsdorff G. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807, Bd. I—-II. Frankfurt a/M., 1813) и первый английский перевод (Langsdorff G. Voyages and Travels in various parts of the World during the years 1803, 1804, 1805, 1806 and 1807, v. 1—2. London, 1813). В том же году вышел перевод на голландский язык первой части книги (в двух томах) : Langsdorff G. H. von. Reis rondom de Wereld in de Jaren 1803 tot 1807, v. I—II. Haarlem—Amsterdam, 1813. Спустя пять лет эта часть книги была переиздана в Голландии вновь (Langsdorff G. H. von. Reis rondom de Wereld in de Jaren 1803 tot 1807, v. I—II. Amsterdam, 1818), а в 1819 г. вышли еще два тома, содержащие перевода на голландский язык второй части труда (Langsdorff G. H. von. Reis rondom de Wereld in de Jaren 1803 tot 1807, v. Ill—IV. Amsterdam,

1819). В 1816 г. книга Лангсдорфа выходит в Вене в переработке для юношества (G. Langsdorffs Reise um die Welt fьr die Jugend bearbeitet von R. K. Gutmann. Wien, 1816), в следующем году впервые издается в США (Langsdorff G. Voyages and Travels in Various Parts of the World during the Years 1803, 1804, 1805, 1806 and 1807. New York, 1817. Об откликах на это издание в США см.: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения. 1815—1832. М., 1975, с. 538). В 1829 г. обширные отрывки из книги Лангсдорфа опубликовал известный немецкий педагог Х. В. Гарниш (Harnisch W. Die wichtigsten neueren Land und Seereisen, Bd. 4. Leipzig, 1829, S. 3—222).

Интерес к труду путешественника начала XIX века велик и в наше время. В Германской Демократической Республике дважды —в 1951 и 1952 гг.—выходило его сокращенное издание (Langsdorff G. H. v. Eine Reise um die Welt. Leipzig, 1951; idem, 1952), а в 1967 г. в США вышел новый английский перевод (Langsdorff G. H. v. Voyages and Travels in Various Parts of the World during the Years 1803, 1804, 1805, 1806 and 1807. Ridgewood, 1967). В 1968 г. в Берлине были опубликованы главы, касающиеся Японии (Reisen in Nippon. Berichte deutscher Forscher der 17. und 19. Jahrhunderts aus Japan. Ausgewdhlt und eingeleitet von H. Scurla. Berlin, 1868, S. 249—347).

На русский язык книга Лангсдорфа не переводилась. Лишь в 1815 г. в «Сыне отечества» и в 1861 г. в приложении к «Морскому сборнику» были помещены небольшие фрагменты из нее [Лангсдорф Г. Путешествие в Бразилию. — Сын отечества 1815, ч. XXI, № 15, с. 73—84; Извлечение из записок Лангсдорфа 1803—1807 гг. Пер. с нем. В кн.: Материалы для истории русских заселений по берегам восточного океана, с. 183—196 (прил. к журналу «Морской сборник», 1861, № 4)].

ИЗ

57 JOOAAH, ф. 1, on. 2, 1812, № И, § 124; цп. la, JЯ 23, § 50.

58 ЦГИАЭ, ф. 1414, on. 3, д. 27, л. 167 об.

59 ЛОААН, ф. 1, on. la, № 24, § 50.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ В РИО-ДЕ-ШАНЕЙРО

1 Arquivo National, Rio de Janeiro (далее — ANRJ), sezbo historica, documentas avulsos, doc. 4, fils. 3—7. Автор приносит глубокую благодарность проф. К.-М. да Силва-Нигра, предоставившему ему копии документов из архивов Бразилии.

2 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая, т. VII. М., 1970, с. 206.

3 ЦГИА, ф. 37, он. 9, д. 448, л. 23 об.

4 Там же, л. 31—31 об.

5 Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 796, он. 1, д. 349, л. 2.

6 Головнин В. М. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818, 1819 гг. М., 1965, с. 38—39, 41—42, 45—46; Матюшкин Ф. Ф. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. 93, он. 2, д. 161, л. 24—24 об.; Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный». М., 1960, с. ИЗ, 450; Лазарев Ал. П. Плавание вокруг света военного шлюпа «Благонамеренный». М., 1950, с. 127; Шишмарев Н. Д. Журнал 1819, 1820, 1821 и 1822 годов на шлюпе «Благонамеренном». Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (далее — ЦГАВМФ), ф. 203, оп. 1, д. 7306, л. 14—14 об., 236; Новосильский П. М. Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера. В кн.: Русские открытия в Антарктиде в 1819—1821 гг. М., 1951, с. 203, 279; Симонов И. М. Шлюпы «Восток» и «Мирный», или Плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света.— Там же, с. 81.

7 Литке Ф. П. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». ЦГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 49.

8 АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1817, д. 9931, л. 95 об.

9 ЛОААН, ф. 31, оп. 1, № И, л. 7 об.

10 АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1817, д. 9934,. л. 5—6 об.

11 Там же, 1818, д. 9939, л. 20—21 об.

12 Там же, 1814, д. 9920, л. 4 об.—5 об.

13 Из бумаг графа де Бальмена, русского пристава при первом Наполеоне на острове Святые Елены. — Русский архив, 1869, № 4, с. 719—720.

14 Deutsches Zentralarchiv (далее — DZA), Hist. Abt. И, Merseburg, Ministerium fьr auswdrtige Angelegenheiten, AAI, Rep. 1, Nr 2351, S. 16v., 35V.; Nr. 2352, S. 50v.

15 E schwege W. L. von. Journal von Brasilien oder neue Nachrichten aus Brasilien, H. II. Weimar, 1818, S. 165—177.

16 Лазарев Ан. П. Плавание вокруг света на шлюпе «Ладога» в 1822, 1823, 1824 гг. СПб., 1832, с. 29—47; Головнин В. М. Ук. соч., с. 45; Черновые фрагменты записок М. Н. Васильева,

ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 104, л. 81—82; Дневник Э. П. Менетрие (находится в личном архиве А. Е. Гайсиновича в Москве), л. 32— 32 об.; Henderson J. A History of the Brasil. London, 1821, p. 98—99; Spix J. B., Martius K. F. Ph. Reise in Brasilien in den

Jahren 1817 bis 1820, Bd. I. Мьnchen, 1823, S. 150, 158, 170; Pohl J. E. Reise im Innern von Brasilien, Bd. I. Wien, 1832, S. 177—178, 180—181, Bd. II. 1837; S. 609; Walsh R. R. Notices of Brazil in 1828 and 1829; v. II. London, 1830, p. 285—286.

17 В КН.: Лазарев Ан. П. Ук. соч., с. 45.

18 Arquivo Nacional Torre do Tombo (Lisboa), Ministerio dos negфcios estrangeiros. Correspondкncia dos caixas. Legазво da Russia em Portugal, caixa 2 (1815—1828), Requerimento de Jorge de Langsdorff, Consul Gйrai da Russia. 1819. Автор приносит глубокую благодарность проф. Р. Бартли (США), предоставившему ему копню этого документа.

19 ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 104, л. 82.

20 ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 76, л. 339—340.

21 Там же, № 77, л. 63—64.

22 Там же, л. 93; Эшваге [В. фон]. Краткая выписка из наблюдений, учиненных в Бразилии (о естественных богатствах этой страны) и особливо в округе Минае Герас. (Перев. П. Петров). — Технологический журнал, 1815, т. XII, ч. 2, с. 3—42.

28 АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1817, д. 9934, л. 1—4 об.

24 Литке Ф. П. Дневник..., л. 39.

25 Saint-Hilaire Aug de. Voyage dans les Provinces de Rio de Janeiro et de Minas Gerais, vol. I. Paris, 1830, p. 129—130.

26 Bourdon L. Lettres familiires et fragment du journal intime de Ferdinand Denis a Bahia (1816—1817). Coimbra, 1957

p. 73, 80.

27 Luc cock J. Notes on Rio de Janeiro and the southern parts of Brasil. London, 1820, p. 372; Henderson J. Op. cit., p. 99

28 ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 78, л. 94—97 об.

29 Там же, оп. 2, 1821, № 12, § 118; АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1818, д. 9939, л. 16—17; Дневник Э. П. Менетрие,.л. 52 об.

80 Henderson J. Op. cit., p. 99.

31 АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1818, д. 9939, л. 18—19 об. ЛОААН, ф. 31, оп. 1, № 11, л. 8.

32 ЦГИАЭ, д. 1414, оп. 3, № 28, л. 196.

33 Langsdorff G. Мйmoires sur le Brйsil pour servir de guide a ceux qui dйsirent s'y йtablir. Paris, 1820.

34 Langsdorff G. Bemerkungen ьber Brasilien mit gewissenschaften Belehrung fьr auswandernde Deutsche. Heidelberg, 1821; Memoria sobre Brasil, para servir de guia aqueles que nele se desejam establecer pelo cavaleiro G. de Langsdorff. Rio de Janeiro, 1822 '

35 ЛОААН, ф. 62, оп. 2, № 60, л. 1—2.

36 Там же, ф. 1, оп. 2, 1821, № 20, § 225.

37 АВПР, ф. Административные дела (далее —АД), Н-21, 1821, д. 5, л. 1—1 об., 3.

38 Там же, л. 2—2 об.

39 Там же, л. 6.

40 Гайсинович А. Е., Комиссаров Б. Н. Новые бразильские рукописи Э. П. Менетрие. — Изв. ВГО, т. 100, 1968, вып 3

с. 249—251. ' '

115

41 Richert G. Johann Moritz Rugendas. Ein Deutscher Maler des XIX. Jahrhunderts. Berlin, 1959.

42 Arquivo do Ministйrio dos RelazФes Exteriores do Brasil. Rio de Janeiro, Palacio do Itamarati (далее — AMREB). Lista des colonos que sдo transportados d'Almanha para o Rio de Janeiro a custe de G. V. Langsdorff no anno 1822, fils. 1—2.

43 Ibid. Lista de pessoas, que se achво na companhia e no serviзo particular de G. de Langsdorf f, fol. 1.

44 Ibid. Os offeitos de G. v. Langsdorff, que sи achво a bordo da Gallera Doris de Bremen (Capit. Stacke), fils. 1—3.

45 Дневник Э. Л. Менетрие, л. 1—2 об.

46 DZA, Hist., Abt. И, Merseburg, Rep. 76 Vc, Sekt. 1, Tit. XI; Teil V. A., № 1, Bd. II, S. 1—6.

47 Эти сведения были любезно сообщены автору проф. Моэмоп Паранте Аугель (Бразилия), недавно обнаружившей в отделе рукописей Национальной библиотеки в Рио-де-Жанейро (Sezво de manuscritos da Biblioteca Nacional do Rio de Janeiro) неизвестный дневник Л. Риделя 1820—1823 гг.

48 А л е к с е е в А. И., Комиссаров Б. Н. Н. Г. Рубцов и его роль в исследовании Бразилии. — Изв. ВГО, т. 98, 1966, вып. 6, с. 500—506.

49 Фактура русских вещей, врученных г-ну Тулубьеву, капитану российского фрегата Аполлона, для доставления Г. фон Лангсдорфу в Рио де Янейро, по приказанию коего и на его счет и риск оные были куплены и нагружены на корабль тот. АВПР, ф. АД, П-21, 1821, д. 5, л. 13—14.

50 См., напр.: Voyage scientifique. — Revue encyclopйdique) 1822, t. XVI, p. 199.

51 АВПР, ф. АД, И-21, 1821, д. 5, л. 11.

БРАЗИЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1 АВПР, ф. АД, И-21, 1821, д. 5, л. 21—21 об., 24—24 об.

2 Langsdorff G. Rede, gehalten am Bord des Schiffes «Doris» von Bremen beim Einlaufen in den Hafen von Rio Janeiro den 3. Mдrz 1822. Wiesbaden, 1824.

3 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, л. 76-76 об.; ЦГАВМФ, ф. 213,

он. 1, д. 104, л. 81—81 об.; Дневник Э. П. Менетрие, л. 31, 35, 37 об., 40.

4 ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 104, л. 82.

5 AMREB, G. v. Langsdorff — Josй Bonifacio d'Andrada e Silva, Rio de Janeiro, 17 Mars, 1822, fol. 4.

6 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, л. 76—76 об.

7 Там же, ф. 62, оп. 2, № 60, л. 3 об.

8 Там же, ф. 1, оп. 3, № 79, л. 153.

9 В феврале 1821 г. капитании были преобразованы в провинции.

10 AMREB. G. v. Langsdorff — Josй Bonifacio d'Andrada e Silva Rio de Janeiro, 20 Juillet, 1822, fils. 1—2. '

11 Ibid. G. v. Langsdorff — Josй Bonifacio d'Andrada e Silva Mandioca, 10 Decembre, 1822, fils. 1—2. '

12 АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1823, д. 9741, л. 9—10 об

116

la Mawe J. Voyages dans ˆintйrieur du Brasil, v. I. Paris, 1816, p. 209—240.

14 Observations zoologiques faites dans la Province de Rio Janeiro dans les annйes 1822—1823, par G. de Langsdorff et Ed. Mйnйtriй (ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 9, л. 1—25).

15 Description du-rat a ventre blanc Mus leucogaster (там же, р. 1, оп. 129, № И, л. 1—2 об.).

16 Там же, ф. 1, оп. la, № 35, § 290.

17 AMREB, G. v. Langsdorff — Luis Josй de Calvalho e Mello, Rio dje Janeiro, 5 Fйvrier, 1824, fils. 1—2.

18 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 1, л. 38.

19 Там же, № 46, л. 47 об.

20 Там же, ф. 1, оп. 3, № 77, л. 63-64.

21 Там же, № 78, л. 97 об.; Wied Neuwied M. Reise nach Brasilien in den Jahren 1815—1817, Bd. I—II. Frankfurt a/M., 1820-21.

22 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 30, л. 34, 46—48, 53—53 об.; Spix J. B. und Martius K. F. Ph. Op. cit. Bd. I. Mьnchen, 1823.

23 Дневник Э. П. Менетрие, л. 37 об.

24 Saint-Hilaire Aug. de. Apercu d'un voyage dans l'inte- rieur de Brйsil. Paris, 1823; ЛОААН, ф.~ 63, оп. 1, № 40, л. 4—6.

25 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 3, л. 90 об.

26 Там же, № 1, л. 70.

27 Там же, № 3, л. 44.

28 Там же, № 46, л. 1 об.

29 Там же, л. 5.

30 Там же, № 1, л. 136.

31 Там же, № 46, л. 5 об.

32 Там же, л. 11 об.

33 Там же, л. 7—7 об.

34 Там же, л. И об.—12, 18 об.—19; № 1, л. 230—231.

35 Там же, № 46, л. 12.

36 Там же, № 1, л. 292 об.—293.

37 Там же, № 46, л. 23—23 об.

38 Там же, № 1, л. 1—335; № 2, л. 1—45.

39 Там же, № 38, л. 1—3.

40 Там же, л. 3.

41 Там же, № 37, л. 1—3.

42 Там же, № 1, л. 172—172 об.

43 Там же, № 46, л. 23.

44 ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1825, № 21, § 220.

45 Там же, ф. 63, оп. 1, № 32, л. 1—15 об.; N° 16, л. 1—10; N° 17, л. 1—2; № 30, л. 28—29; см.: Комиссаров Б. Н. Академик Г. И. Лангсдорф и бразильский ученый Ж. Виейра Коуту. — Изв. ВГО, т. 102, 1970, вып. 4, с. 370—373; Комиссаров Б. Н., Третьяков С. Л. Материалы по статистике населения Бразилии первой четверти XIX в. в архиве экспедиции Г. И. Лангсдорфа. В кн.: Исследования по новой и новейшей исторйп. Л., 1972,

с. 19-26.

46 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, N° 12, л. 1-6; N° 13, л. 2-5 об.

47 Там же, N° 25, л. 1—10.

48 См.: Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание. Л., 1973 (далее — Материалы...), с. 60—72.

117

49 АВПР, ф. Канцелярия, он. 468, 1825, д. 9790, л. 8—9 об.

50 ЛОААН, ф. 63, он. 1, № 47, л. 5—5 об.

51 Б а р т л и Р. Академик Г. И. Лангсдорф и отношения России с Бразильской империей (1822—1828). В кн.: Проблемы..., с. И.

52 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 47, л. 1—2.

53 Книга О. Сент-Илера о его путешествии по провинции Сан-Паулу была опубликована только в 1851 г. (Sain t-H i 1 a i r e Aug. de. Voyage dans les provinces de Saint-Paul et de Sainte-Catherine, V. I—II. Paris, 1851). И. Наттерер так и не опубликовал описание своих путешествий.

54 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 39, л. 3 об.

55 Там же, л. 2 об.

56 Извлечение из письма г. Лангсдорфа, Российского Генерального консула в Бразилии, к его отцу. — Северный архив, 1825, ч. XVIII, с. 406.

57 Московский телеграф, 1825, ч. 4, № 14, с. 178; Hertha, 1825, Bd. И, H. 3, S. 76-77.

58 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 39, л. 2 об.; Комиссаров Б. Н. Из дневника участника русской научной экспедиции в Бразилию в

1821—1829 гг. — Латинская Америка, 1972, № 5, с. 144—160; 1973, № 1, с. 142—161.

59 AMREB, G. V. Langsdorff — Luis Josй de Carvalho e Mello, Mandioca, 14 Juillet, 1825, fils. 1—3; G. v. Langsdorff — Luis Josй de Carvalho e Mello, Rio de Janeiro, 17 Aoыt, 1825, fils. 1—2.

60 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 47, л. 35.

61 Там же, № 30, л. 15—16, 32 об.—33, 35—40, 59—62; № 47, л. 14—18; Комиссаров Б. Н., Третьяков С. Л. Ук. соч., с. 26—29.

62 Комарка — административно-территориальная единица. Бразильские провинции в рассматриваемый период делились на комарки.

63 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 2, л. 82 об.

64 Там же, л. 86—86 об.

65 АВПР, ф. АД, И-21, 1821, д. 5, л. 172-176; ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1826, № 29, § 326.

66 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 2, л. 97 об.

67 Там же, № 46, л. 28.

68 Там же, л. 51—51 об.

69 Anzeige von einem in Brasilien entdeckten und bei Wassersьchten sehr wirksamen Heilmittel, Cainca genannt (там же, р. I, оп. 129, № 12, л. 1—4).

70 Extrait d'une Lettre de M. Langsdorff, Conseiller d'йtat et Consul russe au Brйsil, a M. le colonel Bory de Saint-Vincent.— Annales des Sciences Naturelles, 1826, t. IX, p. 332—338; Langsdorff G. Kurze Bemerkungen ьber Anwendung und Wirkung der Caincawurzel. Rio de Janeiro, 1827.

71 ЛОААН, р. IV, оп. 1, № 1012, л. 64.

72 Там же, ф. 63, оп. 1, № 46, л. 33.

73 Там же, № 3, л. 64.

74 Там же, л. 114 об.

75 Там же, № 22, л. 1—28; № 23, л. 1—3 об.; № 26, л. 1—2 об. Лингва жерал (португ. lingua gйrai) — язык, искусственно насаждавшийся в Бразилии (в XVI—1-й пол. XVIII в.) иезуитами при обращении индейцев в христианство.

76 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, л. 38 об.—39.

77 Там же, № 46, л. 98—99, 103—104, 105, 107, 112, № 47, л. 19—23.

78 Там же, л. 53, 100; № 34, л. 20 об.

79 Там же, № 15, л. 3—5; Комиссаров Б. Н., Третьяков С. Л. Ук. соч., с. 29—30.

80 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 28, л. 1—9.

81 Там же, ф. 1, оп. 2, 1828, § 295.

82 St. Petersbourgische Zeitung, 1828, 29 Juni.

83 Ibid., 1827, 13 September.

84 Северный архив, 1828, ч. XXXI, с. 371—377.

85 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, л. 40—41.

86 Florence H. Viagem fluvial de Tietй ao Amazonas de 1825 a 1829. Sдo Paulo, 1948, p. 198.

87 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 4, л. 17 об.

88 Callisen A. C. P. Medicinisches Schriftsteller-Lexikon der jetzt lebender Aerzte, Bd. II. Copenhagen, 1832, S. 52—53; Bd. XXIX, 1841, S. 444—445; Hirsch A. Biografisch Lexikon der Hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Vцlker, Bd. 3. Leipzig, 1886, S. 608.

89 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 29, л. 1—63.

90 Там же, № 46, л. 43—43 об.

91 Там же, № 47, л. 20.

92 Там же, № 4, л. 23.

93 Там же, № 46, л. 43 об.

94 Там же, л. 44.

95 Там же, л. 98—99.

96 Там же, л. 44 об.—45.

97 Там же, л. 64—65.

98 Trabalhos e indagacoes qe fazem o objecto da Statistica da Provincia de Mato Grosso, feitas no Anno 1826 para 1827 (ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 34, л. 1—21). См.: Комиссаров Б. Н. Неизвестный труд Г. И. Лангсдорфа по географии Мато-Гросо. — Латинская Америка, 1974, № 3, с. 118—128.

99 Рападура — первичный сахар темного цвета, составлявший в основном пищу рабов и низов свободного населения Бразилии.

100 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 4, л. 21—21 об.; № 5, л. 15; № 6, л. 20; № 7, л. 4.

101 Там же, № 1, л. 327—328; № 5, л. 26-27 об.

102 Там же, № 5, л. 15.

103 Там же, № 46, л. 55 об.

104 Там же, л. 46.

105 Там же, № 5, л. 8.

106 Там же, № 8, л. 25 об., 32 об.

107 Там же, № 5, л. 21.

108 Эта версия гибели художника не является, однако, единственной : в своем донесении Нессельроде от 1 (14) апреля 1828 г. Кильхен, ссылаясь на письмо к нему Риделя от 29 декабря 1827 г. (10 января 1828 г.), писал, что Тонэй умер от тропической лихорадки (АВПР, ф. АД, Н-21, 1821, д. 5, л. 206 об—207).

109 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 5, л. 8 об.

110 Там же, № 8, л. 32.

1,1 Там же, № 46, л. 96—97, 108—109.

112 Тт же, л. 95,

119

113 Там же, № 7, л. 3.

114 Там же, л. 5 об.

115 Там же, л. 13 об.

116 Там же, л. 21.

117 ЛОААН, р. IV, оп. 1, № 1012, л. 77 об.

118 Florence H. Op. cit., p. 293.

119 Пиоенс — кровососущее насекомое.

120 ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 8, л. 49.

121 Там же, № 7, л. 22 об.

122 Там же, л. 23 об.

123 Там же, л. 24.

124 18—26-я дневниковые тетради Г. И. Лангсдорфа охватывают период с 14 (26) августа 1825 г. по 8 (20) мая 1828 г. (ЛОААН, ф. 63, он. 1, № 2, л. 46—109 об.; № 3—7).

125 Florence H. Op. cit., p. 303.

126 АВПР, ф. АД, 11-21, 1821, д. 5, л. 232 об.

127 ЛОААН, ф. 63, он. 1, № 8, л. 49 об.

128 Florence H. Op. cit., p. 305.

129 АВПР, ф. АД, 11-21, 1821, д. 5, л. 193-194 об.

130 Там же, л. 206.

131 Там же, л. 56 об.

132 ЛОААН, ф. 63, он. 1, № 8, л. 58.

133 АВПР, ф. АД, Н-21, 1821, д. 5, л. 93-94, 105.

134 ЛОААН, ф. 63, он. 1, № 8, л. 69 об.

135 22 августа (3 сентября) 1825 г. экспедиция отправилась из Рио-де-Жанейро в GaHTyc, начав путешествие в глубинные районы Бразилии.

136 АВПР, ф. АД, И-21, 1821, д. 5, л. 233, 234-235 об.

137 ЛОААН, ф. 63, он. 1, № 8, л. 64 об.

138 ANRJ, sezbo historica, documentos avulsos, doc. 3, fils. 1—3. По свидетельству английского путешественника Г. Гарднера, побывавшего в Бразилии в 1836—-1841 гг., в фазенде Г. И. Лангсдорфа была размещена пороховая мануфактура (Gardner G. Travels in the Interior of Brasil. London, 1849, p. 399).

139 ЛОААН, ф. 63, он. 1, № 46, л. 66—70.

140 Там ;йе л 73 75

141 АВПР, ф. АД, И-21, 1821, д. 5, л. 236—236 об., 239.

142 Там же, р. IV-14, 1829, д. 24, л. 8—9 об.

143 Там же, Н-21, 1821, д. 5, л. 241—241 об.

144 Н е е л о в А. В. Ихтиологические коллекции академика Г. И. Лангсдорфа. В кн.: Проблемы..., с. 25—27.

145 П о т а п о в Р. Л. Орнитологические сборы академика Г.

И. Лангсдорфа в коллекциях Зоологического института АН СССР. — Там же, с. 33—34.

146 Б о б р о в А. Е. Г. И. Лангсдорф и исследования россий¬ ских ботаников на Американском континенте в XIX в. — Там же, с. 13; Черников А. М., П и д о т т и О. А. Первая русская экспедиция в Бразилию. — Ботанический журнал, 1974, № 8, с. 1225—1228.

147 Об изучении этих материалов см.: Комиссаров Б. Н. 1) Архив экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829). В кн.: От Аляски до Огненной Земли. М., 1967, с. 275—285; 2) Академик Г. И. Лангсдорф и его экспедиция в Бразилию в 1821—1829 гг. В кн.: Материалы..., с. 36—43; 3) Изучение научного

наследия академика Г. И. Лангсдорфа. В кн.: Проблемы..с. 3—8; 4) Этнографические исследования академика Г. И. Лангсдорфа. — Советская этнография, 1975, № 3, с. 83—97; В а- сильева-Шведе О. К. Лингвистические материалы академика Г. И. Лангсдорфа. — Там же, с. 14—17.

148 АВПР, ф. АД, Н-21, 1821, д. 5, л. 284—285.

149 ЛОААН, ф. 1, он. 2, 1831, № 14, § 227.

150 ЦГИА, ф. 733, он. 12, д. 76, л. 69 об.

151 Wald brьh 1 W. Op. cit, S. 441—442.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание. Издание подготовили Д. Е. Бертельс, Б. Н. Комиссаров, Т. И. Лысенко. Л., 1973 (Труды Архива АН СССР. Вып. 25).

2 Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лапгсдорфа. (Проблемы исследования Америки в XIX—XX вв.). Ленинград, 22—24 октября 1974 г. Тезисы докладов. Л., 1974.

3 Вопросы истории, 1975, № 1; США. Экономика. Политика. Идеология, 1975, № 1; Латинская Америка, 1975, № 2; Советская этнография, 1975, № 3; Новая и новейшая история, 1975, № 4; Kulturring (Hannover), 1975, № 2, и др.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. И. ЛАНГСДОРФА

1774, 6 (17) апреля. Родился в местечке Вёллыптейн в курфюршестве Майнц.,

1797 Получил степень доктора медицины в Геттингенском университете и отправился в Португалию.

1801—1802 Принимал участие в походе английских войск из Португалии в Испанию.

1803 7 (19) января. Избран членом-корреспондентом

Петербургской Академии наук.

1803 9 (21) августа. Принят в состав первой русской кругосветной экспедиции.

1804, август — 1805, апрель. Был членом посольства Н. Н. Резанова в Японию.

1805, июнь—1806, сентябрь. Путешествовал по Северо-Западной Америке и Калифорнии.

1806, сентябрь—1808, март. Путешествовал по Камчатке, Сибири и Европейской России.

1808, июль. Принят в Петербургскую Академию наук в качестве адъюпкта по ботанике.

1809, сентябрь. Переведен на должность адъюнкта по зоологии.

1812 Издал описание кругосветного путешествия, был избран

экстраордтгаарпым членом Петербургской Академии наук и назначен российским генеральным консулом в Рио-де- Жанейро.

1813, апрель. Прибыл в Рио-де-Жанейро.

1814, июнь — 1815, май;

1817, июнь—1819 Совмещал обязанности генерального консула и поверенного в делах России при португальском дворе в Рио-де-Жанейро.

1816, декабрь—1817, март. Вместе с французским ученым О. Сент- Илером путешествовал по провинции Минас-Жераис.

1821 Возвратился в Петербург и поставил вопрос об организации русской паучпой экспедиции в Бразилию.

1821, 21 июня. Российское правительство утвердило план экспедиции в Бразилию, представленный Г. И. Лангсдорфом.

1822, март. Прибыл в Бразилию вместе с другими участниками экспедиции.

1822, сентябрь-декабрь. Совершил поездку в г. Нова-Фрибургу (провинция Рио-де-Жанейро).

1824, май—1825, март. Путешествовал по провинции Мпнас-Жераис.

1825, август—1826, поябрь. Путешествовал по провинции Сап- Паулу.

1826, ноябрь—1828, апрель. Осуществил исследование провинции Мату-Гросу.

1828, апрель. Заболел тропической лихорадкой, приведшей к психическому расстройству.

1830 Возвратился в Германию.

1831 Вышел в отставку.

1852, 17 (29) июня. Скончался а г. Фрецбурго (Брейсгау) на 79-м году жизни,

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

На обложке:

Портрет Г. И. Лангсдорфа. Гравюра Ф. Лехмана. (1809 г., Дармштадт).

На вклейках:

Вид на остров Св. Георга — один из о-вов Прибылова в Беринговом море. Рис. Г. И. Лангсдорфа. Впервые опубликован в кн.: Kupfer zu G. H. von Langsdorff's Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807, Bd. II. Frankfurt a/M., 1812.

Портрет Г. И. Лангсдорфа. Рис. неизвестного мастера. Впервые опубликован в кн.: Nйcrologe Universel du XIX-e siucle. Paris, 1853.

Река Кубатан близ Сантуса (Бразилия). На носу лодки — Г. И. Лангсдорф. Рис. А. Тонэя. Оригинал — в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (ф. 63, оп. 2, № 2). Публикуется впервые.

Могила Г. И. Лангсдорфа во Фрейбурге (ФРГ). Фото. Полустершаяся надпись на памятнике гласит: «Hier ruht Georg V. Langsdorff Kaisr. Russ. Staatsrath Comandeur und Ritter mehrerer Orden Starb in seinem 78. Lebensjahre den 29 Juni 1852» («Здесь лежит Георг фон Лангсдорф, Российской империи статский советник, командор и кавалер многих орденов. Скончался на 78-м году жизпи 29 июня 1852 г.»).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Молодые годы. Начало научной деятельности 7

Кругосветное путешествие 15

В Петербургской Академии наук 44

Генеральный консул в Рио-де-Жанейро 56

Бразильская экспедиция 70

Заключение 105

Примечания 107

От автора (107). Молодые годы. Начало научной деятельности (107). Кругосветное путешествие (108).

В Петербургской Академии наук (111). Генеральный консул в Рио-де-Жанейро (114). Бразильская экспедиция (116). Заключение (121).

Основные даты жизни и деятельности Г. И. Лангсдорфа 122 К иллюстрациям 123